А. ТАЛЬ

НИКОЛАЙ КОЛОБОВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Я. ПОВОЛОЦКІЙ и К-о
ПАРИЖЪ

А. ТАЛЬ

НИКОЛАЙ КОЛОБОВЪ

Романъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Я. ПОВОЛОЦКІЙ и К-о
ПАРИЖЪ 1931.

Copyright by J. Povolozky & Co, Paris 1931
Tous droits reservés

I.

Въ тотъ день Николай Васильевичъ Колобовъ вернулся домой позднѣе обыкновеннаго. Онъ осторожно почти на цыпочкахъ, какъ-бы опасаясь расплескать неожиданно нахлынувшія чувства, прошелъ въ самый конецъ длиннаго, темнаго корридора къ своей комнатѣ. Открывъ дверь, онъ нашарилъ привычной рукой съ правой стороны выключатель. Тусклый желтоватый свѣтъ выхватилъ изъ тьмы тяжелыя, запыленныя портьеры на окнахъ, обязательный во всѣхъ меблированныхъ комнатахъ шкафчикъ-этажерку, потрепанный, вылинявшій коверъ и портретъ Бисмарка надъ кроватью. Сбросивъ пальто и шляпу и пригладивъ густые, сѣдѣющіе волосы, Николай Васильевичъ опустился въ единственное кресло. Рядомъ за стѣной послышался кашель. Жильцы Frau Dr. Naumann не выходили поздно по вечерамъ — это были все почтенные люди: отставной маіоръ съ желѣзнымъ крестомъ, полученнымъ за какой-то громкій подвигъ на берегу Марны, вѣчно чѣмъ-то недовольный, съ ревматической болью въ правомъ плечѣ, относящійся къ людямъ вообще, а къ Николаю Васильевичу, какъ къ русскому, въ частности съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Рядомъ съ маіоромъ жила свѣтло - волосая голландка - художница, водящая нескончаемые разговоры по телефону на своемъ гортанномъ нарѣчіи, отъ которыхъ у Frau Doktor всегда дѣлалась мигрень. Сосѣдкой же Николая Васильевича была русская, Ольга Пет-

ровна Кандинская, вдова разстрѣляннаго большевиками полковника, дама лѣтъ пятидесяти, все еще бойкая, несмотря на пережитое, все еще энергичная, готовая приняться за любую работу, чтобы только не быть въ тягость сыну, уплывшему въ Аргентину простымъ матросомъ и устроившемуся тамъ въ качествѣ не то повара, не то пастуха на богатой фермѣ, и изрѣдка посылавшему матери короткія письма съ экзотически - яркими марками, иногда даже съ хрустящей бумажкой въ нѣсколько долларовъ. Ольга Петровна шила бѣлье, дѣлала строчку, бралась за маникюръ, даже ходила изъ дома въ домъ предлагать русское брусничное варенье, съ каждой проданной банки котораго она зарабатывала по двадцать пфениговъ. Съ Frau Doktor Naumann у Ольги Петровны были недоговоренныя отношенія — онѣ другъ друга совершенно не понимали, но каждая изъ нихъ уважала въ другой именно то, что не понимала больше всего.

Къ Николаю Васильевичу Frau Naumann питала что-то вродѣ материнскаго чувства. Она любила его за то, что никто не штопалъ ему носковъ и не заботился о томъ, ѣстъ ли онъ во-время. Все это должна была дѣлать она сама. Часто по вечерамъ, сидя за круглымъ пустымъ обѣденнымъ столомъ подъ желтымъ абажуромъ и штопая носки своего жильца, Frau Naumann воображала, что ея Эрихъ все еще съ нею и что это его носки она бережно складываетъ. Николай Васильевичъ уходилъ рано утромъ на службу, и сама Frau Doktor заворачивала для него въ жесткую бумагу четыре ломтика сѣраго хлѣба съ колбасой и, открывая входную дверь, неизмѣнно говорила: — «Also bis zum Abend, Herr Koloboff», въ улыбкѣ показывая три золотыхъ зуба. По субботамъ Николай Васильевичъ возвращался къ тремъ часамъ со службы, обѣдалъ съ Frau Naumann за круглымъ столомъ рядомъ со свѣтловолосой художницей, которая на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ стара-

лась объяснить ему разницу между кубизмомъ и дадаизмомъ. Frau Doktor ѣла много и молча, изрѣдка кивая головой въ сторону художницы, чтобы поддержать разговоръ. Къ концу обѣда ея глаза слипались, она кивала все чаще и, наконецъ, засыпала, неудобно облокотившись на руку, съ довольной улыбкой на губахъ.

День, когда Николай Васильевичъ Колобовъ вернулся домой позднѣе обыкновеннаго, былъ субботній. Такъ какъ въ три его еще не было, то, подождавъ немного, рѣшили сѣсть за столъ безъ него. Frau Naumann немного удивилась опозданію своего жильца, но къ обѣду были золотисто поджаренные пышные Kartoffelpuffer и поэтому нельзя было долго ждать, иначе они грозили почернѣть и провалиться, какъ воздушные замки.

Николай Васильевичъ вернулся только въ десятомъ часу вечера. Причиной этому было письмо изъ Россіи, отъ жены, изъ далекаго уѣзднаго городка, гдѣ такъ болѣзненно остро пахнетъ черемуха въ старомъ городскомъ саду. Жена писала, что, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, получила заграничный паспортъ и скоро, черезъ какихъ нибудь тридцать дней, выѣдетъ къ нему въ Берлинъ. Сперва онъ не могъ понять, не могъ повѣрить. Его жена, его Таня, которую онъ не видѣлъ скоро десять лѣтъ, его Таня, такая все еще близкая, несмотря на разлуку и разстояніе, такая всегда одинаково нестерпимо желанная, будетъ здѣсь съ нимъ скоро, черезъ четыре недѣли. Сердце радостно заметалось, слезы подступили къ горлу, хотѣлось смѣяться, двигаться. —

Время какъ будто застыло. Привычныя цифры прыгали передъ глазами. Вялыя лица сослуживцевъ казались скучнѣе обыкновеннаго. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, большая, черная стрѣлка часовъ приблизилась къ цифрѣ 6, а маленькая — къ 3-мъ. Половина третьяго, можно собираться. Николай Васильевичъ вышелъ первымъ, наскоро попрощавшись

съ сослуживцами. Онъ завернулъ за уголъ незнакомой улицы и пошелъ наугадъ. Онъ забылъ надѣть шляпу, и талый весенній вѣтеръ ласково трепалъ его сѣдѣющіе волосы. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на этого уже не молодого человѣка въ потертомъ пальто съ шляпой въ рукахъ, быстро шагавшаго мимо, никого не замѣчая, съ неожиданно радостной улыбкой на лицѣ. Долго бродилъ Николай Васильевичъ по незнакомымъ улицамъ. Солнце грѣло по весеннему. Потомъ вдругъ стемнѣло. Нашла туча и закапалъ свѣжій дождь. Николай Васильевичъ забрелъ въ пивную, съѣлъ порцію сосисокъ и выпилъ бокалъ пива. Онъ себя чувствовалъ такимъ необыкновеннымъ и праздничнымъ; онъ никогда не разрѣшалъ себѣ лишнихъ расходовъ, экономилъ каждый пфеннигъ для отсылки туда, женѣ, въ далекій русскій городъ. Теперь она пріѣдетъ, будетъ работать, помогать ему. Они снимутъ комнату съ пользованіемъ кухней. Она будетъ готовить. Вечеромъ, когда онъ придетъ домой, она будетъ встрѣчать его. Онъ увидитъ ея лицо, съ которымъ связаны всѣ радости, всѣ горести его жизни. Темно - каріе глаза, чистый лобъ и тяжелую русую косу своей Таии.

Николай Васильевичъ вышелъ изъ пивной. Дождь пересталъ, было свѣжо и сыро. Темнѣло. Въ чистомъ небѣ сверкалъ узкій серпъ луны. Теплымъ желтоватымъ свѣтомъ зажигались фонари. Пѣшкомъ по незнакомымъ улицамъ Николай Васильевичъ бодро зашагалъ домой, на далекую Ansbacherstrasse.

II.

Мигая, качались со скрипомъ фонари, протянутые на проволокѣ поперекъ улицъ. Мягко шелестѣли вѣтви на вѣтру, будто тихій дождь. Николай Васильевичъ шелъ быстро, нагнувъ голову противъ вѣтра, засунувъ руки глубоко въ карманы и поднявъ воротникъ. Было поздно, девятый часъ. Его задержали на службѣ. Надо было провѣрить всѣ счета къ первому. Скоро первое, еще двѣ недѣли, всего двѣ недѣли остались до пріѣзда Тани. Больше писемъ не было оттуда, но онъ зналъ, чувствовалъ, что все хорошо, что все будетъ такъ, какъ она писала. Надо просить авансъ на службѣ, вѣдь Таня, вѣрно, обносилась за эти долгіе годы, а тамъ въ Россіи не купишь ничего путнаго. Какъ нибудь наладится. Можно и на выплату взять. Теперь все это гораздо легче, чѣмъ было.

При переходѣ черезъ Nollendorfplatz пришлось ему остановиться, чтобы пропустить грузовикъ съ тремя прицѣпными вагонами, который съ грохотомъ и звономъ цѣпей тяжело заворачивалъ съ Motzstrasse на площадь. Вдругъ кто-то взялъ Колобова подъ руку. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что вздрогнулъ и испуганно обернулся.

— «Что это вы, дражайшій, какъ нервная дѣвица вздрагиваете, а?»

— «Ахъ, это вы, Семенъ Павловичъ; а я такъ замечтался. Знаете, я получилъ письмо изъ Россіи. Жена пріѣзжаетъ скоро».

Лицо Николая Васильевича невольно выразило такую радость, что Семенъ Павловичъ разсмѣялся добрымъ старческимъ смѣхомъ, отъ котораго вокругъ узкихъ глазъ его легли лучики морщинки, и вся его маленькая немного сутулая фигура въ черномъ пальто и не свѣжей шляпѣ, казалось, зарадовалась вмѣстѣ съ Колобовымъ.

— «Вотъ что, Николай Васильевичъ, милый», — ласково заговорилъ Семенъ Павловичъ, взявъ собесѣдника подъ руку и увлекая его за собой. — «Что это мы тутъ стоимъ, а вѣтеръ съ насъ норовитъ шляпы сдунуть. Давайте-ка зайдемъ куда нибудь, гдѣ тепло, свѣтло, и чайку попить можно. Тамъ и покалякаемъ. Я, кстати, сегодня одно дѣльце обдѣлалъ. Заработалъ маленько, вотъ и вспрыснемъ. Заодно выпьемъ и за пріѣздъ вашей Татьяны Александровны. Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы не противорѣчьте», — замахалъ онъ руками, видя, что Николай Васильевичъ собирается отказаться отъ приглашенія.

— «Я плачу, я васъ угощаю и Вы не имѣете права улизнуть. Это кровная обида».

Въ маленькомъ русскомъ ресторанѣ на одной изъ темныхъ уличекъ берлинскаго Вестена было накурено, жарко и шумно. Играли балалаечники, шестеро ребятъ въ голубыхъ рубашкахъ съ вышивкой у ворота, въ высокихъ красныхъ сапогахъ, напомаженные и чисто выбритые. Прислуживали барышни, всѣ — русскія, съ усталыми и равнодушными лицами, въ черныхъ платьицахъ и бѣлыхъ передникахъ. Одна изъ нихъ, страшно худая, все улыбалась ярко накрашеннымъ ртомъ, а глаза ея были неподвижны, какъ два камня на самомъ днѣ морскомъ. Публика въ ресторанѣ была разная: люди безъ всякой профессіи, такъ называемые посредники; ихъ можно узнать по измученнымъ лицамъ, грязнымъ воротничкамъ и громкимъ разговорамъ; затѣмъ люди, имѣющіе постоянный заработокъ, спокойные, благоухающіе дорогими духами. И, наконецъ, просто нѣмцы,

пришедшіе посмотрѣть на русскихъ, какъ на совершенно непонятныхъ и поэтому забавныхъ звѣрей, выпить бокалъ пива и со спокойной совѣстью вернуться домой, лечь въ постель и заснуть сномъ праведныхъ, съ удовлетвореніемъ сознавая свое превосходство надъ азіатами.

Семенъ Павловичъ и Николай Васильевичъ сѣли за столикъ недалеко отъ эстрады, гдѣ надрывались балалаечники. Къ нимъ подошла одна изъ барышенъ, маленькая, миловидная блондинка, и поздоровалась съ Семеномъ Павловичемъ, какъ со старымъ знакомымъ.

— «Давненько Васъ не видѣли у насъ, Семенъ Павловичъ, дорогой. Мы уже всѣ по Васъ соскучились».

Отъ улыбки ея лицо казалось совсѣмъ молодымъ.

— «Да, Вѣрочка, все некогда было. Знаете, англичане говорятъ: time is money — время — деньги. Ну вотъ, этого самаго времени-то у меня и не было. Ну-ка, дайте карточку, что у васъ сегодня вкуснаго?»

Вѣрочка разсмѣялась и протянула Семену Павловичу карту.

— «Вотъ что, Вѣрочка, дайте вы намъ сперва по растегайчику къ водочкѣ, а тамъ видно будетъ. Что это у васъ за музыка такая, прямо уши вянутъ. Долго ли эти молодцы тутъ бренчать собираются?»

Вѣрочка въ шутку возмутилась.

— «Да что вы, Семенъ Павловичъ, вѣдь они же чудно играютъ. Вы просто ничего въ музыкѣ не понимаете. Погодите, скоро цыгане запоютъ. У насъ тутъ съ прошлой недѣли цыганскій хоръ выступаетъ. Вотъ услышите, замѣчательно поютъ, точно у Яра».

Семенъ Павловичъ ласково покачалъ головой.

— «Что вы, Вѣрочка, про Яра знаете? Вы тогда подъ столомъ гуляли. Эхъ, было время! Ну, да ладно. Несите растегайчики, да поживѣе».

За борщомъ Семенъ Павловичъ разговорился.

— «Я, Николай Васильевичъ, искренно радъ, что Ваша супруга пріѣзжаетъ. Какъ посмотрю я на Васъ, человѣкъ вы еще не старый, какъ говорится, мужчина въ самый разъ, а болтаетесь одинъ, какъ гвоздь, по разнымъ пансіонамъ. Это не дѣло. Вамъ нужна жена, чтобы за Вами смотрѣла, пуговицы вамъ тамъ разныя пришивала и тому подобное. Нашъ братъ — другое дѣло. Мы люди конченные. Свое сдѣлали и теперь кое-какъ доживаемъ положенный срокъ по льготному билету, получивъ отсрочку отъ судьбы. Не знаемъ, благодарить ее за отсрочку эту самую или проклинать. Ждемъ, пока насъ вызовутъ. А вы, вы еще молоды, вы еще можете дожить, можете понадобиться тамъ, а поэтому за вами надо смотрѣть. Васъ надо беречь. Настанетъ день, когда каждый будетъ нуженъ».

Николай Васильевичъ медленно ѣлъ пирожокъ.

— «Хотѣлъ бы и я вѣрить, какъ вы, что настанетъ этотъ день, о которомъ вы говорите. Не для насъ, такъ для сыновей нашихъ. Легче было бы умереть здѣсь на чужбинѣ, зная, что они вернутся туда, будутъ строить на обломкахъ новую жизнь. Красивую, свободную и простую. Но что-то не вѣрится больше. Чудесъ не бываетъ».

Въ залѣ потухли огни. Зажегся желтый свѣтъ надъ эстрадой. Балалаечники разбрелись по угламъ. На смѣну имъ вышли три гитариста, четыре женщины и дирижеръ. Женщины разсѣлись полукругомъ. За ними стали гитаристы. Зазвенѣли струны и полилась пѣсня, гортанная, дикая, съ непонятнымъ припѣвомъ, широкая, какъ южная степь. Николай Васильевичъ обернулся. Семенъ Павловичъ съ удовольствіемъ зажмурился, отбивая тактъ ногой. Крайняя цыганка слѣва, немолодая, довольна полная, въ ярко - красномъ платкѣ, смѣясь, подмигнула ему. Николай Васильевичъ слушалъ. Горячая волна неожиданно схватила его и унесла. Пѣсня вдругъ оборва-

лась. Онъ поднялъ глаза и встрѣтился взглядомъ со странно прозрачными, сѣро - голубыми глазами одной изъ цыганокъ, крайней справа. Маленькая, преувеличенно тонкая, какъ молодая березка, въ длинномъ до пятъ, черномъ, почти монашескомъ платьѣ съ высокимъ воротомъ. Она куталась въ тяжелый шелковый платокъ съ зелеными узорами и длинной бахромой. Такъ странно выдѣлялась она среди своихъ товарокъ, такъ не подходила къ нимъ. Она запѣла старую, знакомую пѣсню: «Ямщикъ, гони-ка къ Яру», грудным бархатным голосомъ. Она произносила слова на цыганскій ладъ, прибавляя гласныя между слогами, и въ этихъ тягучихъ звукахъ была такая тоска, такая боль, что невольно всѣ разговоры замолкли. Стало торжественно и тихо.

Николай Васильевичъ заслонилъ глаза рукой. Хотя было темно въ залѣ, ему казалось нестерпимо свѣтло отъ сѣрыхъ чѣмъ-то пьяныхъ глазъ маленькой цыганки. Обрывки мыслей и картинъ стали проноситься въ его памяти. Онъ почему-то увидѣлъ себя гимназистомъ приготовительнаго класса, важно идущимъ на катокъ со старшей сестрой Машей. Форменное пальто сдѣлано «на выростъ» и волочится гдѣ-то у самыхъ ногъ. Фуражка надѣта лихо на бекрень, а кончикъ носа больно мерзнетъ и приходится его то и дѣло потирать кулакомъ въ вязанной рукавицѣ. Сестра Маша была много старше его. За нею уже ухаживали настоящіе студенты. Ей приносили цвѣты, конфекты и, когда она собиралась на балъ, мама разрѣшала дѣтямъ, Кокѣ и Мишѣ, помогать ей одѣваться. Но вмѣсто помощи они дѣлали невозможный безпорядокъ въ комнатѣ. Рылись во всѣхъ ящикахъ, и съ криками побѣды уносили въ дѣтскую трофеи: лоскутки лентъ, кружева и блестящія пуговицы.

Бѣдная Маша. Она погибла вмѣстѣ съ мужемъ и пятилѣтнимъ сыномъ Павликомъ на Черномъ морѣ при переправѣ изъ Одессы въ Константинополь. По-

слѣ безконечныхъ трудностей удалось имъ получить разрѣшеніе на выѣздъ. Не успѣлъ пароходъ выйти въ открытое море, какъ тутъ же наскочилъ на плавучую мину. Спаслись очень немногіе. Бѣдная Маша! Она рано вышла замужъ. Ея мужъ, блестящій кавалергардъ, съ наступленіемъ войны совсѣмъ притихъ. Былъ на фронтѣ недолго. Выхлопоталъ себѣ спокойное мѣсто въ тылу, гдѣ ждалъ окончанія войны. Революція совершенно сбила его съ толку. Онъ бѣжалъ съ женой и сыномъ на югъ, думая такимъ образомъ избѣжать смерти. Она же настигла его тамъ, откуда онъ меньше всего ожидалъ ее. Николаю Васильевичу показалось, будто сестра Маша улыбается ему тутъ рядомъ. Странно, какіе у нея свѣтлые глаза. Почти такіе же, какъ у этой цыганки справа. И вдругъ онъ вспомнилъ. Когда онъ уже былъ студентомъ на второмъ курсѣ Технологическаго Института, а братъ кончалъ гимназію, и, случалось, до зарѣзу нужны были деньги, то не къ матери, справедливой, но строгой, не къ отцу, вѣчно занятому извѣстному присяжному повѣренному, вѣчно суетящемуся, спѣшащему куда-то, обращались они. Шли къ сестрѣ, у которой всегда было для нихъ кое-что припрятано, и давалось это имъ съ такой любовью, съ такой радостью, что теперь еще, при одномъ воспоминаніи, теплая волна подступаетъ къ горлу. Еще позже, когда онъ впервые увидалъ Таню, на балу въ Дворянскомъ Собраніи, когда онъ понялъ, что безъ этой стройной дѣвушки съ прямымъ взглядомъ и покорной косой онъ не сумѣетъ быть счастливымъ, — и тогда сестра Маша первая поняла его любовь, приласкала Таню, и у нея въ домѣ онъ сталъ ея женихомъ. Это были, пожалуй, самые счастливые дни его жизни. Въ Танѣ Демидовой онъ нашелъ все то, къ чему безсознательно стремилась его душа. Это была настоящая русская дѣвушка. Чистая, одухотворенная, умѣвшая беззавѣтно любить и безгранично вѣрить. Ея отецъ, довольно состоятельный помѣщикъ, воспиталъ ее до-

ма. Дѣтство Таня провела въ деревнѣ. Память матери, умершей, когда Танѣ минуло восемь лѣтъ, была для нея священной; когда же отецъ вторично женился, 15-тилѣтняя Таня заявила, что уходитъ изъ дому. Такъ какъ и молодая жена, не взлюбившая падчерицу, этого хотѣла, Демидовъ отправилъ дочь въ Петербургъ къ дальней родственницѣ. Послѣ окончанія гимназіи Таня стала посѣщать историко - филологическіе курсы. Ея открытый, жадный умъ поглощалъ все, что попадалось на его пути. Она прекрасно играла на роялн, интересовалась живописью, посѣщала музеи, выставки, концерты. Отецъ рѣдко навѣщалъ дочь въ столицѣ, и Таня за пять лѣтъ была всего одинъ разъ въ родительскомъ домѣ. Мачеха не нравилась ей, отецъ же въ своей молодой женѣ души не чаялъ, особенно послѣ того, какъ она подарила ему сына. Въ Петербургѣ у Тани было много друзей. Квартира тети Оли, той родственницы, у которой она жила, всегда была переполнена молодежью. Играли на роялн, танцевали, спорили, влюблялись. Таня со своей молодой жизнерадостностью, всегда ровная, привѣтливая и спокойная, была центромъ всеобщаго вниманія, и нерѣдко случалось, что студентъ однокурсникъ или братъ подруги искренне увлекался миловидной дѣвушкой и, краснѣя и запинаясь, объяснялся ей въ любви. Но Таня качала головой и бережно старалась объяснить, что не раздѣляетъ предлагаемыхъ ей чувствъ. Она вѣрила въ любовь, единую до гроба, какъ говорилось когда-то во времена рыцарей и прекрасныхъ дамъ. Она вѣрила, что ея часъ настанетъ и терпѣливо ждала. И вотъ однажды на балу въ Дворянскомъ Собраніи ей представили молодого студента технолога, Николая Колобова. Она протянула ему руку и тутъ-же поняла, что вмѣстѣ съ рукой отдаетъ ему всю себя. Черезъ три недѣли она была его невѣстой. Семья Колобовыхъ приняла ее съ распростертыми объятіями. Въ Машѣ она обрѣла старшую сестру, Михаилъ,

тогда гимназистъ послѣдняго класса, чуть было не влюбился въ нее. Она же сумѣла мягко, но рѣшительно поставить его на мѣсто и пріобрѣла въ немъ преданнаго, искренняго друга. Вскорѣ послѣ свадьбы Николая скончался старикъ Колобовъ, оставивъ весьма запутанныя дѣла и много долговъ. Вдова и старшій сынъ энергично взялись распутывать ихъ. Имъ удалось кое-какъ покрыть долги при помощи продажи маленькаго имѣнія. Николай Васильевичъ кончилъ Институтъ, когда разразилась война. Онъ былъ призванъ въ первую голову. Оставивъ жену, беременную на пятомъ мѣсяцѣ, онъ бросился въ бойню съ такимъ остервенѣніемъ, что сразу былъ раненъ въ бедро и пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ госпиталѣ.

Татьяна Александровна родила мертваго ребенка и очень долго послѣ этого не могла оправиться. Обо всѣхъ и обо всемъ всегда заботилась Маша. И за Таней ходила, и брату въ госпиталь посылала лакомства, папиросы и книги. Михаилъ, попавшій на фронтъ годомъ позже, былъ контуженъ и отпущенъ для поправки къ матери въ имѣніе. Старуха Колобова покинула столицу послѣ Таниныхъ неудачныхъ родовъ и зарылась вмѣстѣ съ невѣсткой въ глуши своего имѣнія въ Черниговской губерніи. Маша съ мужемъ и сыномъ сперва переѣхала въ Москву, а оттуда, сразу послѣ февральской революціи, бѣжала на югъ. Разлука съ матерью была очень тяжела для Маши. Она какъ будто предчувствовала, что больше никогда ее не увидитъ. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть на пароходъ, который долженъ былъ отвести ихъ въ Константинополь, на свободу, Маша писала матери: «Мамочка, я не хочу уѣзжать, мнѣ страшно, я не знаю почему». Когда Колобова получила это письмо, Маши уже не было въ живыхъ. Послѣ гибели дочери и внука старуха Колобова совсѣмъ сдала, вдругъ состарилась, сгорбилась, вся ушла куда-то въ прошлое, стала нерѣдко заговариваться, иногда не

узнавала присутствующихъ, называя ихъ то Машей, то Павликомъ. Такъ она и угасла, беззвучно въ своемъ старомъ креслѣ, окруженная портретами мужа и дѣтей.

Николаю Васильевичу удалось пробраться къ бѣлымъ, гдѣ онъ воевалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, что и въ первые дни войны. Когда же армія распалась, и онъ послѣ долгихъ скитаній и мытарствъ попалъ въ Берлинъ, кое-какъ обосновался, получилъ службу, ужился, его единственнымъ стремленіемъ стало выписать Таню, бѣдную Таню, которая съ первой минуты замужества кромѣ нѣсколькихъ счастливыхъ дней видѣла однѣ лишь горести и слезы. Отъ брата Михаила, благополучно пробравшагося въ Константинополь, а затѣмъ и въ Парижъ, онъ зналъ о тяжеломъ положеніи жены въ Россіи. Она устроилась въ маленькомъ городкѣ невдалекѣ отъ сожженнаго до тла имѣнія старухи Колобовой, и поступила на службу. Какъ только и гдѣ только могъ, онъ посылалъ ей посылки и деньги. Когда возстановились почтовыя сношенія между Германіей и совѣтской Россіей, Татьяна Александровна стала регулярно писать мужу. Николай Васильевичъ, какъ ребенокъ, радовался каждый разъ, получая грубый конвертъ, надписанный такимъ знакомымъ, такимъ роднымъ ему почеркомъ. Таня писала, что хлопочетъ о заграничномъ паспортѣ и надѣется, на этотъ разъ ей не откажутъ. И вотъ, дѣйствительно, не отказали. Она ѣдетъ. Черезъ двѣ недѣли она будетъ съ нимъ.

Пѣсня оборвалась. Стало вдругъ свѣтло въ залѣ. Задвигали стульями, застучали тарелками. Николай Васильевичъ очнулся. Открылъ глаза и зажмурился отъ яркаго свѣта. Цыганки проходили мимо него къ дзери въ гардеробную. Одна изъ нихъ задѣла его юбкой. Онъ взглянулъ на нее разсѣянно. Это была та немолодая, которая подмигивала Семену Павловичу. Онъ скользнулъ по ней взглядомъ. Вдругъ мимо него, совсѣмъ близко, тихой, скользящей по-

ходкой прошла та — со свѣтлыми глазами. Маленькая тѣнь, немного жалкая, съ опущенной головой, покорная березка на вѣтру. Николай Васильевичъ проводилъ ее взглядомъ. Она не обернулась. Исчезла за дверью, какъ монашка въ келью. Семенъ Павловичъ что - то оживленно разсказывалъ. Николай Васильевичъ молча кивалъ головой. Подошла Вѣрочка съ чаемъ.

— «Скажите, барышня, не знаете ли вы случайно имени этой цыганки въ черномъ платьѣ съ зеленымъ платкомъ» — неожиданно для самого себя спросилъ Николай Васильевичъ.

— «Какъ же, конечно знаю. Это Люба Чеботари. Она у насъ часто поетъ» — отвѣтила Вѣрочка, подавая лимонъ.

III.

Осторожно, но настойчиво постучали въ дверь. Татьяна Александровна подняла голову отъ шитья и не громко чисто русскимъ голосомъ «съ поволокой» сказала:

— «Herein!»

Дверь открылась чуть слышно и на порогѣ появилась Frau Dr. Naumann

— «Простите, Frau Koloboff, я только хотѣла освѣдомиться о вашемъ здоровьи, прошла ли головная боль. Вы всегда дома, всегда однѣ. Для молодой женщины такой образъ жизни совсѣмъ не подходитъ. Отъ этого и болитъ у васъ голова и настроеніе не хорошее».

Frau Doktor съ заискивающей улыбкой подошла совсѣмъ близко къ Колобовой и заглянула ей въ лицо. Татьяна Александровна невольно отодвинулась.

— «Нѣтъ, что вы, Frau Doktor, — поспѣшно запротестовала она на очень плохомъ нѣмецкомъ языкѣ. — Я рада, что могу сидѣть дома, мнѣ ничего не надо. Я не привыкла ходить по кафэ и по барамъ, какъ здѣшнія дамы. У насъ въ Россіи это совсѣмъ не принято. Женщина работаетъ какъ мужчина и пользуется тѣми же правами».

Frau Naumann пожала плечами.

— «Liebe Frau Koloboff, то, что дѣлается тамъ, въ той дикой странѣ, для насъ не примѣръ. Мы, слава Богу, еще живемъ въ нормальныхъ условіяхъ и,

надѣюсь, у насъ въ Германіи никогда ничего подобнаго не будетъ. Мой покойный Эрихъ всегда говорилъ, что русскіе самый невѣроятный народъ. Отъ нихъ все можно ожидать. Ну вотъ, и показали они намъ, что могутъ».

Татьяна Александровна старалась скрыть свое раздраженіе.

— «Вы тамъ не были, Frau Naumann, вы не можете судить о тамошнихъ условіяхъ. Заграницей понятія не имѣютъ, какъ тамъ живутъ. Конечно, все это ново, многое еще не поспѣло, многое правильно въ теоріи и непримѣнимо на практикѣ. Но въ общемъ есть и хорошее и нужное. Объ этомъ говорятъ достигнутые результаты. Но зачѣмъ я вамъ все это разсказываю? Вы все равно не поймете или не захотите понять».

Въ это время снова постучали въ дверь и въ комнату вошла сосѣдка Колобовыхъ, Ольга Петровна Кандинская. Она была въ бодромъ настроеніи духа, такъ какъ на дняхъ получило длинное, довольное письмо отъ сына изъ Аргентиины съ зеленой десятидолларовой бумажкой. Ея привѣтливое, пожилое лицо съ ясными, честными глазами дышало уютомъ старой усадьбы, пузатаго самовара, варенья и печенья. Въ довершеніе картины она несла въ правой рукѣ баночку, бережно прикрытую салфеточкой.

— «Татьяна Александровна, душечка, вы должны попробовать этой малины. Точно самодѣльная. Мнѣ сегодня племянница принесла. Ей знакомый изъ Риги привезъ. Вотъ возьмите на блюдце. Николай Васильевичъ любитъ сладости. Мы съ нимъ не разъ другъ друга ими угощали».

Татьяна Александровна поблагодарила. Ея раздраженіе улеглось при видѣ Ольги Петровны. Но какой-то непріятный осадокъ оставался отъ разговора съ хозяйкой. Frau Dr. Naumann повертѣлась въ комнатѣ, подвинула стулъ, поправила скатерть на столѣ съ видомъ собственницы и, кивнувъ головой

куда-то въ сторону, пробурчала Guten Abend, и вышла. Ольга Петровна посмотрѣла ей вслѣдъ со снисходительной улыбкой.

— « Бѣдная Frau Doktor, она ревнуетъ. Васъ, Татьяна Александровна, она не переваривaетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ вы пріѣхали, ей нечего дѣлать. Она такъ любила ухаживать за Николаемъ Васильевичемъ, мазать ему буттерброды, штопать носки, кормить его обѣдами. А теперь все это дѣлаете Вы. У нея вѣдь нѣтъ никакихъ интересовъ, кромѣ пансіона и памяти покойнаго доктора. Знаете, мнѣ ее жалко. А впрочемъ, можетъ быть, даже, навѣрно, она счастливѣе насъ съ вами».

Ольга Петровна глубоко вздохнула.

— «Вотъ Вы, Татьяна Александровна, Вы счастливая, у Васъ мужъ. Есть о комъ заботиться, за кѣмъ ходить. Мой сынъ такъ далеко, я ему совсѣмъ не нужна. Я для него только обуза. Надо письма писать, деньги посылать матери. Я уже стараюсь всѣми силами сама зарабатывать. Я не жалуюсь. Слава Богу и за это. Моя жизнь позади. Я пережила много хорошаго. Воспоминаній хватитъ на двѣ жизни. — Татьяна Александровна, милая, что это вы такая тихая сидите? Будто и не слушаете меня?»

Колобова встрепенулась. Въ свѣтло-карихъ глазахъ замигалъ тревожный свѣтъ. На чистый, все еще юный лобъ легла легкая тѣнь.

— «Я не знаю, Ольга Петровна, — заговорила она медленно, неувѣренно. — Вотъ я пріѣхала сюда къ мужу. Девять лѣтъ я рвалась всѣми силами, всѣми мыслями къ нему. Наконецъ, удалось, я пріѣхала. Первые дни были, какъ во снѣ. Я вторично пережила всю молодость свою, первую встрѣчу съ мужемъ, помолвку, свадьбу. Я была безгранично счастлива и ничего не видѣла вокругъ себя. Прошло десять дней. И вдругъ мнѣ стало ясно, что все это не то. Что мой пріѣздъ сюда, можетъ быть, самая большая ошибка всей моей жизни. Николай Васильевичъ

уже не тотъ, какимъ я его помню. Онъ постарѣлъ, сталъ какимъ-то узкимъ, мелкимъ, мѣщаниномъ. И я не та. Девять лѣтъ жизни въ новой странѣ не проходятъ даромъ. Я привыкла, приспособилась, если хотите, ко многому тамъ у насъ. И поэтому мнѣ здѣсь многое чуждо и дико. Николай Васильевичъ всего этого еще не чувствуетъ, не понимаетъ. Я стараюсь, насколько могу, сохранить ему иллюзію. Пусть онъ, пока возможно, думаетъ, что все по старому. Бѣдный, вѣдь онъ такъ одинокъ, такъ несчастенъ по своему. Но долго ли я сумѣю притворяться?»

Колобова замолкла, сцѣпивъ пальцы рукъ на колѣняхъ. Въ углу ея рта легла горькая полоса. Ольга Петровна сидѣла на диванѣ, опустивъ голову, и молчала. На столѣ рядомъ съ разноцвѣтными катушками нитокъ и ножницами стояла открытая, никому не нужная банка съ вареньемъ. Наконецъ, Каидинская подняла голову.

— «Вы не имѣете права такъ говорить, Татьяна Александровна, онъ Васъ ждалъ всѣ эти девять лѣтъ. Онъ только жилъ для встрѣчи съ Вами. Онъ говорилъ мнѣ. По вечерамъ онъ приходилъ въ мою комнату и разсказывалъ мнѣ, какъ своей матери. Все разсказалъ, о томъ, какъ любилъ, какъ любитъ васъ. Даже о томъ, что кромѣ мимолетныхъ встрѣчъ онъ другихъ женщинъ не зналъ. Для него всю жизнь существуетъ только одна женщина, его жена. И вотъ я говорю вамъ, я, которая съ личной жизнью давно покончила, я говорю Вамъ, что Вы не имѣете права ломать его жизнь изъ-за какихъ-то тамъ женскихъ причудъ».

Ольга Петровна волновалась. Ея голосъ звучалъ все громче. Она встала съ дивана и въ упоръ глядѣла на Колобову, которая тоже машинально встала и перебирала дрожащими пальцами лоскутокъ матеріи.

— «Да, не имѣете права — продолжала Кандинская — вы должны побороть себя, заставить забыть

все то новое, чему научились тамъ, и дать ему покой. о которомъ онъ такъ мечталъ. А если вы не можете, то почему вы объ этомъ раньше не подумали и не остались сразу тамъ на вашей новой родинѣ?»

Обѣ женщины были настолько поглощены разговоромъ, что не слышали, какъ открылась тихо дверь и вошелъ Николай Васильевичъ. Первой его замѣтила Ольга Петровна.

— «А, Николай Васильевичъ, мы тутъ немного поспорили съ Татьяной Александровной. Такъ, пустяки, ничего, женскіе споры. Вотъ я вамъ варенья принесла малиноваго. Попробуйте, племянницѣ знакомый изъ Риги привезъ. А теперь я пойду, надо еще кое-что прибрать и сѣсть за работу. Завтра должна три мережки сдать въ магазинъ. Ну, всего хорошаго. Смотрите же, Татьяна Александровна, помните нашъ разговоръ и не сердитесь на меня, старуху. Вѣдь я вамъ обоимъ добра желаю».

Когда Ольга Петровна ушла къ себѣ, Николай Васильевичъ посмотрѣлъ внимательно на жену, которая суетилась вокругъ стола, накрывая къ ужину, и спросилъ какъ бы про себя:

— «О чемъ это она? Изъ-за чего вы, собственно, поспорили? И отчего у тебя, Танюша, такъ щеки горятъ?»

Татьяна Александровна остановилась у шкафчика, вынимая чашки, и улыбнулась мужу.

— «Ольга Петровна находитъ, что я плохо смотрю за тобой, что ты заслуживаешь лучшую жену. Она тебя очень любитъ и цѣнитъ».

Николай Васильевичъ подошелъ къ женѣ и обнялъ ее за плечи.

— «Ну вотъ еще, какія глупости. Ты для меня лучшая во всемъ мірѣ, Таня. Ни на кого тебя не промѣняю. Я вѣдь только тебя всю жизнь и любилъ, Танюша».

Онъ бережно поцѣловалъ русые волосы, въ которыхъ серебрились отдѣльныя нити. Татьяна Алек-

сандровна вздохнула, прижимаясь лицомъ къ его плечу. Ей казалось, что всѣ движенія и слова Николая Васильевича преувеличенно громки, какъ бываетъ во снѣ. Вотъ она сейчасъ проснется въ своей одинокой постели въ далекомъ русскомъ уѣздномъ городѣ.

IV.

Весна, какъ всегда въ Берлинѣ, больше походила на прескверную осень, чѣмъ на весну. Тучи устраивали гонки на скользкомъ зеленоватомъ небѣ. Дождь смѣнялся снѣгомъ, снѣгъ градомъ. Побѣги на деревьяхъ замерзали, ежились, но все же росли. Трава въ скверахъ окрашивалась въ чахлый зеленый цвѣтъ и откуда-то въ ней появлялись подснѣжники, упругіе, смѣлые, утверждающіе свое право на существованіе и на весну. Къ вечеру, когда солнце заходило гдѣ-то тамъ, за густой стѣной тучъ и, на мигъ прорывая ее, оранжевый, слишкомъ яркій свѣтъ заливалъ широкія улицы, лужи на асфальтѣ загорались жидкимъ, холоднымъ пламенемъ. Въ нихъ четко отражались дома, прохожіе, трамваи. И весь городъ, казалось, двоился, таялъ, уплывалъ. Рябило въ глазахъ отъ голаго блеска. Потомъ сразу все тускнѣло, сѣрѣло, исчезало. Надвигались новыя тучи, наступалъ сырой вечеръ. Фонари зажигались всѣ сразу, заспанно мерцая. Свистокъ городской желѣзной дороги, задушенный вѣтромъ, казался крикомъ гигантской совы.

Въ самомъ концѣ апрѣля выпало два-три настоящихъ весеннихъ дня. Стало очень тепло, почки на деревьяхъ поспѣшно распустились. Даже сирень стала разворачивать свои зеленоватыя, густо сжатыя, трубочки. Появились мороженники, и рано утромъ будили крики разносчиковъ съ цвѣтами и черноземомъ для балконовъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней Николай Васильевичъ, вернувшись со службы немного раньше, предложилъ женѣ пойти погулять. Они вышли на Kur. fürstendamm. Татьяна Александровна въ скромномъ весеннемъ костюмѣ и простенькой коричневой шапочкѣ была очень мила, и многіе съ теплой улыбкой оглядывали эту еще молодую женщину съ ласковымъ немного грустнымъ взглядомъ. Николай Васильевичъ былъ въ хорошемъ настроеніи. Директоръ похвалилъ его сегодня и обѣщалъ въ скоромъ будущемъ повышеніе и прибавку. Кромѣ того, весенній воздухъ такъ ободряюще обвѣвалъ лицо. Хотѣлось жить, бороться, достигнуть. Но гдѣ-то въ глубинѣ души была спрятана тѣнь. Сейчасъ не хотѣлось думать объ этомъ. Таня — она стала какая-то странная, иногда почти чужая. Соглашается со всѣмъ, что онъ говоритъ, но только для вида, поверхностно, во всемъ въ ней чувствуется нѣмой отпоръ. Она вѣчно занята какой-то своей думой. Однажды онъ спросилъ у нея, какъ раньше: «Таня, о чемъ это ты все думаешь?» Она улыбнулась немного растерянно, помолчала и отдѣлалась пустой фразой. Онъ не понимаетъ ее больше. Раньше, въ Россіи, она была такая простая, такая ясная. И мысли и желанія у нихъ были всегда однѣ и тѣ же.

Смеркалось. Небо густо залиловѣло. Голый серпъ луны выплылъ изъ-за крышъ вмѣстѣ съ огромной бѣлой звѣздой. Асфальтъ ожилъ отъ жидкаго свѣта витринъ и автомобилей. На террасѣ углового кафэ было много народа. Изъ открытыхъ широкихъ оконъ доносились звуки моднаго танго. Николай Васильевичъ купилъ газету въ кіоскѣ и, соблазненный поющей скрипкой и тепло - розоватымъ свѣтомъ лампочекъ на столикахъ, предложилъ женѣ войти въ кафэ. Она согласилась. Они не скоро нашли подходящій столикъ. Все было занято. Имъ пришлось присѣсть къ двумъ пожилымъ нѣмцамъ, передъ которыми стояли громадные бокалы пѣнящагося темна-

го пива. Одинъ изъ нихъ курилъ довольно скверную сигару. Николай Васильевичъ поморщился, но дѣлать было нечего, другого мѣста не было.

Татьяна Александровна тянула освѣжающій напитокъ черезъ соломинку, стараясь внимательно слушать то, что говорилъ мужъ. Но только отдѣльныя фразы доходили до ея сознанія. Неистовый шумъ джазъ-банда, разговоры, смѣхъ, дымный, немного душный воздухъ съ непривычки оглушали ее. Она заставляла себя освоиться съ жизнью заграницей, какъ освоился съ нею Николай Васильевичъ. Но все здѣсь казалось ей ничтожнымъ, мелкимъ, мишурнымъ. Она вспомнила свою жизнь тамъ. Интересная работа на службѣ; по вечерамъ она два раза въ недѣлю читала лекціи въ клубѣ по исторіи музыки. И какъ пріятно было видѣть всѣ эти простыя русскія лица, жаждущія знанія, устремленныя къ ней. Здѣсь она ничто, жена своего мужа. Отъ нея ничего не требуется. Только готовить, штопать и шить.

Нѣмецъ съ сигарой, раскланявшись, всталъ и ушелъ. Николай Васильевичъ пересѣлъ на его мѣсто, откуда ему былъ виднѣе оркестръ. Давно ужс онъ не испыталъ такого подъема, такого прилива силъ, какъ въ этотъ вечеръ. Звуки джазъ-банда пріятно щекотали нервы. Кровь быстрѣе приливала къ сердцу. — «Хорошъ старый дуракъ» — съ улыбкой подумалъ онъ, — «отъ весны ошалѣлъ точно гимназистка».

Вошли двѣ дамы, сильно подведенныя, въ шикарныхъ весеннихъ туалетахъ. Одна изъ нихъ, съ ярко - малиновымъ ртомъ, вызывающе улыбнулась Николаю Васильевичу. Онъ переглянулся съ Татьяной Александровной, и оба разсмѣялись. Отъ этого смѣха они какъ-то сразу сблизились другъ съ другомъ, почувствовали себя проще, легче, нежели за всѣ послѣднія три недѣли. Татьяна Александровна оживилась и стала мило, по старому, подтрунивать надъ мужемъ. Николай Васильевичъ расцвѣлъ.

Вдругъ, обернувшись, чтобы пропустить барышню съ папиросами къ сосѣднему столику, онъ встрѣтилъ пристальный взглядъ откуда-то знакомыхъ свѣтлыхъ глазъ и почему-то сразу вспомнилъ сестру Машу. — «Ахъ, да, вѣдь это та цыганочка изъ русскаго ресторана, гдѣ онъ былъ съ Семеномъ Павловичемъ до пріѣзда Тани. Какъ ее звать? Кажется, Любой. Почему она такъ смотритъ на него? Нѣтъ, онъ ошибся. Она смотритъ куда-то въ пустоту, сквозь него. Какіе у нея странно свѣтлые глаза и какой тяжелый скорбный взглядъ. Она очень бѣдно одѣта, въ черный вязанный костюмчикъ и въ фетровую помятую шапочку. Съ кѣмъ это она? Съ нею пожилая дама, некрасивая, очень потрепанная, и мужчина лѣтъ пятидесяти въ сѣромъ пиджакѣ, худой, съ щетинистой бородкой, въ старомодномъ пенснэ. Дама что-то говоритъ ей, она качаетъ головой, точно во снѣ, и продолжаетъ глядѣть, не мигая, въ одну точку.

— «Кока, ты что тамъ засмотрѣлся такъ? Новую добычу нашелъ?»

Шутливый голосъ Татьяны Александровны заставилъ его обернуться. Онъ разсѣянно улыбнулся.

— «Да такъ, показалось что-то».

Люба, фамиліи онъ не помнитъ, кажется на Ч начиналась — Чимбари, Чемчери, Чеботари... Да, Чеботари. Интересно, какой у нея голосъ, когда она говоритъ. Онъ украдкой взглянулъ на жену. Она смотритъ въ сторону музыки. Тогда онъ быстро обернулся. Цыганка теперь сидѣла къ нему спиной и оживленно разговаривала съ худымъ обладателемъ старомоднаго пенснэ. Голоса ея нельзя было различить изъ-за шума.

— «Танюша, извини меня на минутку. Я совсѣмъ забылъ, мнѣ надо позвонить Лиховецкому по дѣлу, а то онъ уйдетъ. Я сейчасъ», — снова, какъ тогда въ ресторанѣ, неожиданно для самого себя сказалъ Николай Васильевичъ, быстро всталъ и направился къ телефонной будкѣ вглубь залы. Проходя

мимо интересующаго его столика, онъ напрягъ зрительные и слуховые нервы до такой степени, что у него зарябило въ глазахъ. Ему удалось уловить нѣсколько словъ, сказанныхъ Любой низкимъ, очень теплымъ голосомъ:

— «Не знаю, милый, вѣрно въ концѣ мая, раньше не выйдетъ».

Передъ его глазами промелькнулъ заостренный подбородокъ, ярко накрашенныя губы и свѣтлый взглядъ русалочьихъ глазъ, оттѣненныхъ темной рѣшеткой рѣсницъ. Въ телефонной будкѣ онъ позвонилъ одному пріятелю, перепуталъ номеръ, наконецъ, дозвонился и обрадовался, не заставъ его дома. Сердце стучало въ вискахъ. Руки похолодѣли. Было смутно и странно на душѣ. Когда онъ вышелъ изъ будки, столикъ, за которымъ сидѣли цыганка и ея спутники, былъ пустъ. Лакей убиралъ съ него кофейныя чашки. Николай Васильевичъ медленно прошелъ мимо. Вдругъ все потускнѣло, все улеглось. Стало тихо и безразлично. Куда дѣвалось весеннее настроеніе? Джазъ-бандъ больше не радовалъ, отъ него болѣла голова. Таня встрѣтила его, какъ ему показалось, немного подозрительно.

— «Ну что, дозвонился?»

Николай Васильевичъ грузно опустился на стулъ и вяло отвѣтилъ, что не засталъ пріятеля дома. Онъ вдругъ постарѣлъ, почувствовалъ боль въ ногѣ отъ старой раны и безконечную усталость. Что же собственно произошло? Цыганка, глаза, какъ у сестры Маши, телефонъ и пустой столъ. «Пустяки какіе, нервы шалятъ, все это проклятая весна», — подумалъ онъ съ раздраженіемъ.

V.

Не докуривъ папиросы, Николай Васильевичъ ее бросилъ и зажегъ другую. Посмотрѣлъ на часы. Маленькая стрѣлка грузно, какъ астматикъ, приближалась къ тремъ. Еще добрыхъ два часа. Работа не шла. Надо провѣрить отчетъ, написать нѣсколько писемъ, отдать кое-какія распоряженія. Тягучая усталость сковывала мозгъ. Не хотѣлось двигаться. Николай Васильевичъ курилъ папиросу за папиросой и въ сотый разъ переживалъ утреннія событія.

Татьяна Александровна, какъ всегда, встала раньше него и приготовила кофе на спиртовкѣ. Когда онъ вернулся изъ ванной, она сидѣла на кровати и внимательно читала мелкимъ почеркомъ исписанный листъ грубой почтовой бумаги. Конвертъ съ совѣтскими марками валялся тутъ-же возлѣ нея. Онъ одѣлся, сѣлъ за столъ, налилъ себѣ чашку кофе, выпилъ ее. Она все читала, совершенно забывъ объ окружающемъ. Онъ ее окликнулъ. Она не отвѣтила. Немного обождавъ, онъ снова позвалъ.

— «Танюша, ты что это такъ зачиталась? Письмо получила изъ Россіи? Кофе стынетъ, потомъ закончишь, иди пить. Мнѣ уходить пора. Будь любезна, дай мнѣ мой завтракъ».

И тутъ случилось нѣчто до такой степени неожиданное и непривычное, что онъ до сихъ поръ въ ссбя придти не можетъ. Татьяна Александровна подняла голову. Ея взглядъ былъ совершенно чужой, холодный, даже злобный. Никогда еще онъ ее не видалъ такой.

— «Ну да, получила письмо изъ Россіи отъ сослуживца».

И голосъ ея звучалъ рѣзко, напряженно.

— «Даже дочитать не даютъ. Только буттерброды мазать. Для этого меня выписали сюда. Для этого я бросила жизнь, полную интересовъ, достиженій. Сидѣла тамъ и рвалась, какъ дура, сюда, думая здѣсь найти широкое поле дѣятельности. Европа, — открыты всѣ пути, и вотъ нашла дѣятельность: штопать чулки и мазать буттерброды».

Ея голосъ осѣкся. Николай Васильевичъ оцѣпенѣлъ. Онъ сидѣлъ за столомъ и глядѣлъ на жену. Все, что она говорила, было до того дико, что мысли его разбѣжались во всѣ стороны, какъ мыши. Она встала съ постели, подняла конвертъ, вложила въ него письмо и аккуратно заперла въ ящикъ комода, спрятавъ ключъ въ шкатулочку, гдѣ лежало нѣсколько старинныхъ колецъ, коралловыя серьги, которыя она носила ребенкомъ, и ожерелье изъ позеленѣвшей, будто покрывшейся плѣсенью, бирюзы. Затѣмъ она молча принялась за буттерброды. Николай Васильевичъ, такъ и не проронивъ ни слова, всталъ, машинально надѣлъ пальто, взялъ шляпу, портфель и вышелъ, осторожно прикрывъ за собой дверь. Будто боялся, что она услышитъ и надо будетъ говорить, объяснять, убѣждать. Въ прихожей онъ, дѣйствительно, услышалъ ея голосъ.

— «Кока, куда ты, возьми завтракъ, погоди».

Это звучало виновато, даже немного жалобно, но онъ поспѣшно вышелъ, быстро спустился по лѣстницѣ и съ облегченіемъ вдохнулъ теплый, живой воздухъ майскаго утра. Весь день на службѣ онъ просидѣлъ, какъ во снѣ. Не чувствовалъ голода, хотя ничего съ утра не ѣлъ, кромѣ одной чашки кофе. Когда къ нему обращались съ вопросомъ, онъ сперва пристально глядѣлъ на спрашивающаго, какъ будто плохо видѣлъ его, и затѣмъ отвѣчалъ медленно, какъ бы боясь ошибиться, пропустить что-нибудь. По

мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка стала приближаться къ тремъ, его мысли немного прояснились. Ярко выступила одна изъ нихъ. Все кончено, Тани нѣтъ, той Тани, которую онъ всю жизнь любилъ, съ которой былъ связанъ душой и тѣломъ, которую ждалъ всѣ эти девять лѣтъ, не замѣчая другихъ женщинъ. Той Тани больше нѣтъ. Что же будетъ? Надо что-то сдѣлать, но что? Какъ теперь придти туда, гдѣ она, какъ говорить съ ней, что сказать. Онъ не можетъ ее видѣть сейчасъ, онъ не можетъ ѣсть обѣдъ, приготовленный ею, обѣдъ, которымъ она его утромъ такъ горько упрекала. Онъ не можетъ ее видѣть сейчасъ. Онъ долженъ придти въ себя. Ему ее тамъ подмѣнили, сдѣлали изъ нея общественную работницу, заразили революціоннымъ духомъ. Его Таня, которая такъ любила семейную жизнь, только жила для мужа, для очага. Если бы ребенокъ былъ живъ, все было бы иначе. Ради ребенка она поборола бы въ себѣ эту жажду дѣятельности. Въ немъ она нашла бы цѣль существованія. Но ребенка нѣтъ, а онъ безсиленъ.

Часы пробили пять. Николай Васильевичъ первый собралъ свои вещи и быстро вышелъ на улицу. Отъ голода его слегка тошнило. Ноги плохо слушались, въ ушахъ звенѣло. Онъ пошелъ прямо наугадъ. Улица показалась ему знакомой. Солнце стояло еще высоко на безоблачномъ небѣ. Было тепло, пахло дегтемъ, бензиномъ и немного сиренью. Она продавалась громадными полуувядшими вѣтками на зеленыхъ возахъ. Трамваи съ грохотомъ и звономъ мчались мимо. Люди спѣшили, толкались. Только наверху, надъ крышами, было тихо, ясно, тепло. Николай Васильевичъ почему-то купилъ газету. Онъ шелъ мимо пивной. Сильнѣе почувствовавъ голодъ, онъ зашелъ и заказалъ порцію сосисокъ и кружку пива. Лицо хозяина ему показалось знакомымъ. И вдругъ онъ вспомнилъ. По этимъ же улицамъ шелъ онъ, въ эту же пивную забрелъ въ тотъ день, около двухъ

мѣсяцевъ тому назадъ, когда получилъ письмо отъ Тани о томъ, что она выѣзжаетъ къ нему. Онъ быстро съѣлъ сосиски, не допилъ пива, заплатилъ и вышелъ. Какъ все измѣнилось за эти нѣсколько недѣль. Дикіе, невѣроятные сюрпризы преподноситъ жизнь иногда. Онъ шелъ по довольно пустынной улицѣ. Трое дѣтей играли въ мячъ. На него залаяла собака. Вдали онъ увидалъ знакомый номеръ автобуса, грузно подходившаго къ остановкѣ. Онъ побѣжалъ. Ноги плохо слушались. Все-таки онъ догналъ автобусъ и вскочилъ на подножку. Садясь, онъ почувствовалъ сильную усталость и боль въ боку. Въ рукѣ у него была газета. Онъ развернулъ ее и разсѣяннымъ взглядомъ пробѣжалъ по объявленіямъ. Одно изъ нихъ привлекло его вниманіе. Названіе маленькаго русскаго кафэ гдѣ-то въ Шарлоттенбургѣ и рядомъ крупными буквами: «Ежедневно выступленіе цыганскаго хора подъ управленіемъ Петра Санина при участіи Любы Чеботари». Сразу всталъ передъ нимъ сѣрый взоръ русалочьихъ глазъ и тоненькая фигурка въ строгомъ платьѣ. Отчего-то стало и легче и горше и слезы подступили къ горлу. Автобусъ грохоталъ по центральнымъ улицамъ. Стекла звенѣли. Газета въ рукахъ Николая Васильевича подпрыгивала. Буквы, составляющія имя Любы Чеботари двигались, разсыпались и вновь складывались въ правильномъ порядкѣ. Мысли его тоже прыгали въ тактъ. Если бы сестра Маша была жива, она помогла бы, посовѣтовала бы. Кажется, у Маши вѣдь никогда не было такихъ сѣрыхъ глазъ, какъ у этой цыганки. Почему же она такъ напоминаетъ ее?

VI.

Кафэ «Тройка» помѣщалось въ двухъ узкихъ комнатахъ: въ первой былъ буфетъ, во второй — эстрада для оркестра. Когда Николай Васильевичъ вошелъ, на эстрадѣ уныло пиликалъ скрипачъ подъ аккомпаниментъ простуженнаго рояля. Публики было очень мало, всего четыре занятыхъ столика. Войдя, Николай Васильевичъ сразу увидѣлъ въ первой залѣ Любу Чеботари, сидящую съ двумя цыганками изъ хора за угловымъ столомъ. На ней было то же черное платье съ высокимъ воротомъ, что и въ первый разъ. Рядомъ лежалъ шелковый платокъ съ зелеными узорами. Она казалась еще блѣднѣе, грустнѣе обыкновеннаго. Пристальный взглядъ Николая Васильевича заставилъ ее поднять голову. Прозрачные глаза равнодушно скользнули мимо него. Колобовъ усѣлся во второй комнатѣ напротивъ эстрады и заказалъ кофе.

Скрипачъ, наконецъ, пересталъ мучить серенаду Тозелли. Надъ эстрадой зажегся розоватый свѣтъ. Въ обѣихъ комнатахъ потушили электричество. Вышли тѣ же цыганки съ гитаристами и дирижеромъ, что и въ первый разъ въ ресторанѣ. Люба шла послѣдней, опустивъ голову. «Какъ пасхальная вербочка», почему-то сравнилъ Николай Васильевичъ. Онъ ни о чемъ не думалъ. Въ мысляхъ была свѣтлая тишина ожиданія. Первой запѣла сопрано, высокая блондинка съ простоватымъ лицомъ. Хоръ подтягивалъ. Голосъ Любы ясно выдѣлялся. Она оживилась. Отбивая тактъ ногой въ лакированной туфлѣ, она вся качалась въ ритмъ. Какъ будто пѣла не только голосомъ, но и

всѣмъ тѣломъ. Николай Васильевичъ смотрѣлъ на нее, не отрывая глазъ. И все тише становилось въ мысляхъ, все свѣтлѣе. Наконецъ, наступила Любина очередь. Ея пѣсня заискрилась, какъ солнечный лучъ въ хрусталѣ. На послѣдней нотѣ голосъ ея оборвался и зазвенѣлъ. Николай Васильевичъ почувствовалъ что-то новое, теплое, вливающееся въ душу. Ему захотѣлось схватить Любу, спрятать ее, унести изъ этого кафэ далеко отъ людей, за тридевять земель.

И снова запиликала скрипка и захрипѣлъ рояль. Цыганки вернулись къ своему столику въ первой комнатѣ. Люба ушла съ ними, зябко кутаясь въ свой тяжелый платокъ. Николай Васильевичъ прикрылъ глаза рукой. Отъ скрипки заныли зубы. Мысли снова начали играть въ жмурки. Все смѣшалось. Таня, утреннее происшествіе, мучительные часы на службѣ, весеннія улицы, пивная, переполненный автобусъ, газета, кафэ и русалочьи глаза. «Надо съ нею познакомиться» — упорно кружилась одна мысль. «Но какъ? Надо провѣрить, узнать». Что провѣрить,—онъ самъ этого не зналъ.

Вторично погасло электричество и зажегся розовый свѣтъ надъ эстрадой. Появились цыганки. На этотъ разъ первой запѣла Люба. Съ неестественно веселой улыбкой она лихо передернула плечами. «На послѣднюю да на пятерку найму я тройку лошадей». Быстрымъ движеніемъ она поправила соскользнувшій платокъ. Хоръ подхватилъ припѣвъ. И снова запѣла она. «Кого-то нѣтъ, кого-то жаль, къ кому-то сердце мчится вдаль». Въ голосѣ что-то зазвенѣло, разсыпалось точно битое стекло. Вдругъ крупная слеза покатилась по блѣдной щекѣ. Хоръ затянулъ припѣвъ. Люба встала быстро съ мѣста, нервно закуталась въ платокъ и, шепнувъ дирижеру хриплымъ голосомъ: «довольно, я не могу больше» — выбѣжала въ боковую дверь, ведущую въ гардеробную. Николай Васильевичъ вскочилъ. Сердце билось гдѣ-то въ горлѣ. Онъ вдругъ очутился, самъ того не сознавая,

у двери, за которой исчезла Люба, открылъ ее и вошелъ.

Въ гардеробной было почти темно. Пустыя вѣшалки съ болтающимися на нихъ номерками глядѣли уныло и праздно. Въ углу стоялъ столикъ. Передъ нимъ, положивъ на него руки и спрятавъ въ нихъ лицо, сидѣла Люба. Ея худенькія плечи вздрагивали отъ рыданій. Николай Васильевичъ остановился, боясь шевельнуться. Дверь, закрываясь за нимъ, скрипнула, и Люба, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, испуганно вскочила. Ея лицо было мокро отъ слезъ, лицо обиженнаго ребенка. При видѣ Колобова въ ея сѣрыхъ, влажныхъ глазахъ появилось растерянное удивленіе. Николай Васильевичъ смущенно пробормоталъ:

— «Ради Бога, простите, я нечаянно — я хотѣлъ — я думалъ». —

Безконечная жалость, безконечная нѣжность, расцвѣтали въ его душѣ. Онъ добавилъ еще тише:

— «Можетъ быть, я могу чѣмъ - нибудь помочь Вамъ?»

Люба не шевелилась. Платокъ сползъ съ ея плеча, она его не поправляла. Молчаніе длилось довольно долго. Николай Васильевичъ боялся поднять глаза. Наконецъ, Люба спросила тихимъ, неувѣреннымъ голосомъ:

— «Я васъ, кажется, гдѣ-то видѣла, мнѣ лицо ваше знакомо».

Колобовъ благодарно взглянулъ на нее.

— «Да, я былъ въ томъ ресторанѣ, въ которомъ вы пѣли около мѣсяца тому назадъ. И на прошлой недѣлѣ я сидѣлъ рядомъ съ вами въ кафэ. Я такъ хотѣлъ съ вами познакомиться, но я не зналъ какъ. Васъ зовутъ Люба. Любовь...»

— «Сергѣевна» — помогла она ему.

Онъ смутился, какъ школьникъ.

— «Любовь Сергѣевна, вы не сердитесь, что я такъ вдругъ ворвался сюда? Когда я увидалъ ваши

слезы, такая жалость охватила меня, что я бросился за вами, не помня себя».

Она улыбнулась. Радуга мягко свѣтилась въ ея глазахъ.

— «А вы все-таки не представились. Я не имѣю обыкновенія разговаривать съ незнакомыми».

Николай Васильевичъ опять смутился.

— «Ради Бога простите, я просто невмѣняемъ. Колобовъ, Николай Васильевичъ Колобовъ, весь къ вашимъ услугамъ».

Онъ себя почувствовалъ такъ легко и просто вдругъ, какъ будто зналъ ее всю жизнь. Она протянула ему руку. Онъ замѣтилъ, что ея ногти были коротко острижены. «Вѣрно, играетъ на рояли или на гитарѣ» — пронеслась мысль. Форма руки была красива, но кожа немного огрубѣла и покраснѣла. Видно, она сама стирала, готовила, можетъ быть, даже мыла полы. Снова сердце кольнула острая жалость. Онъ чуть коснулся губами ея холодныхъ пальцевъ. Она быстро оглянулась на дверь.

— «Ну, теперь я должна идти, а то Богъ знаетъ, что подумаютъ. У меня сегодня нервы что-то шалятъ. Совсѣмъ какъ будто безъ причины» — добавила она быстро. Затѣмъ улыбаясь:

— «Позвоните мнѣ, Николай Васильевичъ, я буду очень рада. Я утромъ всегда дома. Запишите номеръ моего телефона».

Николай Васильевичъ записалъ. Оказывается, она жила недалеко отъ пансіона Науманъ. Онъ вторично прикоснулся губами къ маленькой безпомощной рукѣ.

— «Спасибо, Любовь Сергѣевна, если разрѣшите, я завтра позвоню. Завтра — суббота, я свободенъ въ три часа».

Мысль о Танѣ совершенно исчезла. Онъ продолжалъ.

— «Можно будетъ выѣхать немного за городъ. Такая дивная погода, т. е., конечно, только въ томъ

случаѣ, если вы согласитесь поѣхать съ незнакомцемъ, ворвавшимся безъ разрѣшенія въ гардеробную на помощь обиженнымъ и оскорбленнымъ, не задумываясь надъ тѣмъ, что его въ сущности никто и не звалъ. Можетъ быть, онъ никому и не нуженъ». Послѣднее было сказано немного вопросительно. Люба улыбнулась. Въ глазахъ ея вспыхнулъ теплый синеватый огонекъ.

—— «Что вы, я очень рада нашему знакомству. Я мало выхожу, все больше сижу дома. Я съ удовольствіемъ поѣду за городъ съ вами».

Попрощавшись и условившись позвонить на слѣдующее утро въ одиннадцать часовъ, Николай Васильевичъ по просьбѣ Любы вышелъ первымъ изъ гардеробной. Къ счастью, его никто кромѣ одного лакея не замѣтилъ. Всѣ были поглощены гитаристомъ, который, самъ себѣ аккомпанируя, пѣлъ что-то бойкое и дикое, выкрикивая отдѣльныя гортанныя цыганскія слова. Лакей же проводилъ Колобова подозрительнымъ взглядомъ, покачалъ головой и, пожавъ плечами, принялся за бокалъ пива, оставленный не допитымъ однимъ посѣтителемъ.

Николай Васильевичъ шелъ по темной, пустынной улицѣ. Шелъ онъ очень медленно. Въ немъ было ясно и тихо. Мысли мягко скользили надъ нимъ, какъ весеннія облака. Онъ шелъ и улыбался.

VII.

Николай Васильевичъ поднялъ голову съ подушки и прислушался. Ночную тишину изрѣдко нарушали звонъ запоздалаго трамвая и ровное безстрастное тиканье часовъ на ночномъ столикѣ. Со вздохомъ облегченія онъ снова опустилъ голову и закрылъ глаза. Не спалось. Онъ усталъ, измучился. Мысли, какъ комары, жужжали безпрестанно, не давая уснуть. Ему все мерещились какіе-то странные звуки, будто кто-то крадучись мягко пробирался за стекломъ вдоль стѣны. Прыгающія отъ вѣтра тѣни листьевъ за стекломъ казались лохматыми чудовищами. «Нервы совсѣмъ сдали», вяло въ сотый разъ подумалъ онъ. «Надо отдохнуть, уѣхать въ деревню, ни о чемъ не думать. Вѣдь вотъ уже четвертый годъ работаю, никуда не уѣзжалъ, не отдыхалъ. Не мудрено, что нервы шалятъ. Не тѣ годы, старость приближается». Но мысли о старости показались ему настолько неподходящими, что онъ самъ себѣ снисходительно улыбнулся. Положивъ руки подъ голову и устроившись удобнѣе на узкой кушеткѣ, служившей ему постелью, Николай Васильевичъ уставился въ потолокъ, стараясь ни о чемъ не думать, чтобы скорѣе заснуть. Часы въ комнатѣ Frau Naumann въ другомъ концѣ коридора заглушенно пробили три раза. Татьяна Александровна вздохнула во снѣ и повернулась на другой бокъ, скрипнувъ кроватью. На потолкѣ дрожали свѣтотѣни, отраженныя окномъ. Проѣхалъ автомобиль, громко сопя. Свѣтъ его фонарей легко скользнулъ по

полу, поднялся на стѣну и на мгновеніе смахнулъ темноту съ потолка. Николай Васильевичъ лежалъ тихо, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть сна. Но сонъ все не шелъ къ нему. Передъ его усталыми глазами все время мелькала тонкая фигура Любы. Онъ видѣлъ всѣ ея движенія, поворотъ головы, улыбку, протянутую руку; слышалъ ея голосъ, говорилъ съ нею, повторялъ всѣ слова, сказанныя ею и имъ самимъ. Тихая радость, съ которой онъ вечеромъ вернулся домой, превратилась въ возбужденное, немного тревожное ожиданіе утра.

Нѣкоторыя слова, сказанныя Любой, при повтореніи теряли свою безпомощную непосредственность и казались немного пустыми, даже неуклюжими. Сознавая это и въ то же время стараясь переубѣдить себя, онъ страдалъ. Снова повторялъ все сначала, ища себѣ оправданія. О Татьянѣ Александровнѣ онъ совершенно пересталъ думать. Когда онъ наканунѣ вечеромъ пришелъ домой вмѣсто шести въ одиннадцать часовъ, она встрѣтила его ласково съ виноватой улыбкой, даже не спросивъ его, гдѣ онъ былъ, она приготовила ему ужинъ, разсказывая мелочи, происшедшія за день въ пансіонѣ: о томъ, что Frau Doktor выругала газовщика, который, по ея мнѣнію, насчиталъ на 1 марку 80 пфен. лишнихъ за газъ; что голландка - художница уѣзжаетъ на родину къ заболѣвшей теткѣ, изъ-за чего Frau Naumann очень огорчается, такъ какъ въ данное время трудно прилично сдать комнату. Она болтала безъ умолку, боясь молчанія. Его поразила ея разговорчивость. Онъ былъ такъ занятъ своими мыслями и переживаніями, что совершенно забылъ, или вѣрнѣе, ему казалось, что онъ забылъ объ утреннемъ происшествіи. Только увидавъ виноватую улыбку жены, онъ припомнилъ. Но отъ волненія, отъ горечи не осталось и слѣда. Онъ былъ равнодушенъ. Онъ весь вечеръ наблюдалъ за собою со стороны, какъ за постороннимъ. И когда передъ сномъ, поцѣ-

ловалъ мягкія холодноватыя губы Тани, — и ничего не шевельнулось въ его душѣ, не было ни радости, ни горечи, — онъ понялъ, что что-то безповоротно ушло.

Часы у хозяйки пробили четыре раза. Онъ все еще не спалъ. Скоро, черезъ три часа, уже вставать надо. Теперь и засыпать больше не стоило. Онъ будетъ совсѣмъ измученнымъ послѣ безсонной ночи. Голова начинала болѣть и въ ногѣ ломило. Надо все-таки заснуть, хоть на эти три часа. Надо быть бодрымъ, молодымъ. Вдругъ мысль, которая до сихъ поръ ни разу не являлась, заставила его открыть глаза. Что онъ скажетъ Танѣ относительно поѣздки за городъ? Вѣдь онъ по субботамъ приходитъ со службы въ три часа. Чѣмъ же онъ объяснитъ ей свое позднее возвращеніе? Лгать? Но онъ не умѣетъ, онъ не привыкъ къ этому. Въ Россіи у него кромѣ Тани и въ мысляхъ никого не было. А за послѣднія девять лѣтъ онъ жилъ одинъ. Былъ свободенъ, хотя и тогда свободой своей не очень злоупотреблялъ. Кромѣ рѣдкихъ мимолетныхъ встрѣчъ, которыя не оставляли никакого слѣда, ничего въ его жизни не было. Работа, забота о Танѣ, объ ея пріѣздѣ, занимали все его время, всѣ его мысли. Что онъ скажетъ ей? Можетъ быть, правду? Было бы лучше сразу сказать всю правду. Какую правду? Что онъ познакомился съ пѣвицей - цыганкой и ѣдетъ съ ней за городъ? Что отъ прикосновенія ея руки у него сердце таетъ, а отъ взгляда ея глазъ ноги слабѣютъ? Что онъ влюбленъ, влюбленъ какъ мальчишка, какъ гимназистъ пятаго класса? Но влюбленъ ли онъ, правда ли это? Онъ еще не знаетъ, не можетъ рѣшить. Онъ знаетъ только, что ищетъ чего-то, чего-то безнечно родного, знакомаго и необходимаго, до боли необходимаго. Раньше была Таня. Вчера утромъ Таня ушла отъ него. Онъ остался одинъ. У Любы глаза такіе знакомые, какъ у сестры. И походка ея, и вся она, какъ березка сѣверная, какъ жердочка вербы,

какъ заинька сѣроглазый. И снова волна нѣжности нахлынула, обмыла, погрузила въ сладкую истому, которая тутъ же внезапно перешла въ глубокій сонъ.

VIII.

Колобовъ очень спѣшилъ. Несмотря на то, что было всего пять минутъ четвертаго, а онъ условился встрѣтиться съ Любой въ четверть у вокзала Фридрихштрассе, онъ быстро шагалъ, наталкиваясь на прохожихъ, разсѣянно бормоча извиненія. Отъ усталости у него звенѣло въ ушахъ. Послѣ трехчасоваго тяжелаго сна онъ проснулся разбитый съ головной болью. Наскоро выпивъ чашку чернаго кофе, онъ дѣловито, стараясь не встрѣчаться съ женой взглядомъ, сообщилъ ей, что одинъ изъ его сослуживцевъ пригласилъ его отпраздновать день своего рожденія за городомъ, такъ что вернется онъ только поздно вечеромъ. Татьяна Александровна ничего не отвѣтила. Удивленный ея молчаніемъ Николай Васильевичъ взглянулъ на жену. Въ ея глазахъ былъ влажный блескъ, полный упрека.

— «Кока, я понимаю, что тебѣ тяжело со мной послѣ вчерашняго. Прости меня, это вырвалось нечаянно».

Она виновато улыбнулась ему.

— «Останься, Кока, сегодня вечеромъ со мной, пойдемъ куда-нибудь въ кино или театръ. Будемъ опять вмѣстѣ, какъ раньше».

Ея мягкая рука ласково легла на его плечо. Онъ прижался щекой къ теплой ладони, но въ немъ ничего не шевельнулось, ни жалости, ни горечи, ничего не было. Только одна мысль — ловчѣе избавиться отъ этого разговора, освободиться, уйти; и гдѣ-то въ

самой глубинѣ робкій стыдъ. Теперь онъ самъ удивлялся, какъ легко ему удалось увѣрить се, что онъ простилъ ей, приласкать, объяснить необходимость поѣздки за городъ и уйти, оставивъ ее довѣрчивую, успокоенную. Какъ легко далась ему вся эта ложь. Совѣсть молчала. Робкій стыдъ былъ заглушенъ радостнымъ ожиданіемъ. Утромъ по телефону голосъ Любы былъ такой родной, такой близкій, она такъ обрадовалась его звонку.

Онъ шелъ все быстрѣе. Часы на вокзалѣ показывали ровно десять минутъ четвертаго. Еще пять минутъ. Она навѣрно опоздаетъ. Онъ замедлилъ шагъ. Вдругъ онъ замѣтилъ знакомую фигурку въ черномъ пальто и черной шапочкѣ, оглядывающую зонтики въ витринѣ. Онъ бросился къ ней. Маленькое разочарованіе отъ того, что она пришла такъ рано, раньше него, промелькнуло, не оставивъ слѣда.

— «Какъ я радъ, Любовь Сергѣевна, что вы пришли, что хорошая погода и что мы свободно можемъ провести нѣсколько часовъ вмѣстѣ».

Онъ снова почувствовалъ, что молодѣетъ. Усталость какъ рукой сняло. Онъ бодро поднимался по нескончаемой лѣстницѣ рядомъ съ ней. Въ поѣздѣ было очень полно. Всѣ стремились послѣ работы на воздухъ. Многіе уѣзжали на Weekend до понедѣльника. Чемоданы, удочки, теннисныя ракетки, сѣтки съ мячами, автомобильные очки, корзины съ провизіей, зонтики, собаки, дѣти — все это лежало, стояло, висѣло на скамейкахъ, подъ скамейками, въ проходахъ и въ багажныхъ сѣткахъ. При каждомъ поворотѣ это катилось, сваливалось другъ на дружку и водворялось на мѣсто до слѣдующаго поворота. Въ вагонѣ стоялъ неимовѣрный шумъ. Бранились, смѣялись, дѣти пищали, собаки лаяли, стекла звенѣли.

Николай Васильевичъ и Люба были стиснуты между пышной матерью троихъ дѣтей и любителемъ рыболовнаго спорта, обнимающаго неимовѣрно длинную удочку, которая ежеминутно ударяла кого-нибудь

изъ сосѣдей по головѣ. Николай Васильевичъ молчалъ, смотрѣлъ на Любу и улыбался. Она глядѣла черезъ окно на убѣгающія сосны и тоже чему-то улыбалась. Въ Ванзее многіе вышли, сразу стало просторнѣе и тише.

— «Вы уже были въ Потстдамѣ, Любовь Сергѣевна?» — спросилъ Николай Васильевичъ.

Да, она хорошо знаетъ окрестности Берлина, вѣдь она уже восемь лѣтъ здѣсь живетъ. Она стала разсказывать ему о себѣ безъ всякихъ прикрасъ, просто, какъ старому знакомому. Она живетъ со своей теткой, вдовой. Это та полная дама, съ которой она тогда была въ кафэ. Онѣ снимаютъ двѣ меблированныя комнаты. Каждая изъ нихъ платитъ за свою. Она это сказала такъ наивно, по дѣтски, что сердце Николая Васильевича сжалось отъ нѣжности. Тетка получаетъ на жизнь отъ замужней дочери изъ Польши. Она, Люба, очень рада, что тетка не ладитъ со своимъ зятемъ и поэтому уѣхала отъ дочери, а то бы она была совсѣмъ, совсѣмъ одна.

— «И такъ у меня никого нѣтъ, я круглая сирота. Ни братьевъ, ни сестеръ, никого».

Узкія плечи ея немного горбились. Николай Васильевичъ не могъ остановить волны жалости, охватившей его. Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— «Вы не одна, Любовь Сергѣевна, у васъ есть другъ, преданный другъ».

Голосъ его охрипъ отъ волненія. Она благодарно взглянула на него. Поѣздъ остановился. Они вышли вмѣстѣ съ толпой и сѣли въ трамвай, идущій въ Sanssouci. Было очень тепло. Зацвѣтали каштаны. Ихъ бѣлыя свѣчи горѣли въ сочной зелени свѣжихъ листьевъ. Весь старинный городокъ былъ чистъ по весеннему. Въ паркѣ было тѣнисто, прохладно. Пахло одуряюще черемухой и сиренью. Въ сонныхъ прудахъ плескались красныя, острыя рыбки. На лѣстницѣ, ведущей ко дворцу, мелькали темными пятнами

люди, нарушая вѣковую гармонію этой удивительной по красотѣ картины.

Николай Васильевичъ и Люба завернули въ боковую аллею. Одурманенные воздухомъ, солнцемъ, тишиной, они шли молча. Люба сняла шляпу. Ея гладко зачесанные на прямой проборъ волосы отливали на солнцѣ старой бронзой. Николаю Васильевичу казалось, что вся его жизнь была только предисловіемъ къ переживаемой имъ нынѣ страницѣ. Они перешли легкій мостикъ. Въ темно - зеленой отъ листьевъ водѣ отражались золотыя зыби. Мушки кружились надъ ручейкомъ густой сѣткой, какъ дождевыя капли. Ива опустила на гладкую поверхность воды свои весеннія кудри. Мраморная нимфа столѣтней улыбкой привѣтствовала свое отраженіе. Вдали, какъ исполинскій грибъ, росъ японскій павильонъ. Гдѣ-то совсѣмъ близко пробили старинные куранты. Люба тихо заговорила, будто сама съ собою. Подъ ея шагами хрустѣлъ гравій. Она разсказала о томъ, что была замужемъ за армяниномъ, пьяницей и картежникомъ, который, проигравъ все, что имѣлъ, продавъ драгоцѣнности, которыя ей оставила мать, бросилъ ее въ чужой странѣ на произволъ судьбы и удралъ обратно въ Россію, прославъ ей оттуда разводъ. Она никогда раньше не выступала. А тутъ пришлось волей неволей выбирать ремесло, и она выбрала пѣніе. Она всегда любила цыганскія пѣсни. Въ Берлинѣ такъ много русскихъ женщинъ, которыя принуждены зарабатывать свой хлѣбъ. Всѣ онѣ поютъ или танцуютъ, или стремятся въ кино - актрисы. Среди нихъ она, Люба, безпомощная и робкая, совсѣмъ затерялась. Она снималась статисткой въ фильмахъ, простаивала ночи на пролетъ въ холодныхъ ателье съ пустымъ желудкомъ и звенящими отъ усталости висками. Но какъ видно она все-таки не бездарность. Тутъ она застѣнчиво улыбнулась. Ее замѣтили, стали приглашать пѣть въ рестораны, въ кафэ, на балы; затѣмъ пріѣхала тетка, онѣ устроились вмѣстѣ и ей

стало немного легче. Но иногда бываетъ безумно тоскливо. Ей вѣдь всего двадцать восемь лѣтъ, она хочетъ жить. Знакомыхъ у нея почти совсѣмъ нѣтъ. Нѣмцевъ она чуждается, а русскіе только занимаются сплетнями или норовятъ взять взаймы нѣсколько марокъ. Иногда мѣсяцами нѣтъ работы. Тогда она сидитъ дома, готовитъ, стираетъ, убираетъ, никуда не выходитъ. А по вечерамъ играетъ на гитарѣ и плачетъ. Нервы у нея никуда не годятся. Тетка немного болтливая, но добрая. Она всегда готова помочь ей, когда видитъ, что ей нечѣмъ заплатить за комнату, но вѣдь у нея у самой еле хватаетъ на жизнь. Вотъ и вчера, когда она запѣла «На послѣднюю да на пятерку» и вспомнила, что скоро первое, а денегъ осталось такъ мало, не смогла удержаться отъ слезъ.

— «Простите, Николай Васильевичъ, что я вамъ всс это говорю» — она робко взглянула на него. — «Но когда вы вчера вбѣжали въ гардеробную, у васъ были такіе трогательные глаза, что я не могла разсердиться на васъ. А я очень хотѣла нагрубить вамъ въ первую минуту».

Она разсмѣялась. Въ первый разъ онъ услышалъ ея смѣхъ. Это былъ невеселый смѣхъ, усталый, точно надтреснутый. Онъ заговорилъ серьезно, не глядя на нее.

— «Обѣщайте мнѣ, Любовь Сергѣевна, что если вамъ нуженъ будетъ вѣрный другъ, вы обратитесь ко мнѣ. Я всегда готовъ помочь вамъ и словомъ и дѣломъ. Помните, что отнынѣ вы не одиноки. Вы имѣете друга и защитника».

Она протянула ему руку.

— «Спасибо, Николай Васильевичъ, я буду объ этомъ помнить, спасибо».

У японскаго павильона стояло нѣсколько американцевъ; громко разговаривая на своемъ акробатическомъ языкѣ, они снимали его со всевозможныхъ сторонъ. Колобовъ и его спутница поспѣшили завернуть въ тихую пустынную аллею. Кусты рододендрона гу-

сто распустили свои фарфоровыя чаши. Запахъ черемухи былъ упоительно радостенъ. Николай Васильевичъ закрылъ глаза и ему показалось, что онъ бродитъ по городскому саду родного уѣзднаго городка, что ему двадцать лѣтъ, что вся жизнь впереди и что сейчасъ онъ скажетъ своей спутницѣ что-то важное и торжественное. Онъ заговорилъ. Онъ разсказалъ ей о своемъ дѣтствѣ, о молодости, о годахъ войны и революціи, о матери, о братѣ, а главное — о сестрѣ Машѣ, такъ дико погибшей, о Машѣ, у которой были тѣ же свѣтлые глаза, что и у нея. О Татьянѣ Александровнѣ онъ не вспомнилъ ни разу. Какъ будто ея никогда не было въ его жизни. Онъ не скрылъ, онъ просто забылъ, что женатъ. Люба слушала внимательно, иногда вставляя маленькое замѣчаніе или вопросъ. Они пришли къ ресторану рядомъ со знаменитой мельницей и усѣлись въ тѣни густого каштана. За кофе она повеселѣла и стала разсказывать смѣшные случаи изъ ея артистической жизни. У Николая Васильевича промелькнула снова мысль о томъ, что въ ея словахъ иногда сквозитъ легкомыслiе, пустота, но радость ея присутствія, ея голоса, ея русалочьихъ глазъ заглушала всѣ остальныя чувства. Время текло незамѣтно. Тѣни удлинились. Старинные куранты бросили въ синѣющій воздухъ восемь ударовъ. Николай Васильевичъ и Люба направились къ выходу. Людей въ паркѣ становилось все меньше. Фонтанные струи, какъ крылья подстрѣленной птицы, взмахивали высоко подъ небеса и падали стремглавъ внизъ, разсыпаясь голубоватымъ бисеромъ. Мраморный Фридрихъ на конѣ смотрѣлъ поверхъ людей на свой кокетливый игрушечный дворецъ. Густо лиловѣли бархатные ковры анютиныхъ глазокъ. Люба сорвала одну и вдѣла ее Колобову въ петлицу. Отъ этого безхитростнаго жеста на него почему-то пахнуло холодкомъ.

Въ трамваѣ было очень полно. Ихъ раздѣлили. Онъ видѣлъ ея черную шапочку у самыхъ дверей, и

снова нѣжность раздвинула всѣ преграды и сомнѣнія въ его душѣ. Въ поѣздѣ не было сидячихъ мѣстъ. Имъ пришлось стоять всю дорогу. Она устала. Подъ ея глазами легли темныя тѣни. Они перебрасывались незначительными фразами. Въ его головѣ было туманно. Ароматы весепняго дня затмили всѣ мысли, Они вышли на Цоо. Николай Васильевичъ отвезъ Любу домой на такси. Онъ подождалъ, пока она отперла дверь и пожелалъ ей покойной ночи. Она протянула ему руку, взглянувъ на него снизу вверхъ.

— «Спасибо, спасибо за все».

Ея голосъ звучалъ заглушенно. Онъ поцѣловалъ маленькую немного жесткую ладонь. Она исчезла въ парадной, какъ мышка, быстро обернулась за стекломъ и кивнула ему.

Дурманная майская ночь спускалась надъ Берлиномъ. Рѣденькіе звуки скрипокъ изъ кафэ звучали особенно, по весеннему, и тоже особенно, тоже по весеннему шагалъ вдоль ночной улицы Николай Васильевичъ Колобовъ.

IX.

Прошли недѣли. Послѣ благоухающаго мая наступилъ дождливый вѣтренный іюнь. Косая паутина дождя заволакивала улицы. Было грязно и скучно въ столицѣ. Для Николая Васильевича наступили дни лихорадочнаго ожиданія. Онъ ждалъ съ утра чего-то, онъ былъ готовъ ко всему. Ничто не могло бы удивить его. Онъ смѣло, даже немного преувеличенно бойко, велъ двойную жизнь. Служба, звонки по телефону къ Любѣ, какъ только дверь его бюро закрывалась за нимъ, встрѣчи съ нею, поѣздки за городъ, тихіе часы, проведенные въ ея маленькой комнатѣ съ низкой тахтой и крошечнымъ зеленымъ попугаемъ въ клѣткѣ. Она такъ радовалась ему, съ такимъ порывомъ протягивала обѣ руки ему навстрѣчу, когда онъ приходилъ. Онъ весь былъ поглощенъ ея движеніями, взглядами, звукомъ ея голоса. Работа, жена, всѣ прежніе интересы и стремленія онъ забросилъ, какъ отслужившія перчатки. Его никто не узнавалъ. Онъ и самъ себѣ казался чужимъ. Онъ помолодѣлъ не только внутренне, но и внѣшне. Щеголялъ въ новомъ свѣтломъ костюмѣ и мягкой сѣрой шляпѣ, брился ежедневно, тщательно вывязывалъ галстукъ, и, чего съ нимъ никогда не бывало, носилъ шелковый платокъ въ верхнемъ карманчикѣ пиджака. Танѣ онъ разсказывалъ каждый день нескончаемыя исторіи о сверхъурочной работѣ на службѣ, о пріѣздѣ къ директору дѣловыхъ американцевъ, къ которымъ онъ прикомандированъ изъ-за своего знанія

англійскаго языка. Точно сообщалъ, куда онъ ихъ водилъ, о чемъ говорилъ съ ними, даже называлъ имена и описывалъ ихъ внѣшность. Вначалѣ онъ старался избѣгать взгляда жены, но потомъ привыкъ и, совершенно спокойно и ровно глядя на нее, выкладывалъ ей свои выдумки. Татьяна Александровна вся замкнулась въ непроницаемую броню. На ехидныя замѣчанія Frau Naumann и ласковые вопросы Ольги Петровны она отдѣлывалась общими фразами. Она продолжала получать длинныя письма изъ Россіи и подолгу сидѣла надъ ними, облокотившись, и думала. Вертикальная полоска легла между ея бровями. Она рѣдко улыбалась. Часами сидѣла одна въ комнатѣ, читала или писала что-то своимъ мелкимъ четкимъ почеркомъ. Иногда Ольга Петровна звала ее съ собой въ кино. Она шла нехотя, мало говорила, была разсѣянна и вяла. И только оживлялась, когда на разспросы Ольги Петровны о нынѣшней Россіи, могла разсказывать ей о своей жизни тамъ, о друзьяхъ, работѣ и достиженіяхъ. Ольга Петровна, какъ и всѣ, замѣтила перемѣну въ Колобовѣ. Догадываясь объ ея причинѣ и жалѣя Таню, она старалась развлекать ее, не давать ей задуматься. Но Татьяна Александровна не принимала протянутой ей руки. Она недовѣрчиво относилась къ радушію Кандинской, какъ и ко всѣмъ людямъ вообще. Въ самомъ началѣ, сразу послѣ происшествія съ письмомъ въ то знаменательное утро, ей казалось, что Николай Васильевичъ все еще не простилъ ей ея рѣзкой выходки и поэтому озабоченъ, поэтому уходитъ изъ дому, чтобы не оставаться долго съ нею наединѣ. Но перемѣна, происшедшая въ мужѣ, поразила ее. Давно не видала она его такимъ бодрымъ и веселымъ. Онъ, казалось, совсѣмъ забылъ о томъ случаѣ съ письмомъ, обращался съ нею, какъ всегда, иногда съ какой-то неестественной игривостью; не замѣчалъ ничего вокругъ, ни о чемъ не спрашивалъ, былъ разсѣянъ или преувеличенно внимателенъ. Она хотѣла было

спросить его о причинѣ такой перемѣны, но передумала и дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Однажды вечеромъ Николая Васильевича по обыкновенію не было дома; онъ звонилъ со службы, предупредивъ, что не вернется къ ужину, такъ какъ долженъ идти съ американцами въ театръ. Таня сидѣла за чаемъ. Къ ней на минутку зашла Кандинская и уговаривала ее съѣсть что-нибудь.

— «Татьяна Александровна, милая, вы должны беречь свое здоровье, нельзя такъ».

Колобова пожала плечами.

— «Къ чему, все равно я никому не нужна. Дома, въ Россіи, я нужна, а здѣсь...»

Въ это время постучали въ дверь и голосъ хозяйки позвалъ Татьяну Александровну къ телефону. Минуты черезъ двѣ она вернулась. Тихо заперла дверь за собой, подошла къ столу, опустилась на свое мѣсто и застыла, устремивъ сухой взглядъ въ темнѣющее окно. Ольга Петровна удивленно взглянула на нее. Молчаніе длилось минуты. Затѣмъ Ольга Петровна, видя, что Таня не двигается, встревоженно спросила:

— «Что случилось? Татьяна Александровна, что съ вами?»

Колобова встрепенулась, машинально пригладила волосы ладонью правой руки и глухо сказала:

— «Ничего. Звонилъ директоръ мужа. Какая-то спѣшная работа. Я сказала, что онъ ушелъ въ театръ съ американцами. Онъ переспросилъ два раза. Ни о какихъ американцахъ онъ ничего не знаетъ. Вотъ и все».

Она криво усмѣхнулась. Ольга Петровна засуетилась.

— «Можетъ, вы не такъ поняли, здѣсь навѣрное ошибка какая-нибудь. Вѣдь вы не очень то сильны въ нѣмецкомъ языкѣ».

Она старалась шутить. Татьяна Александровна покачала головой.

— «Я все поняла. Онъ два раза повторилъ, что

объ американцахъ ничего не знаетъ и проситъ Николая Васильевича непремѣнно сегодня вечеромъ позвонить; а если онъ придетъ поздно, то завтра явиться въ контору на полчаса раньше».

Наступило неловкое молчаніе. Ольга Петровна капнлянула. Колобова не двигалась.

— «Я знала, я все время знала, что тутъ женщина замѣшана. Поэтому онъ такъ измѣнился за послѣднія недѣли» — наконецъ, устало заговорила она. — «Если бы можно было узнать, кто она. Ловкая, должно быть. Чтобы такъ окрутить Николая, надо обладать недюжинными способностями. Никогда ничего подобнаго съ нимъ не бывало. Всѣ свои лучшіе годы онъ посвятилъ родинѣ, матери и женѣ. И вдругъ здѣсь, на чужбинѣ, на четвертомъ десяткѣ, забывъ всѣ обязанности, онъ унижается до подлой лжи изъза какой-то женщины».

По мѣрѣ того какъ она говорила, негодованіе овладѣвало Татьяной Александровной. На щекахъ ея выступили красныя пятна. Руки судорожно сжимали салфетку. Ольга Петровна старалась ее успокоить.

— «Полно, голубушка, такъ волновать себя. Вѣдь еще ничего неизвѣстно. Мало ли что можетъ быть. Надо обѣ стороны выслушать. Вотъ придетъ Николай Васильевичъ, вы ему спокойно все разскажите, а тамъ посмотрите, что онъ вамъ отвѣтитъ. Успѣете еще волноваться».

Колобова презрительно пожала плечами.

— «Что онъ отвѣтитъ? Опять лгать будетъ. Выдумаетъ какую-нибудь невѣроятную исторію. Разъ началось ложью, то и дальше будетъ одна ложь. Я ему больше никогда вѣрить не смогу». — И вдругъ съ внезапной рѣшимостью: — «Я уѣду, я поѣду обратно въ Россію. Тамъ я нужна, тамъ я приношу пользу. Такъ жить дальше я не могу».

Ольга Петровна всплеснула руками.

— «Что вы, Господь съ вами. Развѣ можно такъ сразу? Вѣдь вы еще ничего опредѣленнаго не знае-

те. Погодите, успокойтесь, поговорите съ мужемъ серьезно. Подумайте и о немъ немного, каково ему то будетъ? Вы уѣдете, а вся эта исторія, быть можетъ, только минутное увлеченіе. Пронесется, какъ весенняя гроза. И онъ останется одинъ съ вѣчно грызущей мыслью о васъ, несчастный, одинокій».

Татьяна Александровна рѣзкимъ движеніемъ откинула назадъ выбившуюся изъ прически прядь волосъ.

— «Онъ этого заслужилъ. Я все могу простить, только не ложь. Пришелъ бы онъ ко мнѣ открыто, честно, сознался бы, что встрѣтилъ, полюбилъ другую. Мы бы обсудили, что дѣлать и порѣшили бы на чемъ-нибудь. А такъ я не могу. Это недостойно его, недостойно нашей пятнадцатилѣтней совмѣстной жизни».

— «Но, можетъ быть, все это далеко не такъ серьезно, просто маленькое увлеченіе. Вы увидите, ему самому стыдно станетъ. Онъ самъ придетъ къ вамъ, все разскажетъ, будетъ просить прощенія».

Татьяна Александровна не отвѣтила, она прислушивалась. Щелкнулъ ключъ входной двери. Скрипнула половица и послышалось заглушенное покашливаніе. Ольга Петровна поспѣшно поднялась.

— «Ну, я пойду къ себѣ. Будьте молодцомъ, не разстраивайтесь понапрасну. Постарайтесь спокойно все выяснить».

Въ дверяхъ она столкнулась съ Колобовымъ. Онъ разсѣянно отвѣтилъ на ея привѣтствіе; даже не удивился, встрѣтивъ ее такъ поздно выходящею отъ жены. Татьяна Александровна ждала его посрединѣ комнаты. Она внимательно приглядѣлась къ нему. Его лицо ничего не отражало, кромѣ сильной усталости. Торжествующій блескъ глазъ исчезъ. Его замѣнило тупое безразличіе. Онъ какъ будто осунулся, похудѣлъ. Увидавъ жену еще совсѣмъ одѣтую, онъ недовольно спросилъ:

— «Почему ты не спишь, Таня, ты меня ждала? Я вѣдь сказалъ, что приду поздно».

Она опустила голову. Ей стало безконечно стыдно за него.

— «Да, я тебя жду. Намъ надо серьезно поговорить».

Онъ встрепенулся и быстро взглянулъ на нее. Но она не замѣтила его взгляда. Она продолжала пристально глядѣть на потрепанный коверъ.

— «Тебѣ звонилъ твой директоръ. У него спѣшная работа для тебя. Онъ просилъ тебя позвонить еще сегодня вечеромъ, а если придешь поздно, то придти завтра утромъ въ бюро на полчаса раньше. Я сказала, что ты ушелъ въ театръ съ дѣловыми американцами. Ни о какихъ американцахъ онъ ничего не знаетъ».

Она медленно подняла голову. Ихъ глаза встрѣтились. Первой мыслью Николая Васильевича было выдумать что-нибудь, новую ложь. Но онъ тутъ же спохватился. Неожиданное чувство облегченія заставило его глубоко вздохнуть. Наконецъ, случилось то, чего онъ ожидалъ все время. Дамокловъ мечъ, висѣвшій надъ нимъ, сорвался и упалъ. Все лучше, чѣмъ это мучительное ожиданіе. Онъ спокойно выдержалъ взглядъ жены и спокойно сказалъ:

— «Американцы никогда не существовали. Ихъ придумалъ я. Я былъ съ женщиной» — и добавилъ тише: — «теперь ты знаешь все».

Татьяна Александровна почувствовала, какъ вся кровь бросилась ей въ голову. Сердце дико застучало.

— «Значитъ это правда; я знала, я знала...»

Три громкихъ удара въ стѣну и ворчаніе изъ сосѣдней комнаты маіора заставили ее продолжать шепотомъ:

— «И тебѣ не стыдно? Почему ты сразу не пришелъ ко мнѣ, какъ къ другу, не сказалъ мнѣ, что полюбилъ другую? Съ первого дня моего пріѣзда сюда

я почувствовала, что ты измѣнился, что мы не подходимъ больше другъ къ другу. И не удивительно. Много воды утекло за девять лѣтъ нашей разлуки. Я уѣду обратно въ Россію. У меня тамъ друзья, работа. Мы разведемся, и ты сможешь женится на той. Я, я не буду мѣшать, я уйду».

Она замолкла. Ея глаза были влажны. Николай Васильевичъ подошелъ къ ней вплотную и взялъ обѣ ея руки въ свои.

— «Танюша, — позвалъ онъ мягко, — Танюша, посмотри мнѣ прямо въ глаза. Я виноватъ передъ тобою. Я солгалъ, я скрылъ, что познакомился съ одной женщиной, что увлекся ею. Ты права, я долженъ былъ все разсказать тебѣ, какъ другу, но ты была такая странная послѣднее время, такая чужая. Я думалъ, тебѣ безразлично — съ кѣмъ и куда я хожу. Все же я сознаю свою вину. Я солгалъ. Въ одномъ только ты не права. Я не люблю этой женщины, это не любовь. Мое чувство къ ней мнѣ самому непонятно, только это не любовь».

Татьяна Александровна подняла глаза. Влага изъ нихъ исчезла.

— «Ты долженъ понять, Николай, что послѣ всего происшедшаго я не могу больше оставаться здѣсь. Я не могу играть роль счастливой жены. Я не умѣю лгать. Я уѣду. Такъ будетъ лучше и тебѣ и мнѣ».

Колобовъ выпустилъ ея руки. На лбу у него появилась глубокая складка. Зрачки сузились до незамѣтныхъ щелокъ.

— «Хорошо, уѣзжай. я не хочу мѣшать тебѣ. Ты тамъ будешь счастливѣе, чѣмъ со мной. Тамъ тебя понимаютъ и цѣнятъ. Я, какъ видно, за эти девять лѣтъ разучился тебя понимать».

Онъ горько усмѣхнулся. Она молчала. Онъ передернулъ плечами.

— «Ну что же, поѣзжай. Я помогу тебѣ во всемъ. Я не хочу, чтобы ты изъ-за меня испытала какія-ни-

будь неудобства. По мнѣнію людей, я виноватъ передъ тобою, но только не въ томъ, въ чемъ ты думаешь. Я не измѣнялъ тебѣ ни словомъ, ни дѣломъ. Все это совсѣмъ другое. Но ты права. Мы больше другъ друга не понимаемъ. Мы должны разойтись. Такъ будетъ лучше для насъ обоихъ».

Она все молчала. Ея ротъ былъ рѣшительно сжатъ. Онъ смотрѣлъ на нее и не могъ понять, куда дѣлись прежніе горечь и стыдъ и то чувство облегченія, что овладѣло имъ при ея первыхъ словахъ. Въ немъ было одно только тупое, тягучее безразличіе.

Часы въ комнатѣ хозяйки въ концѣ корридора пробили половину второго. Двое людей, которые переживали вмѣстѣ горести и радости въ теченіе долгихъ лѣтъ, стояли рядомъ и осматривали другъ друга даже не какъ враги, а просто какъ чужіе.

X.

— «Ты усталъ, Ника, тебѣ жарко, садись сюда ближе къ балкону, здѣсь свѣжо. Погоди, я пойду принесу тебѣ лимонаду со льдомъ».

Люба быстро провела рукой по волосамъ усѣвшагося Николая Васильевича и выбѣжала изъ комнаты, шлепая красными туфельками на босу ногу. Колобовъ съ улыбкой проводилъ ее взглядомъ.

Проклятая жара. Весь день бы валяться на диванѣ и пить ледяную воду. Въ конторѣ тропическая атмосфера. Всѣ сидятъ безъ пиджаковъ, потные, красные, противные. Работа не клеится. Директоръ — счастливецъ — уѣхалъ къ морю, а служащіе коекакъ досиживаютъ положенные часы. Утромъ опаздываютъ, вечеромъ раньше уходятъ. По улицамъ, точно сонныя осы, двигаются автобусы. Въ безоблачномъ небѣ, какъ воспаленный глазъ, катится солнце. Вечерами послѣ заката небо походитъ на абрикосовое мороженное. Китайской тушью подведены деревья, крыши, башни церквей. Многія женщины ходятъ безъ чулокъ въ закрученныхъ носкахъ. Ихъ ноги почему-то напоминаютъ спаржу, у нѣкоторыхъ стройную, желто - розоватую, совсѣмъ свѣжую, которая таетъ во рту; у другихъ — толстую, деревянистую съ густо - желтымъ отливомъ. которую сколько ни вари, разварить нельзя. У Любы ноги тоже какъ двѣ спарженьки, узкія, вотъ-вотъ сломаются.

Николай Васильевичъ взялъ изъ рукъ Любы весь въ свѣжихъ капляхъ стаканъ съ лимонадомъ и

окинулъ всю ее взглядомъ. На ней бѣлая кофточка безъ рукавовъ и черная короткая юбка. Въ свѣтлыхъ глазахъ солнечные зайчики. Она загорѣла, похорошѣла, грустная улыбка исчезла съ ея лица. Она счастлива.

При видѣ этихъ сіяющихъ ему навстрѣчу глазъ Николай Васильевичъ почему-то смутился. Тѣнь пробѣжала по его лицу. Съ тѣхъ поръ, какъ Таня уѣхала обратно въ Россію, съ нимъ это часто бывало; вдругъ ни съ того ни съ сего задумается, забудетъ, что хотѣлъ сказать, и только придетъ въ себя, если его кто-нибудь громко окликнетъ. Съ Татьяной Александровной они простились, какъ добрые друзья. Она даже написала ему открытку о томъ, что хорошо доѣхала. Онъ ей сразу отвѣтилъ, но больше писемъ отъ нея не получилъ. Передъ самымъ ея отъѣздомъ онъ нѣсколько разъ порывался все ей разсказать. Но она останавливала его съ первыхъ же словъ. «Я ничего не хочу знать объ этомъ, Николай. Это отнынѣ твое личное дѣло». — Такъ она и уѣхала, даже не поинтересовавшись узнать имя той, которая замѣстила ее.

Въ Любиной комнатѣ было тихо и довольно прохладно. Окно и балконъ выходили на дворъ, густо засаженный сиреневыми кустами. Зеленый попугай, Петька, съ видомъ философа сидѣлъ на своей клѣткѣ, подперевъ цѣпкой лапой клювастую голову. Люба его очень любила и хохотала до слезъ надъ глубокомысленнымъ выраженіемъ его выпуклыхъ глазъ. Николаю Васильевичу было противно брать попугая въ руки. Птица это чувствовала и орала во всю, когда Люба заставляла ее садиться къ Колобову на плечо. На письменномъ столѣ, на комодѣ, на стѣнахъ, повсюду стояли и висѣли Любины портреты. Она очень хорошо выходила и любила сниматься. Со всѣхъ сторонъ глядѣли безконечно грустные свѣтлые глаза подъ узкими слегка удивленными бровями. Въ ком-

натѣ все было чисто и на мѣстѣ; видно, обитательница все свое свободное время употребляла на уборку. Въ первый разъ своего прихода къ Любѣ Николая Васильевича непріятно поразило отсутствіе книгъ: кромѣ газетъ и двухъ-трехъ дешевыхъ романовъ ничего не было. Но онъ слишкомъ былъ поглощенъ Любиными улыбками, оттѣнкомъ ея голоса, чтобы долго помнить объ этомъ. Со службы онъ немедленно мчался къ ней. Разставались они поздно ночью. Иногда онъ по нѣсколько дней не возвращался домой. Frau Dr. Naumann первое время возмущалась этимъ, читала ему нотаціи, даже хотѣла отказать отъ комнаты. Но, принявъ во вниманіе тяжелое положеніе, переживаемое квартирными хозяйками Берлина, она примирилась. Она встрѣчала его всегда съ видомъ оскорбленной невинности, облегчая себя загадочными фразами вродѣ «Былъ бы мой Эрихъ живъ, все было бы иначе», или «Grosser Gott, какъ несчастны тѣ люди, которымъ чуждо чувство долга». Колобовъ дѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ, кивалъ головой и уходилъ къ себѣ. Онъ часто подумывалъ о томъ, чтобы перемѣнить комнату, но его что-то останавливало. Онъ не сознавалъ или не хотѣлъ сознавать, что удерживало его на старой квартирѣ воспоминаніе о Танѣ, о тѣхъ короткихъ часахъ, когда ему казалось, что его прежнее счастье вернулось къ нему.

Иногда по праздникамъ онъ просиживалъ часами одинъ въ своей комнатѣ со спущенными жалюзи, въ солнцемъ нагрѣтой полутьмѣ, курилъ папиросу за папиросой и думалъ. Мысли неуклюже цѣплялись одна за другую. Никуда не хотѣлось идти. Время тихо утекало. Смеркалось, въ комнатѣ становилось совсѣмъ темно. Ему было лѣнь встать, чтобы открыть окно; затѣмъ звонила Люба, удивлялась, обижалась, почему онъ не пришелъ и не позвонилъ: они вѣдь условились, онъ обѣщалъ придти. Отъ ея недовольнаго голоса становилось еще скучнѣе. Онъ кое-какъ отвѣчалъ и вѣшалъ трубку. А черезъ часъ-два мчался къ

ней по четкимъ синѣющимъ улицамъ вечерняго города. Просилъ прощенія, цѣловалъ грубоватую кожу ея рукъ, цѣловалъ худенькія плечи, яркія губы, узкій проборъ. И снова упивался своимъ новымъ счастьемъ, такимъ шаткимъ, какъ крѣпость, построенная дѣтьми подъ вѣчной угрозой прилива.

Любина тетка, Валентина Ильинишна, не вмѣшивалась въ жизнь своей племянницы. Рано овдовѣвъ, она всѣ свои стремленія и желанія сосредоточила на единственной дочери. Она мечтала для нея о сказочно богатомъ и знатномъ женихѣ. Когда же дочь, не слушая материнскихъ совѣтовъ и упрековъ, вышла замужъ за небогатаго старѣющаго поляка, у котораго былъ магазинъ обуви въ маленькомъ пограничномъ городкѣ, она на нее махнула рукой и уѣхала въ Берлинъ къ племянницѣ. Наученная горькимъ опытомъ, Валентина Ильинишна рѣшила въ Любину жизнь не вмѣшиваться. Съ Колобовымъ она была въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ ей нравился. Она находила въ немъ сходство съ ея покойнымъ мужемъ. Когда онъ приходилъ, она приносила изъ своей комнаты разныя варенья и сладости, угощала его, разспрашивала о дѣлахъ, о здоровьи, жаловалась на свой ревматизмъ, на судьбу, на дочь, и ретировалась съ хитрой улыбочкой, чтобы, молъ, не мѣшать влюбленнымъ.

Такъ было и на этотъ разъ. Валентина Ильинишна сочла своимъ долгомъ зайти поздороваться съ Колобовымъ. Она была въ запыленной соломенной шляпкѣ и въ нитяныхъ перчаткахъ готовая отправиться съ пріятельницей за городъ.

— «Ахъ, дорогой Николай Васильевичъ, какъ здоровье? Устали, должно быть, отъ жары; бѣдный вы мой, весь день взаперти въ душной конторѣ. Но погода, вѣроятно, скоро измѣнится. Я уже чувствую это по ногѣ».

Слѣдовало подробное описаніе всѣхъ симптомовъ и значеніе каждаго изъ нихъ. Послѣ этого, не давъ

Николаю Васильевичу произнести ни слова, Валентина Ильинишна нѣжно попрощалась съ нимъ, томно заглянувъ ему въ глаза, махнула Любѣ многозначительно рукой и выпорхнула въ дверь, поправляя на ходу сбившуюся шляпку. Николай Васильевичъ разсмѣялся. Люба взглянула на него и полушутливо, полусерьезно бросила:

— «Ты вотъ все надъ тетей Валей смѣешься, а она такая добрая, такъ заботится обо мнѣ».

Николай Васильевичъ притянулъ ее къ себѣ.

— «Да что ты, Заинька, нисколько я надъ нею не смѣюсь. Я очень радъ за тебя, что она съ тобой и хорошо къ тебѣ относится».

Люба прислонилась головой къ его плечу и нѣжно погладила его руку, обнимающую ее.

— «Вчера вечеромъ мы долго съ ней говорили. Она все спрашивала, когда ты разводъ получишь. Я сказала, что не знаю». — Она мелькомъ скользнула глазами по его лицу. — «Я вѣдь и вправду не знаю, Ника, я даже не знаю, просилъ ли ты разводъ у жены».

Николай Васильевичъ заставилъ мускулы своего лица не выражать ничего. Ему вдругъ стало скучно. Его голосъ по привычкѣ самъ за него отвѣтилъ:

— «Я вѣдь говорилъ тебѣ, Люба. Часто говорилъ, что еще не могу думать объ этомъ».

Наступило непріятное молчаніе. Любины скорбныя брови обиженно округлились. Тягучая, липкая скука сковывала мозгъ Николая Васильевича. Онъ вспомнилъ выраженіе Любинаго лица, тѣ же недоумѣвающія брови, когда онъ случайно проговорился о томъ, что женатъ. Это было на четвертый день ихъ знакомства. Онъ впервые пришелъ въ ея комнату. Похваливъ ея хозяйственность, сервировку чая, онъ прибавилъ шутливо, что очень избалованъ, ибо его жена мастерица по этой части. Ея лицо вдругъ выразило холодное удивленіе, и ему на мигъ стало непріятно. Но

только на мигъ. Она снова смѣялась, болтала о другомъ.

Люба тяжело вздохнула. Отодвинувшись отъ Николая Васильевича, она встала и вышла на балконъ. Во дворѣ было пусто. Торжественно, какъ факиръ, сидѣлъ на солнцѣ бѣлый котъ. Немигающимъ зеленымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на яркій свѣтъ. Еле замѣтный шорохъ прошелъ по верхушкамъ сиреневыхъ кустовъ. Любимы руки безпомощно повисли вдоль стеклянной двери. Она обернулась къ комнатѣ.

— «Прости, Ника, я больше тебя объ этомъ спрашивать не буду».

Ея слова медленно закапали на каменный полъ. Сѣрые, подернутые дымкой глаза глядѣли съ укоромъ. Колобовъ быстро поднялся съ тахты. Усталости, скуки вдругъ какъ не бывало. Онъ ловко подошелъ къ ней сзади и схватилъ на руки, какъ ребенка. Она смѣясь, отбивалась. Но онъ держалъ ее крѣпко, покрывая поцѣлуями загорѣлыя руки, шею, грудь. Она перестала смѣяться. Было совсѣмъ тихо въ комнатѣ. Только нечаянно залетѣвшій съ балкона шмель однообразно жужжалъ, скользя внизъ и вверхъ по стеклу.

XI.

Въ широко раскрытое окно была видна солнечная сторона тихой воскресной улицы. Противоположный домъ, опустивъ желѣзныя вѣки, казалось, щурился, подставляя свой потрескавшійся фасадъ палящимъ солнечнымъ лучамъ. На балконахъ увядали пестрые цвѣты. Семенъ Павловичъ Лиховецкій безъ пиджака сидѣлъ за письменнымъ столомъ и усердно вклеивалъ марки въ альбомъ; поглощенный любимымъ занятіемъ, онъ не чувствовалъ жары. Вокругъ него было спокойно. На кровати за ширмой дремалъ толстый хозяйскій котъ. Газеты, старые иллюстрированные журналы, потрепанныя книжки безъ переплетовъ и альбомы для марокъ кучами валялись на комодѣ, на столѣ и даже на полу. Семенъ Павловичъ все свободное отъ дѣлъ время, а такового у него бывало не мало, проводилъ въ поискахъ дешевыхъ книжекъ, номеровъ старыхъ русскихъ довоенныхъ журналовъ и почтовыхъ марокъ для коллекціи. Это были его единственные интересы. Онъ жилъ одинъ, довольствуясь самымъ необходимымъ. Ни семьи, ни родственниковъ у него не было. Заработавъ на какомъ-нибудь комиссіонномъ дѣлѣ сотню, другую марокъ, онъ былъ доволенъ. Ничего не хотѣлъ слышать о дѣлахъ, бродилъ цѣлыми днями по антикварнымъ и книжнымъ лавкамъ, рылся въ кипахъ пожелтѣвшихъ запыленныхъ изданій, радуясь какъ ребенокъ, когда ему удавалось раздобыть за нѣсколько марокъ какую-нибудь повѣсть никому неизвѣстнаго автора XIX вѣка. Когда

же деньги приходили къ концу, онъ снова ходилъ по кафэ, искалъ знакомыхъ, простаивая часами на шумныхъ углахъ центральныхъ улицъ. Ему почти всегда везло. Онъ суетился, бѣгалъ отъ одного къ другому, уговаривая, убѣждая, торгуясь. Совершенно забрасывалъ на время свои книги и журналы. Наконецъ, дѣло дѣлалось, онъ получалъ свою часть и успокаивался до слѣдующаго раза. Злые языки утверждали, что у него гдѣ-то припрятана кругленькая сумма, но когда при немъ шутя объ этомъ упоминали, онъ усмѣхался добродушнымъ старческимъ смѣхомъ и отрицательно качалъ головой.

Въ упомянутое воскресенье Семенъ Павловичъ былъ всецѣло поглощенъ вклеиваніемъ новоприобрѣтенныхъ рѣдкихъ марокъ. Онъ недавно закончилъ удачное дѣльце продажи дома и радовался, какъ школьникъ, предстоящимъ каникуламъ. Часовъ около семи вечера, когда солнечный свѣтъ сталъ медленно уплывать наверхъ и одно за другимъ распахивались окна, короткій звонокъ у входной двери заставилъ Лиховецкаго подняться, надѣть пиджакъ и кряхтя пойти отворять. Хозяева были за городомъ и, будучи одинъ дома во всей квартирѣ, Семенъ Павловичъ осторожно пріоткрылъ дверь. На порогѣ стоялъ Николай Васильевичъ Колобовъ. Старикъ всплеснулъ руками.

— «Батенька, вотъ сюрпризъ. Ну заходите, заходите, милости просимъ. Какими это судьбами васъ занесло въ мою скромную обитель?»

Колобовъ устало опустился въ единственное кожаное кресло и провелъ платкомъ по разгоряченному лицу.

— «Какая жара, прямо невыносимо. Хорошо, должно быть, сегодня у моря въ какомъ-нибудь тамъ Остенде, что-ли; вѣтерочекъ свѣжій, загорѣлыя тѣла, dolce far niente. Или вотъ вспоминается, въ Россіи въ деревнѣ, въ жаркіе дни съ утра уходили мы съ братомъ на рѣчку, купались, валя-

лись на травѣ, гребли, рыбу ловили, а вечеромъ, когда приносили самоваръ, и мошки, кружась вокругъ лампы, покрывали скатерть черными трупиками, такъ сильно пахло за день нагрѣтымъ сѣномъ и хвоей, ромашкой и свѣжимъ огурцомъ. Какими ласковыми, какими манящими казались туманныя дали, въ испаренѣ тающія нивы. И вся жизнь, чудилось, одинъ длинный ароматный лѣтній день».

Семенъ Павловичъ съ укоризной посмотрѣлъ на своего посѣтителя.

— «Что съ вами, батенька? Въ воспоминанія ударились? Вы мнѣ совсѣмъ не нравитесь. Осунулись, похудѣли и въ глазахъ у васъ какой-то неспокойный огонекъ завелся. Мы съ вами давно не встрѣчались, около двухъ-трехъ недѣль, не правда-ли? Я васъ видѣлъ однажды, я переходилъ улицу, а вы стояли у автобусной остановки. Я окликнулъ васъ, но вы не слышали. Вы казались очень озабоченнымъ, даже удрученнымъ. Ну, я и рѣшилъ лучше не подходить къ вамъ».

Семенъ Павловичъ суетился возлѣ низкаго шкафчика, вынимая двѣ рюмки и бутылку самодѣльной вишневой наливки.

— «Вотъ попробуйте-ка, самъ дѣлалъ, лучше всякаго ликера ихъ нѣмецкаго».

Колобовъ отпилъ глотокъ и поставилъ рюмку рядомъ на письменный столъ. Онъ, дѣйствительно, былъ блѣденъ и выглядѣлъ плохо.

— «Семенъ Павловичъ, голубчикъ, у меня къ вамъ большая просьба».

Ему, какъ видно, было неловко. Пальцами правой руки онъ нервно забарабанилъ по ручкѣ кресла.

— «Дѣло въ томъ, что мнѣ необходима сотня-другая до будущаго мѣсяца». — Онъ прочистилъ горло и продолжалъ. — «Я задолжалъ одному важному лицу и обязательно долженъ отдать всѣ деньги надняхъ».

Семенъ Павловичъ молчалъ. Николай Васильевичъ неловко продолжалъ:

— «Я слышалъ, что вы удачно закончили одно дѣло, вотъ и подумалъ, Семенъ Павловичъ не откажетъ. Да вѣдь и не надолго, всего на одинъ мѣсяцъ».

Старикъ покачалъ головой

— «Вы вѣдь знаете, дорогой, какъ я къ вамъ отношусь. Я съ радостью готовъ помочь вамъ всѣмъ, чѣмъ только могу. Но не къ добру вы все это затѣяли. Простите уже меня, не къ добру все это. Какъ только я узналъ, что уѣхала Татьяна Александровна, сразу понялъ, что закрутила васъ какая-нибудь бабенка. Не сердитесь на меня за откровенность. Жаль мнѣ васъ и Татьяну Александровну жаль».

Колобовъ махнулъ рукой. Лицо его ничего не выражало.

— «Вы, можетъ быть, правы, Семенъ Павловичъ, но теперь поздно. Вы угадали. Меня, какъ вы изволили выразиться, окрутила бабенка». — Онъ криво усмѣхнулся, — «Но теперь поздно. Безъ нея я пропалъ. Уже если на то пошло, то я вамъ лучше всю правду скажу. Деньги мнѣ нужны не для уплаты долга, а для того, чтобы уѣхать съ нею на двѣ недѣли къ морю. Она такъ мечтаетъ объ этомъ. Я обѣщалъ ей».

Семенъ Павловичъ положилъ свою крѣпкую жилистую руку Колобову на колѣни.

— «Николай Васильевичъ, дорогой, опомнитесь. Вы всегда хвастали тѣмъ, что никогда никому не должали, а теперь просите у меня нѣсколько сотъ марокъ и для чего? Для того, чтобы удовлетворить капризъ какой-то женщины. А вы подумали о томъ, что будетъ дальше? Чѣмъ вы уплотите вашъ долгъ? Возьмете авансъ на службѣ, а если не дадутъ? Кромѣ того, только начало трудно. Она не ограничится поѣздкой на взморье. Скоро появятся другія потребности, платья, мѣха, театры, рестораны. Вы не сумѣете отказать ей».

— «Откуда вы возьмете деньги? Я все это говорю вамъ, какъ другъ, мнѣ не жаль двухсотъ марокъ, мнѣ васъ жаль, дорогой мой. Вамъ уже не двадцать пять лѣтъ. Въ вашемъ возрастѣ опасно такъ увлекаться. Опомнитесь, пока не поздно».

Колобовъ выпрямился въ креслѣ. Знакомое чувство — смѣсь стыда и злобы — вспыхнуло въ немъ.

— «Я, конечно, очень цѣню ваши дружескіе совѣты, дорогой Семенъ Павловичъ, и благодаренъ вамъ за нихъ, но все это не такъ уже страшно, какъ вамъ кажется. Ну что же въ томъ, если я полюбилъ молодую женщину, вѣдь не такъ уже я старъ».

Онъ попробовалъ улыбнуться, но безсильная злоба искривила улыбку. Лиховецкій пожалъ плечами.

— «Какъ знаете, только не хорошо все это, очень не хорошо. Татьяну Александровну вы не должны были отпускать».

Николай Васильевичъ нетерпѣливо всталъ и заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

—«Она же сама все время стремилась обратно. Ей здѣшняя жизнь была не по душѣ. Она обрадовалась поводу покинуть меня».

Онъ остановился. Лѣтнія сумерки незамѣтно струились черезъ окно. Его голосъ вдругъ зазвучалъ заглушенно, точно издалека.

—«Что это была за жизнь у насъ съ Таней. Въ первую минуту дико обрадовались другъ другу. Послѣ девяти лѣтъ разлуки все казалось по старому. Но скоро, очень скоро я замѣтилъ, какъ она измѣнилась. Стала скрытной, чужой, враждебной. Она бы все равно уѣхала, не выдержала бы здѣсь на «затхломъ Западѣ» съ мужемъ мѣщаниномъ. Подмѣнили мнѣ тамъ мою Таню».

Онъ замолкъ и черезъ нѣсколько мгновеній продолжалъ еще тише:

— «Если бы не все это, я никогда бы не ушелъ отъ нея. Только понявъ, что я потерялъ ее навѣки, почувствовавъ безъ нея ужасную, зіяющую пустоту, я

бросился искать помощи. И нашелъ, или, кажется мнѣ, что нашелъ убѣжище въ маленькой женщинѣ со свѣтлыми глазами».

Сумерки овладѣли комнатой. Кто - то на улицѣ шелъ, посвистывая. У сосѣдей заиграло радіо; громкоговоритель отчетливо цѣдилъ звуки рояля; играли Шопеновское скерцо. Собесѣдники молчали. Семенъ Павловичъ прошелся два раза по комнатѣ и остановился передъ окномъ. Въ лицо ему пахнуло разогрѣтымъ асфальтомъ и теплымъ сѣномъ, слабымъ отголоскомъ далекихъ луговъ. Узорчатыя тѣни листьевъ шевелились, какъ щупальцы, на блестящихъ плитахъ троттуара. Простоявъ съ минуту, Лиховецкій вдругъ порывисто обернулся, выдвинулъ лѣвый ящикъ письменнаго стола, порылся въ немъ и, подойдя вплотную ко все еще неподвижно стоящему Колобову, сунулъ ему въ руку три скомканныхъ стомарковыхъ билета.

XII.

Чайки, ослѣпительно бѣлыя въ блѣдномъ отъ жары небѣ, носились надъ моремъ громадными стаями. Ихъ было особенно много въ это лѣто. Рыбаки говорили, что давно не видали такого количества чаекъ. Ихъ пронзительный визгъ доносился вмѣстѣ съ шумомъ прибоя, свистками моторныхъ лодокъ и воемъ сиренъ изъ близкой гавани. Онѣ покачивались на гребняхъ волнъ, на мачтахъ парусниковъ, неуклюже ковыляли по палубѣ остроносыхъ пароходовъ, уходящихъ въ открытое море. Онѣ до того осмѣлѣли, что залетали въ комнаты, неловко ударяясь объ оконныя рамы и, съ хрустящимъ шорохомъ побившись у потолка, вылетали, сверкая плавными крыльями. Въ началѣ августа погода стояла жаркая и вѣтреная. Море щетинилось безпокойной рябью. Днемъ оно мурлыкало, какъ согрѣтый, обласканный котъ. Ночью же мурлыканье переходило въ ревъ голоднаго звѣря. Черныя тучи мчались по небу, какъ всклокоченныя лохмы волосъ. Зеленоватый свѣтъ луны нырялъ между ними, вспыхивалъ и гаснулъ. Вѣтеръ цѣплялся гигантскими крыльями за плохо закрытыя ставни, за верхушки скрипучихъ сосенъ, шуршалъ въ колючей травѣ и косилъ головки раннихъ астръ. Къ утру наступало затишье. Море пятилось, ворча, въ свою берлогу. Появлялось солнце, освѣщая за ночь сбитыя головки цвѣтовъ, помятую траву и холмики песка, нанесенные вѣтромъ. Маленькій приморскій городокъ, въ которомъ поселились Николай Васильевичъ и Лю-

ба, состоялъ изъ вокзала, почты, аптеки, одного отеля, двухъ-трехъ пансіоновъ и нѣсколькихъ бѣлыхъ домиковъ съ горшками геранiй и зелеными ставнями, въ которыхъ жили семьи рыбаковъ, почтовый чиновникъ, аптекарь и сельскій учитель.

Николай Васильевичъ долго колебался между заманчивыми именами модныхъ курортовъ, но послѣ тщательныхъ расчетовъ въ концѣ остановился на скромной рыбацкой деревушкѣ, лежащей невдалекѣ отъ большого порта. Люба сперва была недовольна его выборомъ, даже дулась немного, но уже въ поѣздѣ, увидавъ безбрежную синюю долину моря и почувствовавъ на губахъ острый освѣжающій вкусъ соли, она зарадовалась какъ ребенокъ и бросилась обнимать своего спутника. Колобовъ былъ счастливъ ея радостью. Они сняли комнату съ полнымъ пансіономъ у аптекаря. Frau Apotheker Schulze, привѣтливая, сдобная, какъ знаменитый «штройзелькухенъ», который удавался ей на славу, утромъ приносила имъ кофе къ постели съ аппетитно намазанными свѣжими булочками и пѣнящимися сливками. Пока они завтракали, она открывала ставни, сразу впуская въ комнату солнечныя брызги и свѣтотѣни, шумъ близкаго прибоя, паровозные гудки и веселые крики купающихся. Frau Apotheker хорошо относилась къ своимъ жильцамъ, ухаживала за ними, стлала имъ туго накрахмаленное бѣлье, пахнущее верескомъ, готовила лакомыя блюда и по воскресеньямъ угощала своей спеціальностью — румянымъ, тающимъ во рту «штройзелькухеномъ». По вечерамъ романтическая душа Frau Apotheker заставляла ее ходить на цыпочкахъ, говорить шопотомъ, чтобы не мѣшать «молодоженамъ», которые сидѣли на узкомъ балконѣ за горшками темнѣющей герани. Самъ аптекарь къ своимъ жильцамъ относился далеко не такъ довѣрчиво, какъ его жена. Онъ даже однажды высказалъ сомнѣніе по поводу ихъ женатаго положенія. Но аптекарша замахала на него руками:

— «Ну что ты, Фрицъ, какъ можно. Такой воспитанный господинъ и такая очаровательная kleine Frau. А то, что они часто цѣлуются, такъ это же въ порядкѣ вещей. Развѣ ты забылъ, что было двадцать лѣтъ тому назадъ послѣ нашей свадьбы? Ахъ, Фрицъ!»

И съ томной улыбкой краснѣющая Frau Apotheker посмотрѣла на своего плотнаго супруга.

Люба была счастлива. Она чувствовала себя школьницей, вырвавшейся на свободу; она пѣла, прыгала, бѣгала по пляжу въ купальномъ костюмѣ и, задыхаясь отъ жары и отъ радости, падала навзничь на горячій ласкающій песокъ, лежала неподвижно съ бьющимся сердцемъ и съ блаженной улыбкой на губахъ. Она загорѣла, волосы немного выцвѣли; глаза казались еще свѣтлѣе, точно аквамаринъ. Она даже немного пополнѣла; плечи округлились, на локтяхъ появились ямочки. Николай Васильевичъ не могъ налюбоваться ею. Онъ самъ тоже загорѣлъ, отдохнулъ и поправился. Но часто на него находили минуты сомнѣній. Тогда цѣпкія мысли овладѣвали имъ и онъ искалъ уединенія. Онъ уходилъ въ дюны отъ Любинаго смѣха, отъ ея слишкомъ рѣзвой болтовни. Пробродивъ одинъ по песчанымъ вѣчно движущимся холмамъ, борясь съ упругимъ вѣтромъ, онъ возвращался успокоенный. Здоровая усталость пріятно сковывала члены. Хотѣлось ѣсть и хотѣлось отдыхать въ старой качалкѣ на балкончикѣ съ геранью. И опять тянуло его къ Любиному голосу и къ солнцу въ ея глазахъ. Люба вначалѣ удивлялась, сердилась, не вѣрила, что онъ уходитъ въ дюны потому, что нуждается въ одиночествѣ. Но мало по малу привыкла къ Никинымъ причудамъ и встрѣчала его всегда одинаково ласково и весело.

Однажды утромъ они лежали на пляжѣ въ купальныхъ костюмахъ. Солнце кололо глаза. Было душно, будто передъ грозой. Вѣтра не было. Море лѣниво морщилось на солнцѣ. Далекій парусъ висѣлъ на

горизонтѣ, какъ мертвое крыло. Чайки стаями проносились надъ головой. Двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, совершенно голые, двѣ бронзовыя статуэтки, копали яму недалеко отъ Николая Васильевича. Они оживленно болтали между собою. Вдругъ женскій голосъ позвалъ: «Inge, Kurt, kommt her schnell». Они побрасали лопаты и помчались на зовъ. Николай Васильевичъ въ полудремѣ слѣдилъ за ними. Имъ навстрѣчу шла женщина лѣтъ тридцати пяти, вѣрно ихъ мать. Она была довольно стройная, съ прямымъ проборомъ въ темно - русыхъ волосахъ. Что-то въ ней такъ напомнило Колобову Таню, что у него сердце сжалось, и онъ невольно приподнялся на локтѣ, чтобы лучше увидѣть ее. Глаза у женщины были сѣрые съ зеленоватымъ отливомъ, совсѣмъ непохожіе на каріе глаза его жены. Но ихъ выраженіе страшно напоминало ее. Та же покорность, та же спокойная увѣренность. Давъ дѣтямъ каждому по яблоку и по булочкѣ съ ветчиной, нѣжно поцѣловавъ ихъ, женщина ушла ровной, красивой походкой, а дѣти вернулись къ своимъ лопаткамъ. Николай Васильевичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ уходящей женщинѣ; и долго еще его мысли провожали ее.

Утекали дни, всякіе, солнечные, вѣтренные, дождливые. Отпускъ Николая Васильевича близился къ концу. Люба загрустила. Она часто сидѣла молча, уставившись въ одну точку, и нерѣдко по вечерамъ плакала. Колобовъ же становился все разсѣяннѣе, чѣмъ ближе подходилъ день отъѣзда. Внутреннее безпокойство гнало его по пустѣющему пляжу, по дюнамъ, въ далекій сосновый лѣсъ. Иногда онъ совсѣмъ не замѣчалъ Любы, забывалъ о ней. Часами не говорилъ съ нею. Сперва она возмущалась его поведеніемъ, потомъ стала безпокоиться за его здоровье. Даму съ дѣтьми, которая такъ напоминала ему жену, Колобовъ видѣлъ еще нѣсколько разъ на пляжѣ, и съ каждымъ разомъ сердце его сжималось больнѣе при видѣ ея спокойныхъ глазъ и прямого пробора. Потомъ она

исчезла, вѣрно, уѣхала. Онъ мчался по пляжу, по узкимъ уличкамъ городка, надѣясь гдѣ-нибудь встрѣтить ее. Но тщетны были его поиски.

Наступила полоса дождей. Стало скучно въ приморскомъ городкѣ. Пляжъ пустѣлъ. Море затянулось сѣрой паутиной мелкихъ капель. На балконѣ аптекаря за горшками отцвѣтающей герани Николай Васильевичъ и Люба цѣлыми днями играли въ карты. Колобовъ не любилъ карточной игры, но Любѣ было скучно. Къ чтенію у нея не хватало терпѣнія, разговаривать было не о чемъ. Люба поминутно бранила Николая Васильевича за невниманіе. Ему было трудно сосредоточиться. Все лѣзли въ голову разныя мысли: о деньгахъ, которыя онъ долженъ Лиховецкому, — что если не дадутъ ему аванса? Чѣмъ уплатитъ онъ долгъ свой? Конечно, Семенъ Павловичъ можетъ и подождать, но онъ принципіально не хочетъ задерживать этихъ денегъ послѣ всего того, что наговорилъ ему старикъ. Затѣмъ назойливыя мысли о Танѣ, разбуженныя той женщиной, которая такъ напомнила ему ее. Онъ долженъ написать ей насчетъ развода, Люба настаиваетъ на этомъ. Люба — онъ взглянулъ на сидящую напротивъ него молодую женщину. Она вся поглощена картами. Отъ усиленной думы поперечная складка легла между ниточками бровей. Губы тѣсно сжаты. Рѣсницы трепещутъ надъ свѣтлой щелью глазъ. «Красивая, но чужая» — проносится въ Колобовѣ мысль. Чужая. Когда онъ разсказываетъ ей о Россіи, о своей молодости, о родныхъ мѣстахъ, съ которыми связаны всѣ его самыя дорогія воспоминанія, она всегда старается перемѣнить разговоръ. «Зачѣмъ — говоритъ она смѣясь — вспоминать о томъ, что нельзя вернуть? Надо устраивать свою жизнь сызнова на чужбинѣ, какъ можно прочнѣе. Я вотъ себя отлично чувствую въ Германіи. И если бы еще хорошій заработокъ, то была бы совсѣмъ довольна». Она не скучаетъ по Россіи, она приспособилась. Глаза ея тоскующіе лгутъ. Чужая. Иногда онъ удивляется ея присут-

ствію. Кто она, эта маленькая, рѣзвая женщина? Зачѣмъ она съ нимъ? А ночью, когда море затягиваетъ свою однообразную кантату, и холодный лунный свѣтъ лежитъ, какъ зеркало, на полу старомодной комнатки, цѣпь ея загорѣлыхъ рукъ мучительно сладко вьется вокругъ его шеи. Тогда она нужна ему. Тогда ея руки, и губы, и тѣло не чужія.

— «Ника, опять ошибся, ну что это съ тобой? Ты просто невозможный сталъ».

Любинъ раздраженный голосъ вывелъ его изъ раздумья. Какъ онъ обманчивъ, этотъ голосъ. Бархатно-ласково звучитъ онъ въ пѣснѣ, безконечной тоской дышетъ, вздыхаетъ и плачетъ, какъ осенній вѣтеръ. Она смотритъ на него, сдвинувъ тонкія брови.

— «Что съ тобой, Ника? Ты разсѣянъ, недоволенъ чѣмъ-то. Часами молчишь или бродишь одинъ подъ дождемъ. Я, въ концѣ концовъ, кажется, имѣю право узнать, что съ тобой?»

Онъ пожалъ плечами.

— «Ничего особеннаго. Просто немного разнервничался отъ того, что скоро надо въ Берлинъ возвращаться и начать поиски денегъ для уплаты долга».

— «Все это не такъ страшно, твой пріятель подождетъ. Вѣдь тебѣ же директоръ обѣщалъ прибавку къ осени. Возьмешь авансъ, вотъ и все».

Николай Васильевичъ улыбнулся.

— «Нѣтъ, Любинька, это не такъ уже просто, какъ ты думаешь. Аванса могутъ не дать, а я не могу задерживать этихъ денегъ. Понимаешь, я долженъ уплатить Лиховецкому, какъ обѣщалъ».

Люба нетерпѣливо бросила карты на столъ.

— «Ника, ты мнѣ не всю правду говоришь. У тебя плохое настроеніе не только изъ-за денегъ. Тутъ еще другая причина. Скажи уже лучше сразу, что виновата я, что я тебѣ надоѣла, что тебѣ скучно со мной».

У нея задрожала нижняя губа, какъ у ребенка, который собирается заплакать. Николаю Васильевичу

стало жаль ея, но въ жалость вкрался оттѣнокъ легкаго раздраженія. Онъ старался ее успокоить.

— «Да что ты, Любинька, ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю, какъ мнѣ было бы тяжело безъ тебя».

Его голосъ звучалъ не очень убѣдительно. Онъ ласково положилъ свою руку на обнаженный локоть молодой женщины, въ его глазахъ отражалась сѣрая, скучная пелена дождя. Люба рѣзко отдернула свою руку. Въ голосѣ ея звенѣли сдержанныя слезы.

— «Нѣтъ, ты меня не любишь, во всякомъ случаѣ не такъ любишь, какъ я тебя. Если дѣйствительно любилъ бы, то давно написалъ бы женѣ насчетъ развода. Ты вѣдь обѣщалъ мнѣ, давно обѣщалъ. Неужели ты забылъ тотъ день, когда ты сказалъ мнѣ, что свободенъ и счастливъ, что сможешь назвать меня своей маленькой женой».

По мѣрѣ того, какъ Люба говорила, мысли Николая Васильевича уходили все дальше и дальше. Въ его душѣ становилось пусто и холодно. Любины слова доходили до него издалека, какъ будто сказанныя по телефону съ другого конца земли. Онъ смутно сознавалъ, что долженъ что-то сдѣлать, успокоить ее, но не могъ. Знакомая тягучая усталость мѣшала ему. Слезы наполнили темнѣющіе аквамарины Любиныхъ глазъ, и ничѣмъ неудержимыя, потекли тяжелыми каплями вдоль ея смуглыхъ щекъ.

— «Ты думаешь о своей женѣ, ты все еще любишь ее. Тебѣ жаль, что она уѣхала. Меня ты никогда не любилъ. Такъ, увлекся мною; тебѣ понравились мои пѣсни, тебѣ нужно мое тѣло, мои ласки. Женщину нельзя обмануть. Она чувствуетъ всѣ оттѣнки до мельчайшихъ подробностей».

Вмѣсто того, чтобы успокоить, приласкать ее, Колобовъ всталъ, молча взялъ шляпу и молча ушелъ въ однообразіе накрапывающаго дождя. Люба рыдала, положивъ руки на столъ и спрятавъ въ нихъ горящее лицо.

XIII.

Свѣтъ маленькой стоячей лампы, смягченный голубоватымъ абажуромъ, бросалъ лунные блики на бархатную скатерть и на склоненную сѣдую голову Ольги Петровны. Она вышивала золотымъ биссеромъ по зеленому шелку. Отъ времени до времени она поднимала напряженные отъ мелкой работы глаза за старомодными стеклами пенснэ на стоящіе на комодѣ часы. Стрѣлка побольше подползала къ римской цифрѣ шесть, маленькая застыла между одиннадцатью и двѣнадцтью. Скоро полночь. Въ пансіонѣ всѣ уже спали. За окномъ мирно накрапывалъ дождь. Руки Ольги Петровны ловко вдѣвали биссеринки на иголку и быстро продѣвали сю блестящій точно лакированный лоскутъ зеленаго шелка. На улицѣ съ невыносимымъ скрипомъ затормозилъ автомобиль. Кандинская вздрогнула и положила работу на столъ, прислушиваясь. Автомобиль, постоявъ немного, съ тонкимъ шипѣніемъ двинулся дальше. Дождь пошелъ сильнѣе. Постукиваніе капель о внѣшній подоконникъ стало явственнѣе, заглушая всѣ остальные звуки. Ольга Петровна встала и прошлась по комнатѣ. У нея затекли ноги отъ долгаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ. Мимоходомъ она поправила наволочку на кровати, придвинула стулъ и сдунула пылинку съ тёмной рамки, изъ которой улыбался ей бойкій черномазый юноша, ея сынъ. Вернувшись къ столу, она аккуратно сложила работу, завернула въ шелковую бумагу и положила въ верхній ящикъ комода. Затѣмъ, вынувъ изъ

другого ящика письмо, сѣла въ удобное кресло, подвинула къ себѣ лампу и принялась читать. Письмо было отъ Татьяны Александровны Колобовой изъ далекаго русскаго городка. Переворачивая страницу, исписанную мелкимъ отчетливымъ почеркомъ, Кандинская покачала головой.

«. . . Я, конечно, рада, что я снова среди своихъ друзей у любимаго дѣла, — писала Таня — но мысль о мужѣ не даетъ мнѣ покоя. Можетъ быть, я не имѣла права бросить его и уѣхать. Возможно, что я должна была быть терпѣливѣе и больше заботиться о немъ. Столько лѣтъ вѣдь прожили мы душа въ душу; это такъ скоро не забывается. Прошу васъ, дорогая Ольга Петровна, напишите мнѣ, какъ онъ, здоровъ ли, вспоминаетъ ли иногда обо мнѣ...»

Мягко хрустнула перевернутая страница. Послѣднія слова, почудилось Кандинской, прозвенѣли въ ночной комнатѣ, какъ будто произнесенныя ласковымъ голосомъ самой Татьяны Алексапдровны. Дальше Колобова писала о своей работѣ, о сослуживцахъ и въ самомъ концѣ, какъ бы вскользь, упомянула о «той женщинѣ», спрашивая, не слыхала ли Ольга Петровна о ней, объ отношеніяхъ къ ней Николая Васильевича. Кончивъ читать, Ольга Петровна задумалась. Это было первое письмо, полученное ею отъ Татьяны Александровны. Было ясно, что Колобова, мучимая мыслями о мужѣ, не зная, къ кому обратиться, написала именно ей, вспомнивъ ея доброе отношеніе къ себѣ, ея искреннее огорченіе по поводу всего случившагося между супругами. Ольга Петровна не одобряла поспѣшнаго отъѣзда Тани, хотя отчасти понимала и жалѣла ее. Когда Колобовъ остался одинъ, она стала избѣгать встрѣчъ съ нимъ, она боялась, что онъ станетъ распространяться объ отъѣздѣ жены, о причинахъ, заставившихъ ее покинуть его. И ей, Ольгѣ Петровнѣ, придется занять опредѣленную позицію, за или противъ, а она, много переживъ и многое понявъ на своемъ вѣку, жалѣла и понимала ихъ обоихъ.

Было далеко за полночь, когда Колобовъ вернулся домой. Услыхавъ его осторожные шаги въ корридорѣ, Ольга Петровна пріоткрыла свою дверь и шепотомъ окликнула его. Его лицо показалось ей растерянным въ полутьмѣ. Она попросила его зайти къ ней на минуту, добавивъ:

— «У меня для васъ новости, Николай Васильевичъ».

Онъ зашелъ какъ-то бокомъ и смущенно сѣлъ въ кресло, придвинутое ему Ольгой Петровной. Она усѣлась напротивъ него на низкомъ диванчикѣ.

—«Я получила письмо отъ Татьяны Александровны» — медленно сказала она, пристально глядя на него. Онъ встрепенулся. Его глаза, разсѣянно блуждавшіе по комнатѣ, съ тревогой, но и съ радостнымъ ожиданіемъ остановились на привѣтливо - серьезномъ лицѣ старой женщины. Она надѣла очки и взялась за письмо. Дойдя до словъ: «. . . можетъ быть, я не имѣла права бросить его и уѣхать», Ольга Петровна взглянула на Колобова. Онъ внимательно разглядывалъ носки своихъ ботинокъ. Отъ нервнаго тика вздрагивалъ мизинецъ его лѣвой руки, покоившейся на ручкѣ кресла. Кончивъ читать, Ольга Петровна сняла очки, спрятала письмо въ конвертъ и послѣ короткаго, ничѣмъ ненарушаемаго молчанія спросила:

— «Такъ что же мнѣ ей отвѣтить? Можетъ быть, вы сами припишите нѣсколько словъ? Только о томъ, что вы здоровы и вспоминаете о ней».

— «Я не могу, поймите меня, я не могу писать ей», — слова, казалось, жгли ему горло, — «о чемъ я могъ бы ей писать? У меня только два выхода: бросить все здѣсь и поѣхать къ ней туда, окончательно забыть обо всемъ, что было и начать строить новую жизнь; или просить у нея разводъ, жениться на той и опять все забыть и все начать сначала. А забыть я ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ не могу. Вотъ и приходится болтаться такъ, между небомъ и землей. Отъ однихъ отсталъ, къ другимъ не присталъ».

Онъ покрылъ лицо руками. Лѣвый мизинецъ судорожно вздрагивалъ, какъ самостоятельное живое существо. Ольгѣ Петровнѣ стало мучительно жаль его. Въ ея добрыхъ глазахъ заблестѣли слезы. Она наклонилась и провела нѣсколько разъ материнской рукой по его сѣдѣющимъ волосамъ.

— «Всѣ мы такъ, Николай Васильевичъ, дорогой, всѣ мы болтаемся, какъ отпущенные на волю дѣтскіе воздушные шары, между небомъ и землей. Всѣ мы должны забыть о томъ, что было, и начать новую жизнь либо тамъ, либо здѣсь. Но не всѣмъ это дано. Одни приспосабливаются скорѣе, другіе медленнѣе. Есть и такіе, которые никогда не приспосабливаются и бродятъ чужими, ненужными, среди людей до самаго конца».

Она глубоко вздохнула, выпрямилась и продолжала ободряюще:

— «Но вы, вѣдь, человѣкъ еще молодой, Николай Васильевичъ. Вамъ грѣшно такъ унывать. Кто знаетъ, можетъ быть, понадобитесь тамъ, доживете. Надо быть сильнымъ и надо вѣрить. Ничего невозможнаго нѣтъ на свѣтѣ».

Николай Васильевичъ безнадежно передернулъ плечами. Отъ голубоватого луннаго свѣта лампы его лицо казалось землисто - сѣрымъ. Глубокая складка пересѣкла высокій лобъ и множество тонкихъ морщинъ подчеркивало усталость глазъ. Руки Ольги Петровны, сложенныя на старческихъ колѣняхъ, казались увядшими, пожелтѣвшими, водяными лиліями. Дождь за окномъ утихалъ.

XIV.

Былъ тихій теплый сентябрьскій вечеръ. Одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда осень въ закатные часы почти принимаетъ краски и очертанія весны. Но это сходство только поверхностное. Если присмотрѣться, вдохнуть, можно сразу найти разницу. Воздухъ весной не бываетъ такой, какъ осенью, такой легкій, опьяняющій, точно яблочное вино. И небо особенное, не весеннее: странно спокойное, мудрое. Въ такой вечеръ, должно быть, хорошо въ лѣсу. Пахнетъ сырымъ мхомъ и грибами. На черныхъ сосновыхъ вѣткахъ расцвѣтаютъ зеленоватыя звѣзды. Паутинныя нити невидимо рѣютъ въ воздухѣ и цѣпляются за что попало. Неторопливо шуршитъ осень въ лѣсу. Въ городѣ все, какъ обычно: шумно, дымно и людно. Только надъ крышами утихшее небо; въ немъ иногда сверкнетъ огненной стрѣлой и исчезнетъ во тьмѣ падучая звѣзда.

Было около половины девятаго вечера, когда Николай Васильевичъ Колобовъ вышелъ изъ дому, направляясь къ Любѣ. Онъ шелъ медленно, часто останавливался у освѣщенныхъ витринъ, оглядывая совершенно ненужные ему предметы. Передъ магазиномъ фотографическихъ принадлежностей онъ простоялъ добрыхъ десять минутъ, внимательно осматривая выставленные тамъ аппараты, пленки и увеличительныя стекла. Затѣмъ, всунувъ руки глубоко въ карманы легкаго пальто, онъ двинулся дальше. Ему страшно не хотѣлось идти къ Любѣ. Настроеніе было прескверное. Изъ занятыхъ трехсотъ марокъ онъ

сумѣлъ отдать Лиховецкому только половину. Аванса дали всего сто марокъ. Главный директоръ все еще въ отъѣздѣ, а безъ него управляющій не имѣлъ права выдавать больше. Семенъ Павловичъ, конечно, согласился ждать, ему сейчасъ эти деньги не нужны; онъ недавно опять закончилъ одно дѣло и нынче всецѣло поглощенъ поисками какой-то рѣдкой брошюры. Но Колобову это очень непріятно. Онъ не привыкъ задерживать чужихъ денегъ. Кромѣ того, его разстроило Танино письмо къ Ольгѣ Петровнѣ. Она написала, просила сообщить о немъ, о его дѣлахъ, о здоровьи, — значитъ, вспоминаетъ и жалѣетъ, что бросила, что уѣхала. Вначалѣ онъ рѣшилъ отвѣтить ей самъ, объяснить письменно то, чего не могъ сказать ей лично, просить у нея прощенія, умолять ее вернуться къ нему. И тутъ же онъ твердо рѣшилъ разстаться съ Любой. Онъ не любитъ, никогда не любилъ ея. Это было только увлеченіе, вспышка. Онъ сумѣетъ освободиться отъ ея власти надъ нимъ, власти ея тѣла, ея голоса, ея тоскующихъ притворяющихся глазъ. Ни ей, ни ему ихъ связь радости не приноситъ. За послѣднія недѣли они почти каждый день ссорятся. Люба плачетъ, онъ раздраженно ходитъ по комнатѣ. Ему скучно и противно. И вдругъ какое-нибудь ея невольное движеніе зажигаетъ въ немъ дикую жажду. Онъ виновато начинаетъ цѣловать ея ладони. Она сперва отворачивается отъ него, но потомъ, зараженная его желаніемъ, все больше отдается его ласкамъ. Текутъ мгновенія. Онъ забываетъ обо всемъ. Душа его летитъ куда-то, гдѣ вертятся однѣ изступленныя свѣтила. Опять протекаютъ мгновенія, и онъ уходитъ отъ нея. Внутри холодный пепелъ и жалящій стыдъ. И на завтра все то же. Если Таня проститъ его, вернется къ нему, у него хватитъ энергіи покончить со всѣмъ этимъ разъ на всегда. Но вернется ли она? Вѣдь у нея тамъ свои интересы, своя отвѣтственная работа. А что, если она предложитъ ему пріѣхать къ ней, выхлопотать для него разрѣше-

ніе на въѣздъ въ совѣтскую Россію, достать ему мѣсто, устроить его тамъ, гдѣ все ему непонятно и ненавистно. Господи, нѣтъ, этого онъ не можетъ, никогда.

Занятый своими мыслями, Николай Васильевичъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до дома, гдѣ жила Люба. Увидавъ знакомый фасадъ съ узкимъ садикомъ, въ которомъ лиловѣли пышныя астры, онъ остановился. Онъ вдругъ почувствовалъ, что не можетъ сейчасъ видѣть Любу, не можетъ и не хочетъ повторить ежедневную сцену слезъ и примиренія. Рѣшившись, онъ поспѣшно пересѣкъ улицу и зашелъ въ кондитерскую позвонить по телефону. Отъ Любинаго голоса повѣяло на него знакомой скукой. Онъ равнодушно сказалъ ей, что еще находится въ конторѣ, что у него срочное дѣло и онъ вернется очень поздно. Люба просила его придти въ любое время. Она будетъ ждать его съ ужиномъ. Она такъ одинока цѣлый день безъ него. Онъ рѣшительно заявилъ, что не можетъ, обѣщалъ позвонить завтра и, не дослушавъ Любиныхъ полуразочарованныхъ, полуупрекающихъ словъ, положилъ трубку. На душѣ стало легко. Барышня за прилавкомъ, которой онъ вручилъ двадцать пфенниговъ за разговоръ, привѣтливо улыбнулась ему. Онъ вышелъ изъ кондитерской, какъ человѣкъ, только что принявшій освѣжающую ванну. Ярко освѣщенный циферблатъ часовъ надъ газетнымъ кіоскомъ остановилъ его вниманіе. Было пять минутъ десятаго. Онъ свободенъ, весь вечеръ передъ нимъ. Медленно, наслаждаясь осеннимъ воздухомъ, Николай Васильевичъ завернулъ на одну изъ многолюдныхъ улицъ западной части Берлина. Онъ шелъ быстро и легко. Такъ идетъ, должно быть, ученикъ, которому отсрочили экзаменъ. Будь что будетъ завтра, сегодняшній вечеръ принадлежитъ ему всецѣло. Ему казалось, что встрѣчныя женщины улыбались ему съ видомъ сообщницъ. Даже какая-то собака завиляла хвостомъ и потерлась о его колѣни. Онъ снова чувствовалъ себя молодымъ и крѣпкимъ.

Террасы кафэ и фасады кино заманивали прохожихъ разноцвѣтными рекламными огнями. Колобову понравилась свѣтовая надпись, голубая какъ Средиземное море, надъ входомъ одного изъ кино. Онъ купилъ билетъ въ десятомъ ряду и вошелъ вмѣстѣ съ толпой въ темнѣющій залъ. Низкое, удобное кресло гостепріимно приняло его. Билетерша въ оранжевомъ бархатномъ платьѣ подъ цвѣтъ обоевъ и занавѣса, указавшая ему мѣсто, благоухала цвѣточнымъ одеколономъ. Погасли послѣднія лампы по сторонамъ и на широкомъ экранѣ замигала реклама автомобильныхъ шинъ. Залъ былъ довольно полонъ. Свѣтовой клинъ, упирающійся въ экранъ, мимоходомъ задѣвалъ двѣ-три лысины, обнявшуюся парочку, стриженный затылокъ. Было тихо. Оркестра не было, такъ какъ главная картина была звуковая. Разговоры велись шепотомъ, нѣмцы не любятъ, когда громко говорятъ въ кино. Колобовъ отдыхалъ. Онъ ни о чемъ не думалъ. Его занимали быстро пролетающіе снимки недѣльнаго обозрѣнія. Гоночныя лодки съ бѣлыми гребцами мчались по длиннымъ рѣкамъ. Въ воздухѣ кувыркались аэропланы, на мигъ появлялась энергичная маска Муссолини съ протянутой для привѣтствія рукой, тушили пожары, погибали пароходы и въ концѣ концовъ показали послѣднія модели парижскихъ домовъ на худощавыхъ, какъ вобла, манекеншахъ съ искусственными рѣсницами и черными лоснящимися губами. Затѣмъ шла видовая. Передъ зрителями протянулись рощи кипарисовъ и пиній, засверкало въ лунныхъ переливахъ итальянское море и ловконогіе ослики взбирались по крутымъ горнымъ тропинкамъ. Послѣ видовой вспыхнулъ матовый свѣтъ въ плоскихъ люстрахъ. Съ тихимъ осеннимъ шелестомъ развернулся оранжевый занавѣсъ и въ проходахъ замелькали юбки барышенъ, предлагающихъ шеколадъ, мятныя конфекты и липкія палочки глазированныхъ орѣховъ.

Николай Васильевичъ оглядывалъ публику. По большей части — тупыя будничныя лица. Справа,

рядомъ съ нимъ, сидѣлъ мужчина неопредѣленнаго возраста въ очень ветхомъ сѣромъ пиджакѣ и синихъ брюкахъ. На колѣняхъ онъ держалъ помятую шляпу. Маленькіе неопрятные усы скрывали выраженіе рта. Воспаленные глаза безъ рѣсницъ пристально глядѣли на Колобова. Николаю Васильевичу стало жутко отъ этого взгляда; онъ отвернулся. Съ лѣвой стороны было одно свободное кресло. Когда снова стемнѣло въ залѣ и зазвучали протяжныя завыванія саксофоновъ точно изъ подземелья, онъ пересѣлъ въ него. Картина была, какъ и большинство нынѣшнихъ звуковыхъ фильмъ, изъ жизни веселой, беззаботной Вѣны. Казалось, тамъ люди цѣлыми днями только и дѣлаютъ, что танцуютъ вальсъ подъ звуки скрипокъ, цѣлуются, пьютъ легкое вино и кофе со множествомъ стакановъ воды, а въ концѣ женятся и размножаются. Артистка, играющая главную роль, миловидная блондинка съ аршинными глазами, говорила хриплымъ басомъ стараго матроса, а пѣла тоненькимъ фальцетомъ, похожимъ на гудѣніе комара. Каждый разъ, когда она въ упоительномъ вальсѣ легко и граціозно уносилась въ объятіяхъ своего избранника, фильмъ издавалъ звуки, подобные полку солдатъ, проходящему по каменному полу. Николай Васильевичъ улыбался. Ему было пріятно, что онъ сидитъ въ удобномъ креслѣ, что кругомъ чужіе люди и что фильмъ безсодержателенъ и никакого напряженія съ его стороны не требуетъ. Взглянувъ случайно вправо на человѣка въ потертомъ пиджакѣ, Колобовъ опять почувствовалъ холодокъ между лопатками. На этотъ разъ его сосѣдъ не спускалъ глазъ съ экрана и въ его взглядѣ была почти гипнотическая сила.

Послѣ различныхъ трагикомическихъ происшествій герой и героиня нашли другъ друга. Ихъ головы выплыли на передній планъ, ихъ уста слились въ долгомъ поцѣлуѣ. Оборвались глухіе звуки джазъ-банда и свѣтъ мягко брызнулъ изъ хрустальныхъ чашъ.

Когда Колобовъ вышелъ изъ кино, навстрѣчу ему

пахнуло теплой сыростью осеннихъ полей. Дѣвственная луна плыла надъ крышами. Онъ пошелъ по плохо освѣщенной улицѣ, пересѣкающей маленькую площадь. Улица была почти пустынна. Кромѣ парочки влюбленныхъ въ подворотнѣ и прислуги, гуляющей съ собакой, никого не было. Вдругъ онъ услышалъ позади себя торопливые шаги. Нѣкоторое время они ровно слѣдовали за нимъ. Вмѣстѣ съ нимъ пересѣкли маленькую площадь и завернули за уголъ улицы, ведущей къ вокзалу городской желѣзной дороги. Чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ шаговъ, пропустить ихъ впередъ, Николай Васильевичъ остановился, закуривая. Шаги приблизились къ нему вплотную и тоже остановились. Хрипловатый голосъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ попросилъ огня. Колобовъ поднялъ глаза на говорившаго и былъ непріятно пораженъ, увидавъ передъ собой своего сосѣда изъ кинематографа. Онъ молча протянулъ ему горящую спичку. Но тотъ усмѣхнулся.

— «У меня папиросы нѣтъ, не на что купить. Я думалъ, что если попрошу у васъ огня, то папиросу къ нему вы мнѣ сами дадите».

Колобовъ вынулъ портсигаръ и, открывъ его, протянулъ странному собесѣднику. Тотъ взялъ папиросу, осторожно держа ее неопрятными высохшими пальцами. Учтиво поклонился, закурилъ и видя, что Колобовъ, кивнувъ ему головой, собирался идти дальше, быстро заговорилъ на своемъ ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— «Простите, господинъ, если я задерживаю васъ, но утопающій, какъ вамъ извѣстно, хватается за соломинку. Вотъ передъ вами утопающій человѣкъ, не откажите послужить ему соломинкой».

Онъ умоляюще приложилъ правую руку къ тому мѣсту, гдѣ полагается быть жилету. Всѣ пуговицы его потертаго пиджака были наглухо застегнуты. Движеніе это было одновременно театрально и по дѣтски безпомощно. Грязноватые на выкатъ глаза подъ

мигающими вѣками глядѣли на Колобова тѣмъ же пристальнымъ взглядомъ, какъ въ кино. Николаю Васильевичу было не по себѣ. Онъ не зналъ, что сказать, чтобы отдѣлаться отъ непріятнаго преслѣдователя.Онъ нерѣшительно спросилъ:

— «Что же я могу сдѣлать для васъ? Я, право, не знаю, какъ...»

Человѣкъ его поспѣшно перебилъ:

— «Не говорите, ничего не говорите, пока не выслушаете меня. Когда я увидалъ васъ рядомъ съ собой въ кино, я сразу узналъ въ васъ русскаго и почувствовалъ къ вамъ довѣріе. Я привыкъ узнавать національность людей по выраженію ихъ лица. И вотъ я сказалъ себѣ Маріо: это товарищъ по несчастью, онъ не откажетъ помочь тебѣ. Хотите, синьоръ, зайти вонъ туда, въ ту пивную. Не жалѣйте полчаса времени. Вы сдѣлаете доброе дѣло и узнаете много интереснаго. Если вы писатель, или художникъ, или музыкантъ, вамъ моя исторія пригодится».

Колобовъ не зналъ, какъ ему быть. Съ одной стороны ночной собесѣдникъ былъ жутокъ и непріятенъ, а съ другой ему было любопытно узнать, почему этотъ странный типъ назвалъ его товарищемъ по несчастью. Было еще сравнительно рано. Домой, въ одинокую комнату, не хотѣлось, и онъ рѣшилъ выслушать разсказъ незнакомца. Николай Васильевичъ и его странный провожатый зашли въ плохо освѣщенную, дымную пивную. Кромѣ трехъ шоферовъ, курившихъ скверныя папиросы и громко разсуждавшихъ о выборахъ въ Рейхстагъ, въ пивной никого не было. Колобовъ и его собесѣдникъ сѣли за угловой столъ и Николай Васильевичъ заказалъ два бокала пива. Когда миловидная брюнетка въ синемъ передникѣ принесла двѣ пѣнящіяся кружки и поставила ихъ передъ гостями, незнакомецъ схватилъ свою и жадно вылилъ въ себя добрую половину темно - янтарной жидкости.

— «Вотъ вы сказали, что купить папиросы у васъ

не было денегъ, а какимъ образомъ вы попали въ кино?» — вдругъ спросилъ Колобовъ.

Незнакомецъ смахнулъ рукой пѣну съ рыжеватыхъ усовъ и хитро улыбнулся, обнаруживъ рядъ гнилыхъ переднихъ зубовъ.

— «Одна добрая дама мнѣ сегодня дала двѣ марки. Я сказалъ ей, что ничего не ѣлъ со вчерашняго утра. Вотъ я и пошелъ въ кино. Тамъ такъ уютно въ мягкомъ креслѣ, такъ хорошо пахнетъ духами. А на экранѣ блестящая жизнь, женщины, рестораны, особняки, все то, чего у меня не было и быть не можетъ никогда. Такъ я и пошелъ за двѣ марки сердобольной дамы въ кино, вмѣсто того чтобы поѣсть какъ слѣдуетъ сегодня, завтра, можетъ быть, еще и послѣзавтра. Какъ нибудь я проживу. Вѣдь и до сихъ поръ съ голоду не умеръ. Конечно, я могъ пойти въ кино подешевле, скажете вы, но тамъ не то; воздухъ не пахнетъ дорогими духами, нѣтъ тонкихъ, какъ кузнечики, женщинъ въ шикарныхъ мѣхахъ, нѣтъ мягкихъ креселъ, въ которыхъ можно блаженно утонуть и забыть на два часа всю свою такъ называемую внѣшнюю жизнь. Кромѣ того, въ другомъ кино не показали бы лазореваго моря и кипарисовыхъ рощъ моей незабвенной родины».

Незнакомецъ глубоко вздохнулъ. Морщины его разгладились и глаза помутнѣли, не то отъ пива, не то отъ нахлынувшихъ воспоминаній. Колобовъ выслушалъ внимательно необыкновенныя слова своего собесѣдника. Странный человѣкъ ему начиналъ нравиться. Въ немъ была покоряющая смѣлость и безшабашность. Онъ участливо спросилъ:

— «Вы голодны? Сейчасъ подадутъ вамъ чего-нибудь поѣсть. Fräulein, принесите господину порцію сосисокъ съ картофельнымъ салатомъ, булочекъ и еще бокалъ пива».

Незнакомецъ всталъ и поклонился Николаю Васильевичу изысканно - учтиво. Онъ принялся съ удовольствіемъ пожирать поданныя ему сосиски, отпи-

вая жадными глотками холодное пиво. Колобовъ съ любопытствомъ слѣдилъ за нимъ. Когда послѣдній кусокъ исчезъ съ тарелки и второй бокалъ пива отправился вслѣдъ за первымъ, незнакомецъ довольно улыбнулся и, блаженно вздохнувъ, началъ говорить. Говорилъ онъ быстро на своеобразномъ нѣмецкомъ языкѣ, пересыпанномъ итальянскими, англійскими и еще какими-то словами на непонятномъ языкѣ. Колобовъ съ трудомъ слѣдилъ за ходомъ его рѣчи.

— «Итакъ, дорогой синьоръ, разрѣшите сначала представиться: Маріо Лоренци, итальянскій подданный, случайный уроженецъ прекрасной Генуи. Я говорю — случайный, потому что я могъ съ тѣмъ же успѣхомъ родиться и средь зеленыхъ луговъ обѣихъ Венеціи, въ выжженныхъ пескахъ Калабріи или на ослѣпленномъ солнечной лаской Неаполитанскомъ берегу; потому что моя мать, Біанка Лоренци, была артисткой - наѣздницей высшей школы — и работала въ бродячемъ циркѣ. Моего отца я не знаю. Мать утверждала, что онъ былъ шведъ, одинъ изъ трехъ братьевъ - акробатовъ, которые гастролировали короткое время въ циркѣ стараго Беппо, но вы, вѣроятно, и сами знаете, господинъ, какъ трудно въ подобныхъ случаяхъ установить правду. Я росъ среди трапецій, гирь, лошадей, ученыхъ собакъ, клоуновъ и прочаго циркового сброда. Когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, я сталъ выступать вмѣстѣ съ матерью на дрессированномъ пони. Въ это время мать захворала малляріей, пролежала нѣсколько мѣсяцевъ и когда поправилась, больше уже выступать не могла. Мы поселились въ маленькомъ мѣстечкѣ подъ Піаченцой. Мать ходила стирать бѣлье, меня посылала въ сельскую школу. Это было самое счастливое время моей жизни. Такъ мы прожили три года. Потомъ мать снова слегла и больше уже не вставала. Я остался совершенно одинъ на свѣтѣ. Учитель изъ сельской школы взялъ меня къ себѣ. У него я прожилъ еще два года. Затѣмъ онъ отдалъ меня въ придорожную остерію, гдѣ я сталъ

помощникомъ лакея. Въ то время мнѣ шелъ пятнадцатый годъ. Я былъ мальчикомъ скрытнымъ, даже угрюмымъ, страстно любилъ чтеніе и мечталъ о томъ, чтобы самому стать писателемъ. Работа въ остеріи была не трудная, но скучная. Мнѣ надоѣло каждое утро подметать полъ, мыть посуду и безпрекословно исполнять всѣ капризы хозяйки. Вотъ изъ-за этой самой хозяйки, синьоръ, разбилась вся моя жизнь. Звали ее Каролина Гоцци. Лѣтъ ей было около тридцати пяти, хотя она и утверждала, что всего двадцать восемь. Это была женщина высокая, величественная, съ полной грудью и сверкающими черными глазами. Рядомъ съ нею я казался выщипаннымъ цыпленкомъ. Конечно, я боялся ея и благоговѣлъ передъ нею. Отъ ея близости просыпающаяся чувственность билась во мнѣ, какъ птица въ клѣткѣ. Я съ трудомъ отвѣчалъ на ея вопросы, руки мои при этомъ сырѣли отъ холоднаго пота. У Каролины былъ другъ, негодяй и паразитъ, котораго она содержала. Часто по вечерамъ, когда уходили послѣдніе посѣтители и мы, слуги, ложились спать въ грязной конурѣ возлѣ кухни, изъ которой неслись сложные запахи лука, прованскаго масла, неопрятныхъ людей и теплой сырости, сверху изъ комнаты хозяйки лились дикая ругань, крики, всхлипыванія, иногда даже звонъ пощечины. Потомъ все это умолкало, точно стихающій дождь, и только звуки поцѣлуевъ и тяжелые вздохи доходили до насъ. Я засыпалъ подъ эти любовные стоны, сжавъ кулаки и крѣпко укусивъ подушку молодыми зубами. Всю ночь мнѣ снилась Каролина. Я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, я цѣловалъ родинку, которую успѣлъ замѣтить однажды утромъ, когда платокъ сползъ съ ея груди. Тутъ же былъ, конечно, и Луиджи, другъ Каролины, который корчился у моихъ ногъ, прося пощады. Но я безжалостно убивалъ его длиннымъ, какъ шпага, кинжаломъ. Такъ я проводилъ дни и ночи въ теченіе трехъ лѣтъ. Ничто не нарушало однообразія моей жизни. Каролина по-прежнему

оставалась властительницей моихъ думъ и вотъ въ одно прекрасное весеннее утро случилось несчастье, исковеркавшее всю мою жизнь. Мнѣ было семнадцать лѣтъ. Съ нѣкоторыхъ поръ я сталъ настоящимъ лакеемъ и мнѣ поручили всю тяжелую работу въ остеріи. Кромѣ меня была только одна уборщица.Въ кухнѣ царила сама хозяйка. Однажды утромъ я по обыкновенію поднялся наверхъ, чтобы разбудить Каролину. Постучавъ два раза и не получивъ отвѣта, я тихонько толкнулъ дверь; она не поддалась, была заперта. Я позвалъ сперва тихо, потомъ громче, отвѣта не было. Встревоженный я бросился къ окну, ведущему съ лѣстницы прямо на маленькую крышу, съ которой удобно было взобраться на хозяйскій балконъ. Все это для меня было дѣломъ одной секунды. Немного пріоткрывъ балконную дверь, я отодвинулъ занавѣску и взглянулъ внутрь. Въ комнатѣ было довольно темно. Я смутно различилъ что-то бѣлое, лежащее поперекъ постели. Я подошелъ ближе и замеръ. На кровати лежала Каролина. Ея ночная рубашка была вся въ крови. Кровь сгустилась на ея груди тамъ, гдѣ была родинка. Лицо было неподвижно и строго. Она была мертва. Дикій ужасъ сковалъ меня, я силился крикнуть, но спазмы сдавили мнѣ горло желѣзными клещами. Вдругъ чья-то рука вцѣпилась въ мое плечо и неузнаваемое отъ ярости лицо Луиджи приблизилось къ моему. Въ правой рукѣ у него былъ окровавленный ножъ. Какимъ образомъ мнѣ удалось вывернуться изъ его рукъ, схватить тутъ же рядомъ лежащую кочергу и изо всей силы ударить его въ високъ, — мнѣ до сихъ поръ непонятно. Онъ упалъ и, падая, выронилъ ножъ. Повторяю, это было просто чудо, что я успѣлъ схватить кочергу и ударить его прежде чѣмъ онъ всадилъ въ меня свой ножъ».

Маріо Лоренци задыхался. Онъ нѣсколько разъ провелъ рукой по глазамъ, какъ бы отгоняя что-то. Затѣмъ продолжалъ тихо, будто говоря самъ съ собой.

— «Когда я увидалъ его на полу съ искривленнымъ ртомъ и стекляннымъ взглядомъ, когда я понялъ, что онъ мертвъ, что убилъ его я, безуміе сдавило мнѣ голову. Почему-то поднявъ записную книжку, лежащую на полу передъ окномъ, я перелѣзъ черезъ балконъ на крышу и обратно на лѣстницу. Въ кухнѣ никого не было. Уборщица ушла за водой; я видѣлъ черезъ окно ея синюю юбку у колодца. Схвативъ свои книжки, одну рубашку и новую пару брюкъ, все свое достояніе, я вложилъ эти вещи въ старый платокъ моей матери и связалъ его крѣпкимъ узломъ. Мои руки дрожали мелкой дрожью, ноги подкашивались подо мной. Взваливъ узелъ на плечо, я вышелъ черезъ дворъ на дорогу. Было раннее утро. Я никогда не забуду медоваго солнечнаго свѣта, заливавшаго свѣжіе луга, бѣлую, длинную ленту дороги и коровъ, мирно пасущихся, въ то время, какъ ужасъ комомъ стоялъ въ моемъ горлѣ. Я шелъ. Сперва медленно; затѣмъ все скорѣе. Наконецъ, я пустился бѣжать. Бѣжалъ я долго. Солнце поднялось выше и стало жечь мою непокрытую голову. Добѣжавъ до лѣса, я упалъ ничкомъ на мохъ подъ тяжелыя вѣтви стараго клена и остался лежать. Сердце мучительно билось. Въ вискахъ звенѣло. Потъ катился градомъ по моему трясущемуся подбородку. Пролежавъ такъ нѣкоторое время, я вдругъ услышалъ шорохъ. Я дико вскочилъ, готовый бѣжать дальше. Но это, вѣроятно, была только бѣлка. Шорохъ не повторялся. Успокоившись немного, я сѣлъ и сталъ обдумывать дальнѣйшее свое положеніе, насколько мнѣ это позволяли мои загнанныя мысли. Машинально сунувъ руку въ карманъ, я нащупалъ въ ней ту книжку, которую поднялъ съ пола возлѣ убитаго Луиджи. Я открылъ ее. Это была книжка сберегательной кассы на имя Каролины Гоцци и въ ней лежали аккуратно сложенные тысячелировые билеты. Ихъ было три штуки. Вѣрно, Каролина собиралась отнести свои сбереженія въ кассу; объ этомъ

разузналъ ея любовникъ и, не получивъ отъ нея денегъ добромъ, убилъ ее, выкравъ ихъ изъ ея комода. Одно мнѣ было непонятно. Неужели она не кричала, не отбивалась, вѣдь мы съ уборщицей спали внизу, какъ разъ подъ ея комнатой. Сверху всегда все слышно было, каждое слово; а вчера была странная тишина. Можетъ быть, онъ убилъ ее во снѣ? И тутъ представилась мнѣ ясная картина: постель, Каролина спитъ, разметавшись послѣ бурныхъ ласкъ, смуглыя плечи ея обнажены, пышныя груди округлы подъ сорочкой. Вдругъ подкрадывается тѣнь съ острымъ, нестерпимо блестящимъ ножомъ въ рукѣ. Мигъ одинъ — рука съ ножомъ виситъ надъ кроватью; мигъ второй — ножъ вонзается въ спѣлое теплое тѣло спящей. Картина была такъ ясна, что дикій крикъ сорвался съ моихъ устъ. Собственный голосъ привелъ меня въ себя. Надо было рѣшать, что дѣлать дальше. Время шло. Вѣроятно, уже нашли убитыхъ, замѣтили мое отсутствіе и ищутъ меня. Вѣдь всѣ улики были противъ меня. Убилъ женщину, укралъ деньги, затѣмъ убилъ кочергой ея любовника, который пришелъ въ ту минуту, когда убійца собирался бѣжать. Все это судьямъ покажется вполнѣ правдоподобнымъ. Все, все въ этомъ ужасномъ убійствѣ было противъ меня. Никто не видалъ, какъ Луиджи пришелъ наканунѣ вечеромъ. Уборщица была у своей сестры въ городѣ, вернулась поздно, когда всѣ уже спали и никакого шума сверху не было слышно. Она, вѣрно, на судѣ заявитъ о томъ, что Луиджи въ злосчастную ночь не было вовсе въ остеріи. Никто кромѣ меня не видѣлъ, какъ онъ пришелъ около десяти вечера и тутъ же, еле отвѣтивъ на мой поклонъ, поднялся наверхъ къ Каролинѣ. Но мнѣ вѣдь никто не повѣритъ. Кромѣ того, будутъ показанія прежняго лакея, которому я служилъ помощникомъ, и той же уборщицы о моей несчастной любви къ хозяйкѣ, любви и ревности къ Луиджи. Все это промчалось въ моей головѣ быстрѣе, чѣмъ я могу выразить словами.

Одна мысль навязчиво жужжала: почему Луиджи послѣ убійства, найдя деньги, не удралъ черезъ окно? Откуда онъ явился въ ту минуту, когда я почувствовалъ его когти на моемъ плечѣ? Можетъ быть, онъ ждалъ меня, зная, что я каждое утро прихожу будить Каролину? Ждалъ съ ножомъ въ рукѣ, чтобы убить меня и уборщицу, замести всѣ слѣды и бѣжать. Остерія одиноко лежитъ на краю дороги. Вокругъ нея одни поля и луга. Село находится въ пятнадцати минутахъ ходьбы. Пока оттуда пришли бы, узнали бы объ убійствѣ, онъ былъ бы уже далеко. Дикая радость овладѣла мною при мысли, что онъ бѣжать больше не можетъ, что онъ мертвъ и убилъ его я — семнадцатилѣтній Маріо, худой и слабый мальчикъ. Когда я вышелъ изъ лѣсу, солнце перевалило за полдень. Я закопалъ глубоко въ землю сберегательную книжку несчастной Каролины, запряталъ деньги въ сапогъ и отправился прямо наугадъ. Я былъ голоденъ, солнце пекло. Ноги болѣли, въ головѣ было пусто и глухо. Я шелъ прямо передъ собою. Къ вечеру я купилъ себѣ хлѣба въ маленькомъ поселкѣ, ночью я спалъ на чьемъ-то сѣновалѣ. Такъ начались мои скитанія. Я покупалъ газеты и читалъ объ убійствѣ Каролины Гоцци и ея друга. Въ убійствѣ обвинялся молодой слуга, Маріо Лоренци, бѣжавшій со сберегательной книжкой убитой и наличными деньгами. Я читалъ все это, какъ посторонній, не чувствуя ни страха, ни раскаянія. Отъ полиціи я спасся такимъ же чудомъ, какъ и отъ ножа Луиджи, и перебрался черезъ Швейцарскую границу. То, что со мной было дальше, синьоръ, вамъ будетъ неинтересно. Подъ чужимъ именемъ я занимался всевозможными ремеслами. Былъ во Франціи трубочистомъ, выступалъ въ Англіи клоуномъ въ циркѣ, въ Америкѣ чистилъ сапоги и чинилъ автомобили, въ Голландіи былъ матросомъ, въ Японіи рикшей. Здѣсь, въ Германіи, грузилъ уголь на пароходы, былъ каменщикомъ, слесаремъ и просто нищимъ. Прошло много, много лѣтъ. Объ убійствѣ

Каролины Гоцци подъ Піаченцой перестали писать, убійцу, Маріо Лоренци, перестали искать. И только здѣсь у меня внутри живетъ воспоминаніе объ этомъ.

Вы спросите, господинъ, почему я вамъ все это разсказываю? Еще минутку терпѣнія и вы поймете. За эти тридцать три года моихъ скитаній я ко всему привыкъ, я ничего не боюсь, ничего не желаю, ни въ чемъ не нуждаюсь. Только одна мысль, одно желаніе горитъ во мнѣ: увидѣть Италію, родину мою, передъ смертью. Я не могу вернуться, я заочно приговоренъ къ смертной казни. Если я вернусь, меня тутъ же схватятъ и повѣсятъ. А жизнь все-таки хороша; даже такой старый бродяга, какъ я, и то не хочетъ съ нею разставаться. И вотъ одинъ знакомый морякъ въ Гамбургѣ обѣщалъ взять меня съ собой безъ паспорта въ Геную на двѣ недѣли, если я дамъ ему за это сто марокъ. Откуда же мнѣ взять такую сумму? Увидавъ васъ въ кино, я сразу узналъ въ васъ русскаго и сказалъ себѣ: этотъ человѣкъ тоже лишенъ родины, значитъ, товарищъ по несчастью, этотъ человѣкъ не откажетъ мнѣ въ помощи».

Кончивъ, Маріо Лоренци вытеръ ладонью потъ со лба и полувопросительно, полуумоляюще, посмотрѣлъ на Колобова. Николай Васильевичъ сидѣлъ, подперевъ рукой голову, и что - то чертилъ на скатерти остріемъ вилки. Наступило молчаніе. Въ пивной было совсѣмъ пусто. Громко спорящіе шоферы давно вернулись къ своимъ машинамъ. Миловидная дѣвушка въ синемъ передникѣ читала газету за прилавкомъ. Изъ задней комнаты выглядывалъ нѣсколько разъ подрядъ весь бритый хозяинъ. Онъ хотѣлъ спать и подозрительно посматривалъ на двухъ засидѣвшихся гостей. Молчаніе длилось довольно долго. Итальянецъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на своего собесѣдника. Наконецъ, Николай Васильевичъ поднялъ на него глаза и сказалъ совсѣмъ тихо:

— «Я очень благодаренъ вамъ за вашу откровенность. Вы не ошиблись, я русскій. Разница между

нами только одна. Ваша родина все та же, ея города, не тронуты, ея жизнь течетъ ровно по старому руслу, и, вернувшись, вы сможете насладиться всѣмъ тѣмъ, что вамъ такъ дорого и близко. Моей же страны нѣтъ вовсе, она погибла. Очутившись вдругъ въ родномъ краю, я даже не узналъ бы того, что такъ любилъ когда-то. Синьоръ Лоренци, я помогу вамъ увидѣть Италію. Я достану для васъ эти деньги. Пусть хотя бы для одного изъ насъ исполнится желаніе долгихъ лѣтъ на чужбинѣ».

Бродяга вскочилъ, всплеснулъ руками, слезы наполнили его воспаленные выпуклые глаза. Слова радостной благодарности, восторженныя итальянскія восклицанія разсыпались въ тихой пивной, точно стеклянные шарики по каменному полу. Барышня за прилавкомъ удивленно подняла голову. Бритый затылокъ хозяина показался въ дверяхъ. Колобовъ улыбался. Онъ подозвалъ кельнершу, заплатилъ и, взявъ взволнованнаго Маріо за рукавъ, повлекъ его къ выходу. На улицѣ было прохладно и тихо. Луна скрылась за крышами. Обезумѣвшій отъ радости итальянецъ хотѣлъ непремѣнно поцѣловать руку своего благодѣтеля. Колобовъ смущенно отбивался отъ него.

— «Перестаньте, синьоръ Лоренци, намъ надо еще кое о чемъ поговорить. У меня этихъ денегъ сейчасъ нѣтъ при себѣ. Гдѣ вы живете? Я вамъ ихъ завтра къ вечеру принесу».

Лоренци пробормоталъ что-то непонятное о чужой квартирѣ, высокой лѣстницѣ, неудобствѣ и робко спросилъ, не могутъ ли они встрѣтиться гдѣ-нибудь.

— «Такъ какъ — прибавилъ онъ — я вполнѣ понимаю, что вы меня у себя принять не захотите».

Они условились на слѣдующій день встрѣтиться въ той же пивной въ семь часовъ вечера. Колобовъ протянулъ итальянцу руку, тотъ ее схватилъ и прижалъ къ своей груди. Николай Васильевичъ, улыбаясь, смотрѣлъ на радость бродяги.

— «Скажите, Лоренци, — неожиданно спросилъ онъ, — вы никогда не вспоминаете объ убитой Каролинѣ, вашей первой любви?»

Итальянецъ встрепенулся. Его глаза дико метнулись въ сторону.

— «Развѣ я могу не вспоминать о ней, я ненавижу ее. Она своей смертью разбила всю мою жизнь, отняла у меня самое святое — родину».

Въ его глазахъ замерцала безбрежность безумія.

Предутреннимъ радужнымъ свѣтомъ сверкали звѣзды, какъ мыльные пузыри на голубѣющемъ небѣ, птицы просыпались, громко перекликаясь; улицы были пустынны, асфальтъ отдыхалъ отъ тяжелыхъ шинъ, расправляя свой за день смятый блескъ, когда Николай Васильевичъ Колобовъ вернулся домой, разбитый безсонной ночью и давящимъ одиночествомъ улицъ, чужихъ и равнодушныхъ.

XV.

Черезъ открытое окно вливался уличный шумъ, вмѣстѣ съ тихимъ свѣтомъ осенняго солнца. Волосы Гертруды Шмидтъ, легкіе, какъ пивная пѣна, на солнцѣ всегда переливали золотомъ. Она знала, что это идетъ къ ней, и часто поднимала синій взглядъ подъ тонкой линіей выщипанныхъ бровей на ловко скользящую по подоконнику солнечную полосу. Дастъ Богъ, она доползетъ до ея волосъ къ тому моменту, когда Herr Direktor откроетъ дверь своего кабинета, къ которой прибита дощечка: «Не входить безъ доклада», и позоветъ ее къ себѣ. Гертруда умѣла быстро писать подъ диктовку. Ея дѣвичьи пальцы мелькали, какъ мотыльки, по клавишамъ пишущей машинки. Поэтому Herr Direktor всегда вызывалъ именно ее въ свой кабинетъ. Но солнечная полоса коснулась Гертрудиныхъ волосъ, ласковымъ тепломъ скользнула по ея плечу и поползла дальше по полу, а дверь изъ кабинета директора все оставалась закрытой. Разочарованіе Гертруды было велико, ибо она была неравнодушна къ директорской улыбкѣ и къ его четырехмѣстному синему Пакарду. Конторщица, Fräulein Hansemann, круглолицая дѣвица лѣтъ сорока, принесла Гертрудѣ письмо для переписки.

— «Что это съ нашимъ директоромъ сегодня? — пробасила она совсѣмъ неподходящимъ къ ея внѣшности голосомъ. — Вотъ уже скоро полъ часа, какъ засѣлъ у него этотъ Колобовъ. О чемъ они могутъ

такъ долго говорить? Ахъ, ужъ эти русскіе. Самъ свою работу не успѣетъ кончить и директору мѣшаетъ».

Гертруда равнодушно пожала плечами. Что ей за дѣло, о чемъ они говорятъ. Если бы у директора сидѣла женщина, другое дѣло, но Herr Koloboff вѣдь не женщина. Ну, и пусть сидитъ.

Когда Николай Васильевичъ вышелъ изъ кабинета директора, часы пробили четыре. Онъ былъ взволнованъ. Правой рукой сжималъ онъ въ карманѣ стомарковую бумажку.

Когда дирскторъ позвалъ Гертруду Шмидтъ на диктовку, она вся засіяла, окрыленная надеждой, и мысленно увидѣла себя на синихъ подушкахъ директорскаго Пакарда.

. . . . . .

Равномѣрный короткій стукъ падающихъ капель, четко прерывающій ночную тишину, разбудилъ Николая Васильевича. Должно быть, поливали цвѣты наверху, и вода, накопившись въ одномъ мѣстѣ такимъ образомъ, стекала на нижній балконъ. Колобовъ открылъ глаза. Въ комнату черезъ неплотно затянутыя занавѣски проникалъ зеленоватый свѣтъ луны. Можно было различать предметы довольно ясно. Въ углу на широкой лентѣ висѣла гитара. Двѣ чайныя розы, окутанныя сладкимъ тлѣющимъ ароматомъ, умирали на письменномъ столѣ. Николай Васильевичъ повернулъ голову. Рядомъ съ нимъ спала Люба. Рѣзко темнѣли пряди ея волосъ. Ея лицо въ полутьмѣ казалось совсѣмъ дѣтскимъ. Ротъ былъ полуоткрытъ, въ уголкѣ губъ легла горькая складка; какъ будто она собиралась заплакать. Смуглое плечо было обнажено. Одна рука безпомощно кинута на одѣяло. Колобовъ долго глядѣлъ на эту руку. Ему стало жаль Любы. Что онъ долженъ сдѣлать, чтобы она была счастлива? Просить у Тани разводъ и жениться на ней? Но вѣдь она не будетъ счастлива съ нимъ. Онъ не любитъ ее. Она это скоро и сама за-

мѣтитъ. Онъ только жалѣетъ ее. Она чужда ему. Она должна понять это. Ея интересы, ея мысли, ея стремленія чужды ему.

Мысли Колобова вернулись къ событіямъ предыдущаго вечера. Какъ радовался итальянецъ, когда онъ ему въ пивной вручилъ стомарковый билетъ. Онъ рыдалъ, цѣловалъ ему руки, велъ себя до того неприлично, что всѣ посѣтители, хозяинъ и миловидная кельнерша, сперва смотрѣли на эту непривычную для нихъ сцену, разинувъ рты; потомъ, видя, что смѣшной иностранецъ просто радуется, сами громко расхохотались. Итальянецъ умолялъ своего благодѣтеля назвать себя, дать ему свой адресъ, чтобы онъ могъ написать ему съ дороги, еще разъ поблагодарить. Но Колобовъ не сказалъ своего имени и адреса не далъ. Онъ хотѣлъ избавиться отъ лишнихъ изліяній экспансивнаго Лоренци, остаться въ тѣни. Вечеромъ, когда онъ пришелъ къ Любѣ, счастливый доставленнымъ счастьемъ, и хотѣлъ разсказать ей обо всемъ случившемся за послѣдніе два дня, она встрѣтила его съ заплаканными глазами и съ блѣднымъ сжатымъ ртомъ. На его поцѣлуи, на встревоженный вопросъ, что съ ней, она молча пожала плечами, взглянувъ на него своимъ тоскующимъ полнымъ упрека взглядомъ. Николай Васильевичъ былъ такъ занятъ встрѣчей съ итальянцемъ и всѣмъ происшедшимъ, что совершенно забылъ о вчерашнемъ телефонномъ разговорѣ съ Любой. Ея лицо сперва взволновало его, затѣмъ стало раздражать. За ужиномъ въ присутствіи тетки изъ-за какой-то мелочи произошла у нихъ ссора. Не стѣсняясь Валентины Ильинишны, Люба забрасывала Николая Васильевича рѣзкими словами. Онъ сперва старался спокойно отвѣчать ей, но видя, что его попытки безрезультатны, умолкъ совсѣмъ. Онъ раздраженно каталъ хлѣбные шарики. Валентина Ильинишна, со своей стороны, тоже старалась успокоить племянницу. Но все было напрасно. Любѣ надо было освободиться отъ нако-

пившихся за два долгихъ дня обидъ и она, никого не слушая, продолжала сыпать упреками. Наконецъ, уставъ, она бросилась на тахту, громко всхлипывая. Тетка махнула рукой, глубоко вздохнула и, указавъ Николаю Васильевичу подбородкомъ на вздрагивающія плечи племянницы, на цыпочкахъ вышла изъ комнаты. Дальше все было, какъ всегда. Колобовъ, не переносившій женскихъ слезъ, сталъ утѣшать Любу, цѣловать ей руки, плечи, губы. Она мало по малу стала отвѣчать на его поцѣлуи. И тоже, какъ обычно, отъ одного прикосновенія ея тѣла онъ растерялъ всѣ свои горькія мысли. Онъ сжалъ ее до того, что она, смѣясь сквозь еще не высохшія слезы, прерывистымъ дыханіемъ просила пощады. Онъ ненавидѣлъ ее, ненавидѣлъ и себя. Когда ея спокойные сытые глаза благодарно взглянули на него, онъ отвернулся, притворяясь соннымъ. Кто она, эта маленькая цыганка? Что онъ нашелъ въ ней? Не то, чего искалъ, не то, чего ожидалъ. Одно только жадное удовлетвореніе откуда-то вдругъ появившагося дикаго, животнаго инстинкта. Онъ надѣялся найти въ ней тихій уютъ родной усадьбы, ясную улыбку погибшей сестры, теплую ласку материнскихъ рукъ и покорныя, чистыя губы прежней Тани. Все то, что погибло навѣкъ, казалось, обѣщали ему Любины глаза. Эти глаза обманули его. Они были, какъ прекрасныя старинныя ворота, придѣланныя къ самому обыкновенному новому дому. Будущее показалось ему тайгой: никого и ничего не видно на сотни верстъ вокругъ.

И снова усталыя полусонныя мысли отнесли его къ Танѣ. Онъ напишетъ ей самъ, постарается какъ можно яснѣе объяснить ей все, всѣ свои чувства и переживанія. Онъ попроситъ у нея совѣта. Пусть она отвѣтитъ ему, какъ самый близкій на свѣтѣ человѣкъ, какъ лучшій другъ, что ему дѣлать, въ чемъ найти оправданіе своему безцѣльному существованію, успокоеніе отъ грызущей тоски о прошломъ. Ея

письмо къ Ольгѣ Петровнѣ лучшее доказательство того, что прежняя Таня еще не совсѣмъ умерла въ ней, что она все еще заботится о немъ и по своему любитъ его. А онъ, онъ только ее одну любитъ и всю жизнь любилъ. Братъ Михаилъ, будучи студентомъ, шутя называлъ его однолюбцемъ. Его мысли, затуманенныя сномъ, стали принимать отчетливыя формы. Онъ задремалъ. Ему приснился сонъ. Снилось ему, что онъ съ Таней только что вернулся изъ церкви послѣ вѣнчанія. Таня въ фатѣ и подвѣнечномъ платьѣ, радостная и смущенная, смотритъ на него счастливыми глазами. Онъ хочетъ обнять ее, поцѣловать, но его руки тяжелы, точно свинцовыя. Наконецъ, ему удается поднять правую. Онъ протягиваетъ ее къ Таниному плечу, какъ вдругъ въ комнатѣ, прямо изъ стѣны, появляется итальянецъ Маріо Лоренци въ полосатой фуфайкѣ каторжника съ совершенно бритой головой и, дико ворочая глазами, говоритъ: «Синьоръ, синьоръ, большевики идутъ. Они хотятъ украсть вашу жену. Спасайтесь скорѣе». Онъ хватаетъ Таню за руку и бѣжитъ съ нею куда-то по темному корридору. Бѣгутъ они, кажется, очень долго. Ноги все тяжелѣютъ. Наконецъ, ему становится трудно оторвать ихъ отъ пола. Его рука, державшая Таннну руку, вдругъ странно холодѣетъ — онъ оборачивается — Таня исчезла; вмѣсто нея вокругъ его руки обвилась скользкимъ зеленымъ кольцомъ плоская змѣя. Двумя свѣтящимися точками насмѣшливо смотритъ она ему прямо въ глаза. Отъ этого взгляда онъ чувствуетъ, какъ коченѣютъ сперва его ноги, затѣмъ туловище и, наконецъ, голова. Онъ не можетъ повернуть шеи. Его глаза прикованы къ глазамъ змѣи. Онъ силится крикнуть, но не можетъ. Откуда-то доносится глухой ропотъ толпы; точно ракеты, взлетаютъ отдѣльные возгласы; все приближается шумъ, топотъ тысячи ногъ и бряцаніе оружія. Онъ хочетъ бѣжать, ноги прикованы къ землѣ. Темнота озарена только зеленоватымъ свѣтомъ, струящимся

изъ змѣиныхъ глазъ. Кто-то надъ его головой стрѣляетъ изъ револьвера. Вдругъ рядомъ съ нимъ мелькаетъ образъ Тани. Ея подвѣнечное платье все въ пятнахъ. Фата виситъ клочьями. Она простираетъ къ нему руки; губы ея мертвенно блѣдны. Онъ дѣлаетъ громадное усиліе, чтобы кинутся къ ней, и... просыпается весь въ холодномъ поту. Открывъ глаза, онъ долго не узнаетъ окружающаго. Гитара въ углу кажется ему плоской змѣиной головой. Грохотъ перваго трамвая — гуломъ тысячной толпы, надвигающейся на него. Придя, наконецъ, въ себя, онъ съ тяжелымъ вздохомъ снова закрываетъ глаза и лежитъ совсѣмъ тихо подъ успокаивающіе звуки ранняго утра. Рядомъ съ нимъ Люба улыбается во снѣ. Слѣды слезъ стерлись на ея щекахъ. А на балконѣ все еще падаютъ съ короткимъ стукомъ равнодушныя капли, показавшіяся Николаю Васильевичу въ мучительномъ снѣ револьверными выстрѣлами.

XVI.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, еще четыре дома. Улица кажется Николаю Васильевичу длиннѣе обыкновеннаго. Мороситъ мелкій холодный дождь. Въ его сѣрой паутинѣ, какъ пойманныя мухи, бьются блестящіе зонтики. Вяло спускаются сумерки. Кое-гдѣ уже зажигаются фонарные огни. Тридцать одинъ — наконецъ онъ дома. Озябшіе пальцы плохо слушаются. Ключъ съ трудомъ поворачивается въ замочной скважинѣ. Тяжело со скрипомъ отворяется входная дверь. Къ лифту привѣшена записка: «не дѣйствуетъ». Подошвы оставляютъ мокрые слѣды на красной, чисто выметенной дорожкѣ. Мысли напряженно бѣгутъ впередъ. Дома ждетъ его заказное письмо изъ Россіи. Frau Dr. Naumann звонила ему въ контору. Письмо отъ Тани. Должно быть, нѣчто очень важное, если послано заказнымъ. Онъ столько времени собирался написать ей, хотѣлъ все объяснить, просить у нея совѣта; откладывалъ со дня на день, какъ будто боялся чего-то. И Ольга Петровна изъ за него не отвѣтила ей. Такъ прошли недѣли. И вдругъ сегодня отъ Тани для него заказное письмо. Ключъ сухимъ щелчкомъ повернулся въ замкѣ. Въ корридорѣ темно. Изъ комнаты направо, гдѣ жилъ недавно въѣхавшій студентъ-химикъ, доносились возбужденные юношескіе голоса. Тамъ играли въ карты. Ощупью пробравшись къ своей двери, Колобовъ, какъ былъ въ шляпѣ, въ мокромъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, съ портфелемъ

подмышкой, бросился къ письменному столу. Въ дождливой полутьмѣ на бюварѣ смутно сѣрѣлъ квадратъ письма. Онъ зажегъ лампу подъ зеленымъ куполомъ и нервно вздрагивающими пальцами схватилъ конвертъ. Въ немъ было два листа бумаги. Одинъ побольше, другой мелко сложенный. Николай Васильевичъ развернулъ сперва послѣдній. Въ немъ что-то было напечатано блѣднымъ машиннымъ шрифтомъ. Печати съ сокращенными названіями совѣтскихъ учрежденій толпились подъ неразборчивой подписью. Предчувствіе чего-то безповоротно свершившагося холодными пальцами сжало ему сердце. Передъ глазами въ туманѣ плыли строки, печати и комариныя ножки незнакомой подписи. Мало по малу буквы приняли нормальный видъ и сложились въ оффиціально - равнодушное предложеніе. «Гражданину Николаю Колобову, Берлинъ. — Вашъ бракъ объявляется расторгнутымъ по желанію гражданки Татьяны Демидовой. — Управляющая ЗАГС'омъ — М. Петренко».

Холодные пальцы предчувствія не обманули. Его бракъ расторгнутъ по желанію гражданки Татьяны Демидовой. Какъ-то не клеится дѣвичья фамилія со знакомымъ образомъ его Тани. Давно прошли тѣ свѣтлые дни ожиданія, когда она для него была Татьяной Демидовой. И вотъ теперь, послѣ долгихъ лѣтъ, они снова чужіе. Онъ — Колобовъ, она — Демидова. Но почему, почему такъ внезапно, не предупредивъ, не спросивъ. Сколько разъ обѣщалъ онъ Любѣ написать женѣ о разводѣ и все откладывалъ. Никакіе Любины упреки, никакія слезы не могли его заставить сдѣлать этотъ рѣшительный шагъ, ибо въ самой глубинѣ его души что-то все время надѣялось на неожиданное внѣшнее событіе, которое все измѣнитъ и отдастъ ему настоящую Таню. Теперь все рухнуло. Таня окончательно ушла изъ его жизни. Онъ одинъ. — Горькая, тяжелая тоска сдавила ему виски. Онъ опустился въ кресло передъ письмен-

нымъ столомъ; портфель скользнулъ къ его ногамъ; промокшее пальто пахло сырой собачьей шерстью и дымомъ. Передъ нимъ на столѣ сѣрѣлъ разорванный конвертъ, рядомъ второй, побольше, листъ бумаги. Письмо. Онъ жадно раскрылъ его и приблизилъ къ лампѣ. Татьяна Александровна писала карандашемъ, буквы были не такъ четки, какъ обычно: «Ты долженъ понять меня, Николай, и простить мое внезапное рѣшеніе; намъ лучше совсѣмъ разойтись и навсегда. Я понимаю — тебѣ трудно было просить у меня развода, ты не могъ рѣшиться, ты, вѣрно, надѣялся, что я первая предложу тебѣ разойтись. Какъ видишь, ты не ошибся. Мое письмо къ Ольгѣ Петровнѣ осталось безъ отвѣта. Я думала, что оно поможетъ тебѣ разобраться въ твоихъ чувствахъ, но твое молчаніе еще больше укрѣпило меня въ моемъ рѣшеніи. Ты свободенъ, Николай. Мы больше другъ другу не мѣшаемъ. Единственное, что могло бы связать насъ — ребенокъ — родился мертвымъ. И прошлое умерло. Мы оба измѣнились. Мы принуждены итти по разнымъ дорогамъ. Ты женишься, и я, можетъ быть, выйду замужъ. Мнѣ нуженъ товарищъ, сотрудникъ въ работѣ, въ созидательномъ трудѣ, которому мы всѣ здѣсь посвящаемъ наши годы, борясь и преодолѣвая препятствія. Ты отъ насъ отсталъ, ты ищешь удовлетворенія въ иномъ. Твой міръ исчезъ съ лица земли и живетъ только еще въ нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ мечтателяхъ и поэтахъ. Я же нашла себѣ мѣсто въ новомъ мірѣ, прочное мѣсто, удовлетворяющее меня вполнѣ. Будь счастливъ, Николай. А если не найдешь тамъ на чужбинѣ того, чего ищешь, и разочаруешься во всемъ, пріѣзжай къ намъ. Мы найдемъ тебѣ пристанище. Одно хочу еще сказать на прощанье: я любила одного тебя за всю мою жизнь и больше никого никогда не полюблю. Я благодарю тебя за все пережитое вмѣстѣ, за горести и радости. Будь счастливъ, не поминай меня лихомъ. Таня».

Рѣзко зазвенѣлъ телефонный звонокъ въ прихожей. Чьи-то шаги въ домашнихъ туфляхъ зашаркали по корридору. Николай Васильевичъ встрепенулся. Провелъ рукой по глазамъ и всталъ. Снявъ мокрое пальто и шляпу, онъ поднялъ портфель съ пола и сталъ аккуратно изъ него вынимать и складывать въ пачку дѣловыя бумаги. Плечи его сутулились, глаза глубоко впали. Онъ былъ внѣшне совершенно спокоенъ. Письмо и извѣщеніе о разводѣ онъ вложилъ въ боковой ящикъ письменнаго стола и заперъ его на ключъ.

За окномъ наступилъ сырой ноябрьскій вечеръ. Не было ни земли, ни неба; только столбы фонарнаго свѣта съ ясно видной въ нихъ паутиной дождя и желтыя лица прохожихъ подъ черными грибами зонтовъ. Николай Васильевичъ за письменнымъ столомъ склонился надъ работой. Цифры сплетались въ гирлянды и распадались отдѣльными букетами на бѣломъ листѣ. Усталость щипала ему вѣки. Онъ поднялъ глаза и подвинулъ поудобнѣе лампу. Прохладный лучъ свѣта скользнулъ по столу и окуталъ матовымъ блескомъ большой портретъ Татьяны Александровны въ темной рамкѣ. Колобовъ вздрогнулъ. Его глаза впились въ каріе глаза Тани, такіе покорные на фотографіи, такіе родные. Красивыя губы мягко улыбнулись ему. Онъ рѣзко схватилъ портретъ, сунулъ его въ ящикъ, гдѣ лежало письмо, и снова заперъ на ключъ. И вдругъ его плечи затряслись отъ сдерживаемыхъ рыданій. Наконецъ, одна тяжелая слеза упала на листъ бумаги и цифры въ одномъ мѣстѣ растаяли въ синюю кляксу. Николай Васильевичъ плакалъ третій разъ за всю свою жизнь взрослаго человѣка: въ первый разъ послѣ гибели сестры, а во второй, когда армія Юденича, въ которой онъ сражался противъ большевиковъ, подступившая было къ самому Петербургу, должна была повернуть обратно передъ красными войсками. Оба раза все казалось потерянымъ. Но онъ былъ молодъ тогда. Те-

перь для него все кончено. Съ уходомъ Тани порвалась послѣдняя нить, связывавшая его съ прошлымъ. Передъ нимъ одинокій путь на чужбинѣ, среди равнодушныхъ — темная, безотрадная дорога, уходящая въ неизвѣстность.

XVII.

Снѣгъ падалъ съ утра большими плоскими хлопьями. На крышахъ узкихъ домовъ образовались пуховыя шапки. Фонари нарядились въ пушистые шарфы. Морозъ стоялъ не сильный. Въ воздухѣ то и дѣло чувствовались талыя струи. Снѣгъ безшумно стлался по свѣтлымъ уличкамъ маленькаго голландскаго города. Аккуратныя, ватныя полосы лежали на темныхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Накинувъ бѣлую мантію на плечи бронзовому Вильгельму Оранскому, вѣтеръ погналъ снѣжинки по городскому парку. Утро было пустое и чистое. Часы на старой колокольнѣ пробили половину девятаго. На главной улицѣ стали открываться магазины. Съ шумомъ откидывались ставни, гремѣли звонки и засовы, скрипѣли двери и чисто вымытые, добродушные продавцы весело переговаривались на своемъ широкомъ, уютномъ языкѣ. Они торопились привести все въ порядокъ до девяти часовъ, такъ какъ имъ предстоялъ нынче оживленный день. Было четвертое декабря, канунъ «Санта-Клаусъ», большого праздника въ Голландіи. Для голландцевъ «Санта-Клаусъ» (Св. Николай) то же самое, что для другихъ странъ Рождество — день подарковъ. Въ этотъ день особенно волнуются дѣти. Имъ разсказываютъ, что самъ «Санта-Клаусъ» вмѣстѣ со своимъ слугой «Чернымъ Петромъ» ѣздитъ по крышамъ на осликѣ. У «Чернаго Петра» за спиной мѣшокъ съ подарками и громадный вѣникъ розогъ. «Санта-Клаусъ» опускаетъ въ

трубу каждаго дома подарокъ или розги, смотря по тому, какъ ведутъ себя дѣти, проживающія тамъ. Четвертаго декабря вечеромъ дѣти ставятъ свои ботиночки въ каминъ и утромъ находятъ въ нихъ дары «Санта-Клаусъ».

Въ маленькомъ предмѣстьѣ, куда шелъ новый чисто выкрашенный вагонъ трамвая, было еще совсѣмъ тихо. Конусообразные домики тянулись яркими рядами среди снѣжныхъ полей. Въ крошечныхъ садикахъ за деревянной оградой воробьи возились въ снѣгу. Кромѣ ихъ тонкихъ голосовъ и рѣзкаго гудка промчавшагося автомобиля тишина стояла полная, непоколебимая. Миромъ Елисейскихъ Полей вѣяло отъ этой снѣгомъ запушенной страны.

По пустынной дорогѣ выѣхалъ почтальонъ на велосипедѣ. Онъ ловко соскочилъ у дверей одного изъ домовъ, на которомъ красовалась ярко начищенная мѣдная дощечка:

Гендрикъ ванъ-Дюренъ, д-ръ медицины.
Пріемъ отъ 3 - 6; по субботамъ отъ 2 - 4.

Онъ прислонилъ велосипедъ къ забору и, сунувъ двѣ газеты и одно письмо въ отверстіе, предназначенное для почты, позвонилъ два раза. Послышались шаги и дверь отворилась. На порогѣ появилась молодая дѣвушка со свѣтлыми волосами въ темномъ шерстяномъ платьѣ. Почтальонъ, уже отъѣхавшій немного, обернулся и широко улыбнулся ей, приложивъ руку къ козырьку. Она привѣтливо кивнула ему и, посмотрѣвъ вопросительно на небо, вошла въ домъ, закрывая за собою дверь. Съ газетами подмышкой и съ письмомъ въ рукѣ она вошла въ столовую:

— Мамъ, письмо отъ Бѣлки, наконецъ-то. И твои газеты, папъ.

Она положила газеты рядомъ съ приборомъ отца. Госпожа ванъ-Дюренъ, сѣдѣющая, уютная, съ молодыми, голубыми глазами, протянула руку къ письму.

— Дай-ка, Мышенокъ, выругать надо твою сестру за такое долгое молчаніе. Погоди, напишу я ей сегодня нѣсколько теплыхъ словъ.

Она старалась говорить сердито, но улыбающіеся глаза противорѣчили ея словамъ. Д-ръ ванъ-Дюренъ аккуратно развернулъ газету и, хитро посмотрѣвъ поверхъ очковъ на жену, пробасилъ:

— Твое воспитаніе, Неллъ, дѣвчонки никого и ничего не боятся. Онѣ попадутъ еще, Богъ знаетъ, куда. И во всемъ ты сама виновата.

Госпожа ванъ-Дюренъ улыбнулась мужу и, поймавъ на себѣ его послѣ тридцати лѣтъ супружеской жизни все еще влюбленный взглядъ, пожала ему руку:

— Также и твое, Гендрикъ, ты ихъ еще больше балуешь, чѣмъ я.

Докторъ покачалъ головой и галантно поцѣловалъ руку женѣ. Письмо отъ старшей дочери изъ Берлина госпожа ванъ-Дюренъ читала вслухъ. Младшая дочь, Ада, прозванная Мышкой, и самъ докторъ, отложивъ свою газету, внимательно слушали. Старая прислуга, вошедшая, чтобы убрать со стола, остановилась въ дверяхъ послушать, что пишетъ барышня Тиціа. Ровно и мягко звучалъ голосъ г-жи ванъ-Дюренъ въ маленькой, свѣтлой столовой. За окномъ снѣгъ все падалъ хрупкими звѣздами, застилая подвижной завѣсой бѣлые кусты въ саду и далекое пустое поле. На подоконникѣ стояли стекляныя банки съ луковицами, бережно прикрытыя бумагой. Изъ этихъ банокъ ранней весной появятся сперва зеленые росточки, а затѣмъ и восковые колокольчики гіацинта или пестрыя тюльпанныя чаши.

Мышка, облокотившись на столъ подлѣ матери, жадно слушала. Ей такъ хотѣлось въ Берлинъ къ сестрѣ, но средства доктора ограничены. Она должна ждать, когда Тиціа кончитъ академію, станетъ настоящей художницей и будетъ сама зарабатывать. Тогда она Мышку возьметъ къ себѣ и опредѣлитъ

ее въ консерваторію, потому что Мышка очень любитъ игру на роялѣ, и профессоръ въ Амстердамѣ, къ которому ее возили нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сказалъ, что у нея большой талантъ. Пока что она играетъ дома, въ угловой гостиной на старомъ разстроенномъ роялѣ, у котораго лѣвая педаль отчаянно скрипитъ и нѣсколько клавишъ вовсе бездѣйствуютъ. Папъ все говоритъ, что Мышкѣ рано думать о Берлинѣ; она успѣетъ. Мышкѣ всего семнадцать лѣтъ, а Тиціи уже двадцать восьмой. Мышка явилась на свѣтъ нежданно, негаданно, поэтому ей такъ обрадовались, такъ балуютъ ее. Когда она стала ходить въ школу, Тиціа какъ разъ окончила заниматься и уѣхала къ тетѣ Алейдѣ, у которой она прожила полтора года. Тетя, сестра отца, бездѣтная вдова, очень богатая, скучавшая одна въ своемъ большомъ домѣ, такъ обрадовалась племянницѣ, что не хотѣла отпускать ее. Тиціа совсѣмъ покорила старуху своей веселой беззаботностью и добилась того, что скупая вдова рѣшила дать племянницѣ возможность жить въ Берлинѣ и учиться живописи въ тамошней академіи. Такимъ образомъ, Мышка росла одна среди старшихъ. Сестру она видѣла только на Рождество, на Пасху и въ лѣтнія каникулы. Младшая благоговѣла передъ старшей и старалась во всемъ подражать ей. Вечерами въ ихъ совмѣстной бѣлой спаленкѣ Тиціа разсказывала Адѣ о берлинской жизни, объ академіи, о своихъ знакомствахъ и встрѣчахъ. Мышка слушала, развѣсивъ уши. И ночью ей часто снились элегантные кавалеры во фракахъ, цѣлующіе ей руки подъ звуки джазъ-банда въ громадныхъ, цвѣтами разукрашенныхъ залахъ.

Однажды лѣтомъ, три года тому назадъ, Бѣлка не пріѣхала, какъ всегда, въ іюлѣ и долго не отвѣчала на встревоженныя письма родителей. Наконецъ, пришла телеграмма: «Счастлива, все хорошо, письмо слѣдуетъ. Цѣлую всѣхъ. Тиціа». Но письма все не было. Прошли августъ, сентябрь, отъ Бѣлки прихо-

дили только короткія открытки. Въ одинъ туманный вечеръ конца октября она пріѣхала, никого не предупредивъ. Блѣдная, похудѣвшая, точно послѣ тяжелой болѣзни, она крѣпко обняла ахнувшую мать и долго плакала на ея плечѣ. Отецъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину, то и дѣло протирая стекла очковъ носовымъ платкомъ. Съ сестрой Бѣлка говорила мало. Она все больше сидѣла у окна и смотрѣла на тонкія безконечныя нити дождя. Ея руки, обычно такія жизнерадостныя, всегда занятыя чѣмъ-то, безучастно лежали на колѣняхъ. Мышка ни о чемъ не спрашивала. Она видѣла, что сестра страдаетъ, и старалась всѣми своими маленькими силами помочь ей. Однажды за обѣдомъ, когда Бѣлка, поспѣшно вставъ со стола, выбѣжала изъ столовой съ громкимъ плачемъ, Мышка хотѣла броситься за ней, но мать остановила ее, сказавъ тихо и внушительно:

— Не надо, Мышенокъ, оставь сестру. Пусть поплачетъ. У нея большое горе. Она должна была выйти замужъ за одного человѣка, а онъ оказался недостойнымъ. Понимаешь, дѣтка?

Мышка серьезно кивнула головой и сѣла на свое мѣсто. Обѣдъ закончился молча. Отецъ хмурился, мать поглядывала на дверь, за которой исчезла Тиціа.

Пошли однообразные дни, недѣли; Мышка старалась развеселить сестру, разсказывала ей случаи изъ школьной жизни, представляя въ лицахъ всѣхъ учителей и директоршу съ фальшивыми зубами. Иногда Бѣлка нехотя улыбалась, чтобы не огорчать сестру, и Мышка, видя эту тѣнь улыбки на похудѣвшемъ лицѣ старшей, прыгала отъ радости по комнатѣ, натыкаясь на столы и стулья. Мало по малу горькія складки стали разглаживаться на лицѣ Тиціи и настоящая улыбка, даже смѣхъ засвѣтились въ ея зеленоватыхъ глазахъ. Послѣ Новаго Года Тиціа вернулась въ Берлинъ, еще немного неувѣренная, но спокойная, и, послѣ длительнаго ничегонедѣланія,

рвущаяся къ любимой работѣ. Мышка снова осталась одна съ родителями. Прошло два года. Мышка кончила училище и, видя ея громадныя способности къ музыкѣ, госпожа ванъ-Дюренъ поѣхала съ ней въ Амстердамъ къ знаменитому профессору, который, выслушавъ ея технически слабо, но съ большимъ чувствомъ сыгранные ноктюрнъ и два этюда Шопена, сказалъ, что у дѣвочки безусловный талантъ и ее надо непремѣнно опредѣлить въ консерваторію. Мышка, мечтавшая устроиться вмѣстѣ съ сестрой, стала умолять отца отпустить ее въ Берлинъ. Но докторъ, жившій исключительно своей немногочисленной практикой, долженъ былъ съ тяжелымъ сердцемъ отказать дочери въ ея просьбѣ. Мать ободряла ее.

— Ничего, Мышенокъ, ты еще такъ молода; погоди, Тиціа кончитъ академію, сниметъ себѣ ателье, устроится, тогда и ты поѣдешь къ ней.

Мышка тайкомъ отъ родителей написала письмо теткѣ Алейдѣ съ просьбой дать ей возможность хотя бы мѣсяцъ побыть въ Берлинѣ. Тамъ она, можетъ быть, найдетъ уроки музыки и сама себѣ заработаетъ на ученіе. Но тетка ей не отвѣтила вовсе. Кончивъ училище, она стала заниматься съ дѣтьми младшихъ классовъ. Она учила ихъ рукодѣлію, пѣла съ ними дѣтскія хоровыя пѣсенки, играла съ ними въ разныя игры. Малыши ее страшно любили и, встрѣчая на улицѣ, съ радостными воплями бѣгали за ея велосипедомъ. Мышка и дома была незамѣнимымъ помощникомъ матери и старой Катерины; она помогала чистить ягоды и овощи для вареній и соленій. Цвѣтами въ садикѣ завѣдывала она одна. Въ каждое время года на обѣденномъ столѣ и во всѣхъ остальныхъ вазахъ и чашахъ дома красовались художественные букеты. По вечерамъ она обычно играла для родителей Шопена или Моцарта. Докторъ, вернувшись съ позднихъ визитовъ изъ города и плотно пообѣдавъ, любилъ дремать за газетой подъ

легкіе, какъ снѣжинки, прозрачно чистые звуки Моцарта. А госпожа ванъ-Дюренъ, выдавъ Катеринѣ распоряженіе къ завтрашнему дню, усаживалась въ уютное старое кресло въ гостиной и, штопая чулки, уплывала далеко, далеко назадъ къ своей молодости подъ тоскующій прибой шопеновскихъ прелюдій.

Итакъ въ семнадцать лѣтъ Ада ванъ-Дюренъ, прозванная Мышкой, была вполнѣ счастлива. Ея жизнь текла по ровному руслу. Съ одной стороны родители, которыхъ она обожала, школа, хозяйство, цвѣты, письма Тиціи. Съ другой — музыка. Ненасытная жажда звуковъ, дикое желаніе творить чудеса на черныхъ и желтыхъ клавишахъ, окутать весь міръ плѣнительной тканью звуковыхъ волнъ. Музыка была ея единственной любовью, другой любви она еще не знала. Часто въ весенніе дни въ городскомъ паркѣ ея сіяющіе глаза, шелковые, какъ лепестки чайной розы, волосы, ея стремительная молодая походка и свѣжесть сшитыхъ домашней портнихой платьевъ, притягивали любопытные глаза мужчинъ. И влюбленные взгляды окутывали ея станъ ласковымъ тепломъ. Но это оставляло ее равнодушной. Несмотря на внѣшность расцвѣтающей женщины, Мышка была еще совсѣмъ ребенкомъ. Лучше всего она чувствовала себя въ классѣ среди своихъ учениковъ и ученицъ. Тамъ она могла быть сама собою, могла играть въ веселыя игры, вырѣзывать куклы изъ картона, возиться на полу съ игрушечной желѣзной дорогой и строить для мальчиковъ мельницы и настоящіе корабли изъ деревянныхъ кубиковъ. Госпожа ванъ-Дюренъ, глядя на младшую дочь, вспоминала свою собственную молодость. Она была точно такая же въ семнадцать лѣтъ, такъ же ничего не знала о жизни и о любви — когда вдругъ появился Гендрикъ ванъ-Дюренъ, бѣдный студентъ-медикъ, и въ одинъ мигъ пролетѣли вѣка. Много тяжелыхъ мѣсяцевъ нужды и лишеній пережила она женою студента, ни минуты ни о

чемъ не сожалѣя. Она полюбила въ первый разъ и навсегда. То же, вѣрно, будетъ и съ Мышкой. Ее любовь тоже преобразитъ внезапно, превратитъ изъ беззаботнаго ребенка въ женщину.

Пока что Мышка хохочетъ до слезъ. Тиціа описываетъ одного новаго профессора въ академіи, который такъ разсѣянъ, что часто обращается съ вопросомъ къ гипсовымъ фигурамъ, стоящимъ въ залѣ, принимая ихъ за учениковъ. Настроеніе у Бѣлки, повидимому, хорошее. Она пишетъ, что довольна своей работой, которая подвигается вполнѣ успѣшно, и даже получила заказъ на два небольшихъ панно для загороднаго дома одного банкира. На заработанныя деньги она всѣмъ дома привезетъ подарки. Но только къ Рождеству, такъ какъ «Санта-Клаусъ» на носу, а она еще далеко не готова. Пансіономъ она по-прежнему довольна, жильцы всѣ очень милые и тихіе. Съ одной пожилой русской дамой она даже какъ-то разговорилась, и онѣ, видно, пришлись другъ другу по душѣ. Хозяйка, Frau Doktor Naumann, хорошо смотритъ за нею, кормитъ недурно, и аккуратно штопаетъ ей чулки. Въ концѣ письма приписка для Мышки. «Тебѣ, Мышенокъ мой, привезу фотографическій аппаратъ. Здѣсь можно получить хорошій очень дешево. Ты рада?».

Ада покраснѣла, глаза ея заискрились. Ея долголѣтняя мечта имѣть фотографическій аппаратъ осуществляется. Душка Бѣлка, какая она хорошая. Госпожа ванъ-Дюренъ съ растроганной улыбкой вложила письмо обратно въ конвертъ. Слава Богу, Тиціа въ хорошемъ настроеніи, довольна своими успѣхами и скоро пріѣдетъ домой. Докторъ всталъ изъ за стола и, вынувъ серебряные часы изъ жилетнаго кармана, воскликнулъ:

— Уже десять часовъ. Мнѣ пора къ старику Бенсу. Онъ вѣрно, бѣдняга, ждетъ не дождется меня. Ревматизмъ его на этотъ разъ здорово схватилъ.

Поцѣловавъ руку жены и свѣтлые завитки на

лбу младшей дочери, онъ направился къ выходу. У дверей онъ еще разъ обернулся и напомнилъ женѣ:

— «Неллъ, не забудь къ пріѣзду Бѣлочки купить у Мейера этотъ пряничный хлѣбецъ, который она такъ любитъ».

Госпожа ванъ-Дюренъ ласково кивнула ему и онъ вышелъ въ свой кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ за нимъ захлопнулась входная дверь. Госпожа ванъ-Дюренъ все еще смотрѣла молодыми, нѣжными глазами на дверь, черезъ которую вышелъ мужъ. Мышка сзади обняла мать за плечи и весело кинула:

— «Какая ты у меня молодая, мамъ, и красивая. Ну совсѣмъ, какъ невѣста».

Щеки госпожи ванъ-Дюренъ по дѣвичьи заалѣли.

— «Какой хорошій у тебя отецъ, Ада. Ты должна крѣпко, крѣпко любить его и гордиться имъ».

Мышка прижалась щекой къ материнскому плечу.

— «Ты же знаешь, мамъ дорогой, какъ я тебя и папу люблю. И Тицію тоже. И больше никого, никого, только музыку».

— «Ты у меня хорошій, Мышенокъ. Богъ тебѣ дастъ много, много радости въ жизни».

Звонокъ у входной двери прервалъ изліянія матери и дочери. Старая Катерина пошла открывать. Это былъ зеленщикъ, привезшій изъ города яркую морковь, мѣшокъ съ картошкой и холодную, хрусткую капусту. Госпожа ванъ-Дюренъ пошла съ нимъ расплачиваться. Мышка повертѣлась въ столовой, поправила букетъ еловыхъ вѣтокъ и омелы въ темно-синей вазѣ на обѣденномъ столѣ и, тихо напѣвая одну изъ хоровыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ, которую она разучивала съ учениками, она прошла въ свою свѣтлую комнатку. Тамъ было снѣжно и тихо. Пахло фіалковымъ мыломъ, нагрѣтой кожей книжныхъ переплетовъ и чистотой. Мышка сѣла за письменный столъ, взяла листъ бумаги и стала записывать по-

купки къ празднику для дома и для своихъ малышей. Ей была поручена раздача подарковъ въ школѣ въ день «Санта-Клаусъ», и она хотѣла каждому ребенку еще прибавить мелочь отъ себя. Денегъ у нея было немного, но она умѣла обрадовать ничтожной вещицей, разукрасивъ ее ленточкой, цвѣткомъ или вышивкой. Закончивъ свой списокъ, Ада подняла глаза. За окномъ рѣяли снѣжинки. Вѣтеръ отгибалъ еловую вѣтку, посыпанную снѣгомъ, точно солью, и равномѣрно ударялъ ею о стекло. Снѣгъ сыпался съ нея на внѣшній подоконникъ, образовывая рыхлый холмикъ. Вдругъ откуда-то выпорхнулъ воробей, совсѣмъ еще молодой съ куцымъ хвостикомъ. Со всего размаха бухнулся въ снѣжную горку и забарахтался въ ней съ наслажденіемъ. Ада внимательно слѣдила за нимъ. Его неловкія движенія забавляли ее. Внезапно теплая волна жалости къ маленькому безпомощному существу охватила ее всю съ невѣдомой ей до сихъ поръ силой. Ея глаза наполнились слезами. Жгучая, томительная нѣжность выросла въ ней мгновенно, расправила свои радужныя крылья, готовая къ полету.

XVIII.

Тиціа ванъ-Дюренъ вышла отъ нотаріуса взволнованная, раскраснѣвшаяся. Вечерній майскій воздухъ обвѣвалъ ея горячія щеки. Первая, пушистая, какъ одуванчикъ, звѣзда расцвѣтала въ прохладномъ небѣ. Она шла вдоль канала. Вмѣстѣ съ нею двигались два ряда узкихъ, темныхъ домовъ, одинъ вдоль улицы, другой, опрокинутый въ водѣ. По горбатому мосту задребезжала телѣга. Лошади звонко отфыркивались отъ кнута. Тиціа шла быстро. Ея простое дорожное пальто развѣвалось вокругъ колѣнъ. Прижавъ сумочку локтемъ и глядя прямо передъ собою, она спѣшила къ поѣзду. На вокзалѣ уже были зажжены огромные фонари. Сонная синева майскаго вечера тонула въ ихъ бѣломъ обнажающемъ свѣтѣ. Тиціа успѣла только добѣжать до вагона, вскочить на подножку и упасть на мягкое сидѣнье, какъ поѣздъ тронулся. Въ купэ еще не было свѣта. Выѣхавъ изъ вокзала, поѣздъ ускорилъ ходъ. Въ окнѣ тянулись луга, перерытые узкими каналами, по которымъ скользили парусныя лодки. Изъ вагона нельзя было различить каналовъ. Казалось, одни паруса движутся по темнѣющей травѣ. На горизонтѣ черными точками маячили вѣтряныя мельницы. Кромѣ Тиціи въ купэ были еще двое: мужъ и жена. Ихъ лица не выражали ничего кромѣ тупого любопытства. Тиціа отвернулась отъ нихъ и стала глядѣть въ окно. Невольная улыбка блуждала на ея губахъ. Она повторяла про себя слова стараго нотаріуса: «Итакъ, дорогая

барышня, вы являетесь единственной наслѣдницей усопшей тетушки вашей, госпожи Алейды Гартеманъ. Еще при жизни покойница отдѣлила часть своего имущества въ пользу дѣтскаго пріюта имени ея покойнаго супруга. Остальное же она завѣщала вамъ, своей любимой племянницѣ». Онъ взялъ со стола большой листъ гербовой бумаги съ печатью и подписями и, быстро пробормотавъ начальныя строки про себя, сталъ читать вслухъ:

«... моей племянницѣ, Тиціи Гендрикъ ванъ-Дюренъ, завѣщаю мой домъ № 23 по улицѣ Вильгельма Молчаливаго въ Утрехтѣ съ полнымъ инвентаремъ. Также

Флориновъ 10.000 — 6% Нидерландскаго займа — 10.400. —
10.000—4½% Того же займа— 10.200. —
12.000 — Амстердамскаго Каучука — 14.800. —
6.000 — Амстердамскаго Торговаго Объединенія
и 21.000 — наличными деньгами,

на общую сумму — Флориновъ 62.400 —, депонированныхъ мною въ Ротердамскомъ Банковомъ Объединеніи, Ротердамъ...».

Еще и сейчасъ, при воспоминаніи, холодная, сладкая дрожь пробѣгаетъ по ея спинѣ. Она богата! Она, значитъ, и папъ, и мамъ и Мышка. Мышка поѣдетъ съ нею въ Берлинъ, будетъ заниматься музыкой. Ей хотѣлось толкать паровозъ, скорѣе, скорѣе разсказать всѣмъ дома. Бѣдная тетка Алейда! Никого кромѣ нея, Тиціи, она не любила и ее никто не любилъ. Умерла она совсѣмъ одиноко въ своемъ большомъ пустомъ домѣ. Когда пріѣхалъ братъ съ женой и примчалась Тиціа изъ Берлина, она уже лежала притихшая, странно вытянувшись въ своемъ лучшемъ черномъ шелковомъ платьѣ, которое она при жизни жалѣла надѣвать. На похоронахъ кромѣ семьи и дѣтей изъ пріюта имени ея мужа никого не

было. Скупая, замкнутая старуха не имѣла друзей. Родственники всегда пророчили Тиціи, что тетка оставитъ ей все свое состояніе, она же не хотѣла этому вѣрить. Кромѣ того, проживъ почти два года возлѣ старухи и наслушавшись ея вѣчныхъ жалобъ и вздоховъ о томъ, что люди почему-то считаютъ ее богатой, тогда какъ ей еле хватаетъ на жизнь, Тиціа невольно перестала вѣритъ въ богатство тетки. Получивъ приглашеніе пріѣхать въ Утрехтъ къ нотаріусу по дѣлу наслѣдства усопшей госпожи Алейды Гартеманъ, она была увѣрена, что рѣчь идетъ только о домѣ въ Утрехтѣ, который ей тетка еще при жизни всегда обѣщала. Неожиданно навалившееся на нее богатство совсѣмъ ошеломило ее. Она сидѣла въ вагонѣ вся натянутая, какъ струна, и улыбалась пролетающимъ огнямъ. Наконецъ, поѣздъ замедлилъ ходъ, въѣзжая въ длинную, узкую галлерею вокзала. Посреди платформы, приподымаясь на цыпочки, чтобы лучше видѣть, стояла Мышка. Черная шапочка обрамляла ея свѣтлое личико. Въ семьѣ ванъ-Дюренъ всѣ добросовѣстно носили трауръ по теткѣ Алейдѣ.

Увидавъ сестру, Тиціа замахала ей изъ окна и, не давъ поѣзду какъ слѣдуетъ остановиться, бросилась ей на шею.

— «Мышка, Мышка, е... если бы ты знала...»

Она отъ волненія стала заикаться.

— «Тетя о... оставила мнѣ деньги! 60.000! И домъ! Мы богаты! Мышенокъ, ты ѣдешь въ Берлинъ со мной».

И не выдержавъ, она схватила Аду тутъ же на платформѣ и поцѣловала въ обѣ щеки. Грузный носильщикъ, проходившій мимо съ тяжелымъ чемоданомъ на плечахъ, сперва выругалъ сестеръ за то, что онѣ стояли на его пути, но увидавъ ихъ счастливыя лица, широко улыбнулся, пробормотавъ что-то вродѣ извиненія. Тиціа взяла младшую подъ руку и обѣ направились къ выходу. Вечерній воздухъ показал-

ся имъ рѣдчайшимъ старымъ виномъ. Мышкины мысли, необузданныя, стремглавъ мчались куда-то; она еле поспѣвала за ними: Берлинъ, консерваторія, собственный рояль, новыя платья, театры, концерты. Все это отнынѣ принадлежитъ ей. Стоитъ только протянуть руку. Мурашки забѣгали по ея спинѣ.

Сестры остановились у трамвайной остановки. Вдругъ Тиціа схватила Мышку за рукавъ.

— «Зачѣмъ намъ ждать трамвая? Возьмемъ автомобиль. Будемъ скорѣе дома. Вѣдь намъ теперь не надо больше экономить каждый сентъ».

Младшая отъ радости взвизгнула. Онѣ побѣжали къ автомобильной стоянкѣ. Гордо кинувъ адресъ шоферу, Тиціа усѣлась въ машину рядомъ съ сестрой. Такси понесся сперва по узкой вокзальной улицѣ, подпрыгивая на шероховатостяхъ мостовой; затѣмъ выѣхалъ черезъ мостъ на широкое, ровное шоссе, ведущее въ предмѣстье. Сестры молча наслаждались быстрой ѣздой, особенно Мышка, рѣдко ѣздившая на автомобилѣ. По дорогѣ мимо нихъ мелькали другія машины и велосипедисты. Въ противоположномъ направленіи, гремя стеклами, проковылялъ освѣщенный трамвай. Мышка посмотрѣла ему вслѣдъ торжествующимъ взглядомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги въ садахъ зацвѣтала черемуха. Ея ароматъ, взбитый вѣтромъ, какъ сливки, пѣнился вокругъ сестеръ. Все казалось имъ необычайнымъ въ этотъ теплый вечеръ. Заманчиво развертывалась передъ ними весенняя дорога.

Услышавъ подъѣзжающую машину, госпожа ванъ-Дюренъ вышла на крыльцо. Обѣ дочери одновременно бросились къ ней на шею и стали цѣловать ее, выкрикивая какія-то совершенно безсвязныя слова. На шумъ явился и самъ докторъ въ домашнихъ туфляхъ, безъ воротничка, съ развернутой газетой въ рукѣ. Увидавъ свою жену, слабо защищавшуюся отъ перебивающихъ другъ друга дочерей, онъ остановился въ дверяхъ и разсмѣялся.

— «Бѣлка, Мышка, вы что, съ ума сошли? Въ чемъ дѣло? Что вы маму бѣдную замучили? Успокойтесь, не говорите обѣ сразу, ничего не понять».

Ада кинулась къ нему.

— «Папъ, слушай, тетя Бѣлкѣ оставила все, все, все, домъ и 60.000 денегъ. Мы богаты, ура!»

Докторъ всплеснулъ руками.

— «60.000 гульденовъ, неужели? Тиціа, а помнишь, ты все время говорила, что у тети вовсе ничего нѣтъ, что напрасно мы ее считаемъ такой богатой. Дѣтки, я счастливъ за васъ. Вотъ и бѣдной Алейдѣ пришлось обрадовать васъ послѣ своей смерти. При жизни она не очень-то старалась объ этомъ».

Госпожа ванъ-Дюренъ обняла Тиціу и Аду со слезами на глазахъ.

— «Какъ я рада, какъ я рада — шептала она. — Бѣлочка, Мышенька, милыя вы мои, какъ вамъ теперь будетъ хорошо. Вы должны быть благодарны памяти вашей тетки, всегда помнить о ней, молиться за нее».

Тиціа, обнявъ мать, зашла съ нею въ домъ, за ними шли Мышка съ отцомъ. Торжественно, парами, вошли они въ столовую и важно поклонившись другъ другу усѣлись за столъ. Старая Катерина явилась съ блюдомъ. Ада вскочила и бросилась къ ней, почти опрокинувъ дымящуюся яичницу.

— «Катерина, тетя Алейда оставила Бѣлкѣ 60.000 гульденовъ и домъ въ Утрехтѣ. Мы теперь богаты, я ѣду въ Берлинъ съ Бѣлкой».

Сморщенное лицо старой прислуги расплылось въ улыбку.

— «Вотъ хорошо, барышня, какъ я рада за васъ. Да благословитъ Богъ душу госпожи Гартеманъ».

Позже вечеромъ, лежа въ постеляхъ, сестры болтали. Тиціа описывала Адѣ въ сотый разъ свою комнату въ пансіонѣ Науманъ, жизнь и обычаи германской столицы. Мышка, облокотившись на подушку, слушала плавную рѣчь сестры, уставившись въ

темноту счастливыми глазами. На слабо сѣрѣющемъ экранѣ окна ей мерещились широкія улицы, залитыя свѣтомъ, яркія рекламы театровъ и кафэ, мчавшіеся по крышамъ желтые вагоны городскихъ поѣздовъ. Часы, мирно тикающіе на комодѣ, поперхнулись, издавая одинъ ударъ. Часъ ночи. Старшая попробовала было водворить благоразуміе.

— «Спать пора, Ада, завтра днемъ обо всемъ поговоримъ, все рѣшимъ; уже очень поздно».

Но напрасно. Мышкѣ не до сна.

— «Бѣлочка, — умоляетъ она, — пожалуйста, не спи. Я такъ совсѣмъ спать не хочу. Разскажи лучше о пансіонерахъ Frau Doktor Naumann. Вѣдь я буду тамъ жить. Должна же я познакомиться съ будущими сосѣдями».

И Тиціа разсказываетъ снова о старомъ майорѣ съ желѣзнымъ крестомъ, о русской вдовѣ полковника съ добрымъ и умнымъ, какъ будто что-то познавшимъ взглядомъ, о двухъ сестрахъ танцовщицахъ, живущихъ въ комнатѣ рядомъ съ кухней, днемъ спящихъ, ночью выступающихъ въ какомъ-то кабарэ, которыхъ она поэтому никогда не встрѣчаетъ. И, наконецъ, о русскомъ инженерѣ Колобовѣ, къ которому недавно пріѣхала жена изъ Россіи. Странная такая, молодая еще съ красивыми, серьезными глазами. Но всегда молчаливая, немного угрюмая. Тиціа мало знакома съ ними. Только за обѣдомъ приходилось встрѣчаться. Онъ очень милый, хорошо говоритъ по нѣмецки, по англійски, по французски, видно, человѣкъ интеллигентный. Онъ потерялъ, какъ и всѣ остальные бѣдные русскіе, все имущество на родинѣ. Жена знаетъ плохо нѣмецкій языкъ. Она съ Тиціей какъ-то за столомъ заговорила по англійски. По ея словамъ, по манерѣ держаться, ей показалось, будто госпожа Колобова не хорошо себя чувствуетъ въ новой обстановкѣ.

— «Но если она любитъ мужа, она должна быть

счастлива, что пріѣхала къ нему» — раздался Мышкинъ чистый голосъ.

Тиціа разсмѣялась.

— «Откуда это ты, Мышенокъ, такія мудрости черпаешь. Развѣ ты знаешь, что значитъ любить?».

Мышка улыбнулась темнотѣ.

— «Пока еще нѣтъ, не знаю, но надѣюсь узнать скоро, скоро».

Старшая вздохнула.

— «Ахъ, маленькій, не торопись, узнаешь достаточно рано. Будь счастлива, радуйся своей свободѣ пока не поздно».

Младшая ничего не отвѣтила. Тиціа, думая, что сестра спитъ, повернулась лицомъ къ стѣнѣ. Возбужденіе прошедшаго дня перешло вдругъ въ пріятное утомленіе и она тутъ же уснула. Но Мышка не спала. Обрывки мыслей, картинъ, вихремъ носились вокругъ нея, не давая ей покоя. Какая-то новая, теплая, безконечная нѣжность ко всему человѣчеству пѣнилась въ ней. Она сама была такъ счастлива, что жаждала всѣхъ людей на свѣтѣ сдѣлать счастливыми. Неясный ароматъ иочной черемухи просачивался черезъ узкую щель плохо запертаго окна и туманилъ Мышкино сознаніе. Дрожащую, переливающуюся тишину издалека прервалъ паровозный свистокъ и мелкій игрушечный стукъ колесъ. Потомъ снова разлилась стоячимъ озеромъ тишина. Мышка заснула, уткнувшись лицомъ въ подушку.

XIX.

Колобовъ вернулся къ письменному столу, сунулъ забытую бумагу въ портфель и вышелъ изъ комнаты. Въ корридорѣ ему навстрѣчу понеслась широкая волна шопеновской прелюдіи. Онъ поморщился. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала сестра голландки, цѣлыми днями, не переставая, надъ пансіономъ Науманъ рѣетъ духъ великаго поляка. По вечерамъ, когда къ роялю присоединяется еще громкоговоритель хозяйки, отъ музыки некуда дѣваться. У входныхъ дверей его ожидала сама Фрау Докторъ съ завернутыми въ глянцевитую бумагу буттербродами. Съ того времени, какъ уѣхала Татьяна Александровна, она съ прежнимъ пыломъ, скрашеннымъ каплей состраданія, снова стала ухаживать за своимъ жильцомъ. Первое время она неодобрительно слѣдила за его образомъ жизни. Теперь же, видя, что онъ все чаще сталъ оставаться дома по вечерамъ, все рѣже звонилъ по телефону «къ это женщинѣ», какъ она съ презрѣніемъ отзывалась о Любѣ Чеботари, ея неодобреніе стало переходить въ чувствительное состраданіе. Для бѣднаго Herr Koloboff она снова штопала носки по вечерамъ за круглымъ обѣденнымъ столомъ подъ оранжевымъ абажуромъ. Кивая въ тактъ шепеляваго вальса, доносившагося изъ нѣдръ громкоговорителя, она глубоко вздыхала, вспоминая другіе носки, которые она когда-то штопала своему незабвенному Эриху.

Въ описываемое утро Фрау Докторъ была осо-

бенно благодушно настроена. Виновникомъ этого подъема былъ счетъ за электричество. На станціи, вѣрно, произошла ошибка, такъ какъ сумма, которую она должна была уплатить, оказалась чуть ли не вдвое меньше той, которую она ожидала. Ничего такъ не подымаетъ настроеніе, какъ маленькій безобидный обманъ государственныхъ учрежденій. Итакъ, почтенная хозяйка пансіона ждала своего жильца у входной двери съ буттербродами въ рукѣ, мечтательно улыбаясь шопеновской прелюдіи. Колобовъ взялъ свой завтракъ изъ рукъ хозяйки, поблагодарилъ и, коротко пожелавъ ей добраго утра, схватился за дверную ручку. Но это не входило въ планы Фрау Докторъ. Выставляя всѣ свои золотые зубы и закативъ глаза въ потолокъ, она положила свою короткую руку на рукавъ его пальто и еле прошептала:

— «Ахъ, Herr Koloboff, какъ прекрасна музыка. Какъ геніаленъ былъ вашъ соотечественникъ, Шопенъ. И какъ чудно воспроизводитъ его младшая фрейлейнъ ванъ-Дюренъ».

Колобовъ почему-то разсердился и раздраженно отвѣтилъ почтенной вдовѣ покойнаго доктора Наумана, высвободивъ свой рукавъ изъ подъ ея руки:

— «Во-первыхъ, Шопенъ не мой соотечественникъ. Во-вторыхъ, у меня отъ всей это музыки голова трещитъ. А въ-третьихъ, простите, я долженъ идти. Добраго утра».

Не успѣла слегка удивленная и не мало уязвленная Фрау Докторъ придти въ себя, какъ Николай Васильевичъ, приподнявъ шляпу, быстро прошелъ мимо. Захлопнулась дверь и послышались на лѣстницѣ его спускающіеся шаги. Фрау Докторъ простояла секунду въ нерѣшительности. Открыть ли ей дверь и высказать этому варвару вдогонку свое возмущеніе или же пожать плечами и съ достоинствомъ промолчать. Она рѣшилась на послѣднее. Она, вдова доктора Эриха Наумана, выше всего этого. Далеко она уѣдетъ, если будетъ реагировать на всякія

выходки невоспитанныхъ азіатовъ. Поднявъ голову, важно поплыла она въ свою кухню. Въ глубинѣ души она была даже немного благодарна Колобову за его рѣзкія слова. Ими онъ далъ ей лишній поводъ гордиться своей чисто германской выдержкой.

Въ это время виновникъ столь возвышенныхъ патріотическихъ чувствъ стоялъ у остановки и ждалъ автобуса. Моросилъ тонкій пронизывающій дождь. По небу трудно было опредѣлить, было-ли утро или вечеръ. Только по заспаннымъ лицамъ, слезящимся отъ вѣтра глазамъ и мокрымъ портфелямъ можно было узнать трудовое берлинское утро. Автобусъ все не шелъ. Николай Васильевичъ тупо глядѣлъ на свои сырѣющіе ботинки. Раздраженіе въ немъ все усиливалось. Его мысли отражали сѣрую завѣсу дождя. Онѣ тянулись скользкія, неповоротливыя, иногда, казалось, застывали вовсе. Прошли двѣ недѣли съ того вечера, когда онъ въ грубомъ конвертѣ съ совѣтской печатью получилъ извѣщеніе о разводѣ и письмо жены. Уже четырнадцать дней! Только четырнадцать дней! Съ того вечера онъ ни разу не видалъ Любы. Онъ не могъ. Мысль о ней ему несносна. Въ своей эгоистической несправедливости онъ видѣлъ въ ней одной виновницу Танинаго отъѣзда и своего развода. На всѣ ея телефонные звонки онъ велѣлъ отвѣчать, что занятъ, ни съ кѣмъ говорить не можетъ. Тогда она стала писать ему отчаянныя письма. Сперва онъ не отвѣчалъ ей. Наконецъ, послѣ одного, въ которомъ она угрожала ему самоубійствомъ, онъ взялъ листъ бумаги и начерталъ всего нѣсколько словъ: «Люба, оставь меня одного, умоляю тебя. Мнѣ необходимы покой и одиночество. Обѣщаю позвонить къ тебѣ, какъ только почувствую себя лучше. Если любишь, не тревожь меня. Дай мнѣ придти въ себя. Николай». Послѣ этого онъ о ней больше ничего не слыхалъ. Его жизнь протекала между бюро и пансіономъ на Ансбахерштрассе. Каждый день одно и то же, совсѣмъ какъ ноябрьскій дождь. Онъ избѣгалъ

всѣхъ знакомыхъ и друзей. Однажды, увидавъ издалека проворную фигуру Лиховецкаго, онъ завернулъ въ боковую улицу, чтобы не столкнуться съ нимъ. Даже съ Ольгой Петровной онъ говорилъ мало. Когда она наводила разговоръ на Таню, онъ круто обрывалъ ее, ссылаясь на отсутствіе времени, на срочную работу и уходилъ къ себѣ. О своемъ разводѣ онъ Кандинской ничего не сказалъ. Каждое слово, напоминающее жену, причиняло ему глухую боль. Онъ страдалъ отъ потери Тани, но не той, которая такъ безжалостно бросила его и уѣхала; та стала ему чужой, почти враждебной; онъ оплакивалъ другую Таню, погребенную навѣки подъ обломками погибшей родины.

Наконецъ, подъѣхалъ автобусъ. Онъ былъ переполненъ. Кондукторъ что-то выкрикивалъ, держась одной рукой за ремень, другой давая сигналъ вожатому. Люди въ блестящихъ макинтошахъ жадно хлынули къ подножкѣ. Тяжелыя, холодныя капли дождя скатывались съ закрываемыхъ зонтовъ прямо на шею несчастнымъ ѣздокамъ. Вздрагивая подъ внезапнымъ душемъ, они бормотали себѣ подъ носъ ругательства по адресу дождя, автобусовъ, кондукторовъ, всего міра вообще. Колобовъ неловко втиснулся въ вагонъ. Тощая дѣвица рядомъ съ нимъ куталась въ общипанную рыжѣющую лисицу, отъ которой несло промокшей кошкой. Автобусъ тронулся. Въ эту минуту подбѣжала дѣвушка въ синемъ дождевикѣ и прыгнула на подножку. Автобусъ рванулся съ мѣста и если бы тутъ же кондукторъ не схватилъ дѣвушку обѣими руками за плечи, она, потерявъ равновѣсіе отъ толчка, полетѣла бы подъ колеса громоздкой машины. Немного блѣдная, съ дрожащей улыбкой, благодарила она кондуктора, сердито читавшаго ей наставленія. Она кивала головой, растерянно оглядываясь по сторонамъ. Кто-то за ея спиной негромко сказалъ:

— «Съ добрымъ утромъ, мадемуазель ванъ-Дюренъ, куда это вы такъ рано?»

Она удивленно обернулась. Увидавъ Колобова, весело кивнула ему.

— «Мнѣ надо въ городъ по дѣлу, а потомъ въ консерваторію. Какая противная погода, я всѣ чулки промочила».

Николай Васильевичъ улыбнулся. Его раздраженіе вдругъ улеглось.

— «Вѣдь вы только что играли шопеновскую прелюдію. Какъ же вы успѣли такъ скоро одѣться и спуститься внизъ?»

Ада беззаботно повела плечомъ.

— «Не знаю, я всегда все скоро дѣлаю. Скоро и тихо. Поэтому меня дома прозвали Мышкой. А сестра, когда была маленькой, любила лазить по деревьямъ, ее и прозвали Бѣлкой».

Она говорила съ легкимъ акцентомъ. Особенно твердо выходила у нея буква «л», какъ будто ихъ была всегда пара. Колобовъ съ улыбкой глядѣлъ на нее. Все въ ней свѣжо и радостно, начиная съ честныхъ дѣтскихъ чуть зеленоватыхъ глазъ до узкихъ коричневыхъ изъ змѣиной кожи ботинокъ. Кто-то, выходя изъ вагона, грубо толкнулъ ее въ спину. Она вскрикнула и растерянно схватилась за Колобова. Николай Васильевичъ, бросивъ въ догонку невѣжливому пассажиру громкое замѣчаніе, заботливо нагнулся надъ Мышкой.

— «Онъ васъ сильно ударилъ, болитъ? Какой грубіянъ. Проучить ихъ надо».

Мышка тряхнула головой.

— «Уже прошло. Я просто въ первую минуту испугалась. Я не привыкла къ такимъ переполненнымъ автобусамъ. У насъ автобусовъ вообще нѣтъ, а трамваи всегда ходятъ почти пустые».

Кругомъ, снисходительно улыбаясь, смотрѣли на тонкую дѣвушку, непривыкшую къ автобусамъ. Мышка весело болтала. Она разсказывала о консерваторіи, о своихъ соученикахъ, о первомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на нее Берлинъ.

— «Многое мнѣ въ немъ нравится, напримѣръ, театры, кино,кафэ, а главное концерты. Но жить уютнѣе у насъ, въ нашемъ домикѣ среди полей».

Раздраженіе въ Колобовѣ улеглось окончательно. Маленькая голландка дѣйствовала на него успокаивающе. «Странно — подумалъ онъ — что я раньше ее не замѣчалъ. Она, кажется, уже нѣсколько мѣсяцевъ здѣсь». И онъ спросилъ:

— «Вы давно въ Берлинѣ, мадемуазель Ада?»

— «Около двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Мы съ сестрой пріѣхали въ первую недѣлю сентября».

Два съ половиною мѣсяца онъ встрѣчалъ ее ежедневно за ужинами, а по субботамъ и воскресеньямъ также за обѣдами и еле замѣтилъ, что рядомъ съ художницей, вернувшейся послѣ долгаго отсутствія, сидѣла ея сестра, тонкая дѣвочка съ нѣжнымъ лицомъ. Правда, онъ былъ поглощенъ своими заботами. Сперва Люба, затѣмъ Танино письмо.

Автобусъ круто повернулъ за уголъ и остановился. Мышка засуетилась.

— «Боже мой, вѣдь это моя остановка. Вотъ заболталась. Еще моментъ, и я проѣхала бы мимо. Ну, всего хорошаго, господинъ Колобовъ, до вечера».

И быстро кивнувъ ему, она соскочила съ подножки. Автобусъ двинулся дальше. Николай Васильевичъ глядѣлъ ей вслѣдъ; на перекресткѣ еще маячилъ ея темно - синій зонтикъ; потомъ пропалъ въ толпѣ ему подобныхъ.

Тихо и ясно было на душѣ у Николая Васильевича, когда онъ входилъ въ свое бюро. Давно уже онъ не испытывалъ такого чувства тишины внутри себя. Всѣ его невзгоды и страданія казались ему такими ничтожными по сравненію съ почти увѣреннымъ ожиданіемъ чего-то радостнаго, которое онъ прочелъ въ открытомъ взглядѣ Ады ванъ-Дюренъ. Если существуетъ такая дѣтская вѣра, то всѣ его сомнѣнія должны быть слѣдствіемъ какой-то роковой ошибки. Сидя за своимъ письменнымъ столомъ, Колобовъ невольно

улыбался. Она сказала « до вечера». И кажется, что вечеромъ она скажетъ ему что-то важное, и онъ пойметъ, почему она, все въ ней, ея глаза, голосъ, движенія, полны такимъ невѣроятнымъ спокойствіемъ и свѣтомъ. Въ этотъ день было много работы. Приходилось сосредоточиться на счетахъ, вести многочисленные разговоры по телефону, подниматься и спускаться по лѣстницѣ въ кабинетъ главнаго директора, диктовать нѣсколькимъ стенотиписткамъ, однимъ словомъ, мысли Николая Васильевича были весь день поглощены работой, и радость, съ которой онъ пришелъ утромъ въ бюро, мало по малу поблекла и стерлась. Только въ самой глубинѣ его души, куда онъ и самъ заглядывалъ рѣдко, блестѣло что-то въ темнотѣ, камушекъ надежды, кинутый случайно и не ушедшій ко дну.

XX.

Въ началѣ декабря выпалъ снѣгъ. Но не долго пришлось лежать ему на берлинскихъ улицахъ. Подулъ мягкій, почти весенній вѣтеръ и превратилъ его въ мягкую липкую жижу шоколаднаго цвѣта. Закапало съ крышъ. Первыя елки, появившіяся на перекресткахъ, уныло мокли подъ изморозью. Дамы защеголяли въ такъ называемыхъ «русскихъ сапогахъ»—резиновыхъ ботикахъ, отороченныхъ мѣхомъ. На улицахъ была рождественская сутолока. Нити серебрянаго дождя уже начинали заволакивать пестрыя витрины. Въ аптекарскихъ магазинахъ весело поблескивали огромные цвѣтные шары, въ которыхъ вверхъ дномъ отражались проѣзжающіе автомобили.

Въ канунъ голландскаго праздника «Санта-Клаусъ» сестры ванъ-Дюренъ, нагруженныя пакетами всѣхъ размѣровъ, влетѣли къ себѣ въ комнату. У нихъ было много дѣлъ: распредѣлить всѣ подарки, одѣться, поужинать и въ восемь часовъ быть въ Филармоніи на концертѣ знаменитаго американскаго дирижера. Сбросивъ бѣличью шубку, Мышка взялась развертывать пакеты. Тиціа зажгла лампу надъ зеркаломъ и стала разглядывать себя спереди и сбоку, наклоняя голову то впередъ, то назадъ.

— «Поди сюда, помоги мнѣ, Бѣлочка, я вѣдь сама никогда не справлюсь» — позвала младшая. Увидавъ сестру въ зеркалѣ, она разсмѣялась. «Ты что это любуешься собою, Бѣлка? Съ тѣхъ поръ

какъ твой сумасшедшій профессоръ сказалъ, что у тебя шея Тиціановской Венеры, ты цѣлыми днями вертишься передъ зеркаломъ».

Старшая пожала плечами.

— «Ну такъ что же, я ищу себѣ новую прическу. Профессоръ сказалъ, что грѣхъ закрывать мою шею волосами, какъ я это до сихъ поръ дѣлала».

Ада весело взглянула на сестру.

— «Изъ насъ обѣихъ ты моложе меня, Бѣлочка. По моему, ты влюблена въ твоего близорукаго профессора, вотъ и все».

На это Тиціа ничего не отвѣтила и въ свою очередь принялась за пакеты.

— «Посмотри, какая дивная вещь, — воскликнула Ада, вынимая изъ шелковой бумаги вазу изъ темно-зеленаго фарфора изящной простой работы. — Мы отвеземъ ее домой, для мамъ. Съ Фрау Докторъ хватитъ и той, хрустальной. Этотъ зеленый цвѣтъ такъ хорошо подойдетъ къ обоямъ въ спальнѣ у мамъ и папъ».

Тиціа взяла вазу изъ рукъ Мышки.

— «Бѣдные наши старички, въ первый разъ они одни проводятъ день «Санта-Клаусъ». Но я, право, не могу ѣхать раньше двадцать второго изъза начатой картины. Да и ты, Мышенокъ, вѣдь только освободишься передъ Рождествомъ изъ консерваторіи?»

— «Да, кажется — двадцатаго числа. Кромѣ того, сейчасъ такъ много интересныхъ концертовъ здѣсь, что я рада, если могу побыть еще немного».

Тиціа взглянула на свои часики.

— «Скоро семь, надо одѣваться. Я думаю надѣть черное, а ты? Ахъ, да, совсѣмъ забыла спросить, дала ли ты билетъ господину Колобову? Знаетъ ли онъ, что ровно въ восемь часовъ начало?»

Ада кивнула.

— «Я видѣла его сегодня утромъ, когда онъ

уходилъ на службу. Сразу послѣ того, какъ ты ушла въ ателье, я сѣла играть. Онъ постучалъ ко мнѣ и зашелъ на минутку. Онъ хотѣлъ спросить, что я играю, ему очень понравилась эта вещь. Знаешь, мой новый Равель. Кстати я тогда и дала ему билетъ».

Старшая испытующе посмотрѣла на младшую.

— «Онъ влюбленъ въ тебя, Ада. Я уже давно это замѣтила. Помнишь, съ того вечера, когда онъ въ первый разъ сидѣлъ съ нами въ гостиной и разсказывалъ о своей жизни, о Россіи. Онъ такъ странно смотрѣлъ на тебя. А ты, Ада, ты ничего не замѣтила? Ты вѣдь часто бываешь съ нимъ одна».

Ада вспыхнула и ниже опустила голову надъ записной книжкой, которую она заворачивала въ бумагу.

— «Ну что ты, Тиціа, вотъ выдумала, господинъ Колобовъ влюбленъ въ меня!»

Она неестественно разсмѣялась. Тиціа еще разъ снизу вверхъ взглянула на сестру, но ничего не сказала. Ада съ усердіемъ продолжала заворачивать записную книжку. Свѣтлая прядь волосъ упала на ея горячую щеку.

— «Я готова, иду одѣваться, а ты?» — обернулась Тиціа къ сестрѣ. — «Все еще возишься? Впрочемъ, Мышенокъ, кому предназначается эта книжка?»

Ада выпрямилась, спокойно посмотрѣла на старшую и немного неувѣреннымъ голосомъ сказала:

— «Для господина Колобова. Его книжка какъ разъ кончилась. Ну вотъ я и подумала...»

Она слегка задумалась. Тиціа пожала плечами.

— «Мнѣ твоя дружба съ этимъ русскимъ совсѣмъ не нравится, Ада. Я думаю, что мамъ и папъ тоже будутъ недовольны. Мы совсѣмъ не знаемъ, кто онъ, откуда, что за человѣкъ. Фрау Докторъ мнѣ недавно намекала о какой-то женщинѣ въ свя-

зи съ нимъ. Ты еще очень молода, сестричка, ты не умѣешь разбираться въ людяхъ. Послушайся меня. Не пускайся съ нимъ въ слишкомъ близкую дружбу; будь осторожна».

Ада опустила голову.

Когда сестры, нарядныя, праздничныя, часъ спустя входили въ ярко освѣщенный, жужжащій, какъ улей, залъ Филармоніи, Николай Васильевичъ Колобовъ поднялся имъ навстрѣчу. Ада въ свѣтло-желтомъ шифоновомъ платьѣ, вся раскраснѣвшаяся, вся улыбающаяся, протянула ему обѣ руки.

— «Вы, раньше насъ, да какъ же это вамъ удалось? Вѣдь когда мы уходили изъ дому, васъ еще не было?»

Тиціа, стройная, въ черномъ, удивилась въ свою очередь.

— «И въ смокингѣ, вы сегодня, вѣрно, на службу смокингъ надѣли?»

Николай Васильевичъ молодо разсмѣялся.

— «Нѣтъ, Mesdames, все это гораздо проще, чѣмъ вы думаете. Я со службы взялъ машину, дома, переодѣваясь, наказалъ Лоттѣ принести мнѣ поѣсть и никому не говорить, что я вернулся. Я боялся, что зайдетъ Фрау Докторъ или госпожа Кандинская и задержитъ меня. Я далъ себѣ слово быть раньше васъ, чтобы насладиться вашимъ появленіемъ».

Онъ свѣтло посмотрѣлъ на Аду. Она опустила глаза. Залъ былъ почти полонъ, но публика все прибывала. Сверкали плечи женщинъ въ перемежку съ чернымъ сукномъ смокинговъ, со старинной зеленоватостью горностая, медовой бархатистостью соболей и нестерпимымъ блескомъ драгоцѣнностей. Въ оркестрѣ настраивались инструменты. Прохладное арпэджіо арфы на мигъ взлетѣло надъ жужжащей толпой. Ему отвѣтило нѣсколько скрипичныхъ стаккатто. Изъ низкой эстрадной двери незамѣтно вышелъ маленькій, сухой человѣкъ во фракѣ; под-

нялся по двумъ ступенькамъ на дирижерскій пультъ и взялъ палочку. Залъ затихъ. Колобовъ и Ада переглянулись. Въ ту же самую минуту прозвенѣлъ первый аккордъ Бетховенской симфоніи. Имъ обоимъ показалось, что звукъ пробѣжалъ по ихъ тѣламъ съ головы до ногъ, соединивъ ихъ неразрывной нитью. Тамъ на эстрадѣ маленькій человѣкъ съ дирижерской палочкой, еле двигаясь, творилъ чудеса. Мелодія флейтъ расцвѣтала отъ теплой ласки скрипокъ.

Колобовъ закрылъ глаза. Вмѣстѣ съ пѣсней флейты росла въ немъ радость, чистая, дѣтская радость, которую онъ, казалось, утратилъ навсегда. Откуда пришла она къ нему опять и зачѣмъ? Вдругъ скрипки замолкли и флейта бросила нѣсколько короткихъ нотъ, точно спросила что-то. И въ душѣ Колобова, заглушая радость, встала Люба. Люба, которую онъ не любитъ, кажется, никогда не любилъ, Люба, о которой онъ почти забылъ. И вяло, одно за другимъ, стали приходить воспоминанія о недавнихъ встрѣчахъ. Когда онъ пришелъ къ ней въ первый разъ послѣ почти трехнедѣльнаго отсутствія, она страшно обрадовалась, все простивъ, все забывъ въ его объятіяхъ. И снова отъ прикосновенія ея губъ животное чувство овладѣло имъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было все забыто, было счастье, если дикую погоню за наслажденіемъ можно назвать счастьемъ. И опять начались ежедневныя сцены. Люба плакала, упрекая его въ эгоизмѣ, клялась, что покончитъ съ собой, если онъ не женится на ней. Онъ какъ-то проговорился, что получилъ разводъ отъ жены. И съ того дня она стала совсѣмъ невозможной. Кромѣ того, ея тетка, Валентина Ильинишна, рѣшивъ помочь племянницѣ, ловила Николая Васильевича гдѣ и какъ могла; выдавливала изъ себя слезы, чтобы тронуть его «очерствѣвшее сердце», заставить его возстановить «погубленную честь сироты». Нѣкоторое время тому назадъ, послѣ подобной сцены,

Николай Васильевичъ взялъ шляпу и пальто и ушелъ, несмотря на Любины всхлипыванія и на сползшій капотъ, обнажившій ея смуглое плечо. Ушелъ не оглядываясь, и съ того дня Любы не видѣлъ. И она почему-то не звонила. Странно, сейчасъ только онъ вспомнилъ, что она не звонила. Всѣ эти дни онъ былъ такъ занятъ, что не замѣтилъ этого. На службѣ было много работы. И потомъ эта радость, чистая, новая, а вмѣстѣ съ тѣмъ такая знакомая, занимала все его время. И вдругъ онъ всѣмъ тѣломъ, всей душой почувствовалъ близость дѣвушки въ желтомъ платьѣ. Послѣдній аккордъ вспыхнулъ и угасъ. Наступилъ мигъ глубочайшей тишины. Какъ будто тысячная толпа затаила дыханіе. Вдругъ все обрушилось въ громъ рукоплесканій, топотъ, крики и вызовы безъ конца. Маленькій человѣкъ во фракѣ стоитъ на эстрадѣ, слегка наклонивъ голову, и улыбается, точно идолъ надъ бушующей толпой паломниковъ. Колобовъ взглянулъ на свою сосѣдку. Дымчатая голубизна ея глазъ влажно блеститъ. Нижняя губа слегка вздрагиваетъ.

Въ такси, возвращаясь съ концерта, обѣ дѣвушки и Колобовъ молчали. Каждый думалъ о своемъ. Ада, возбужденная музыкой, нарядомъ платьемъ и близостью мужского вниманія, счастливо улыбалась въ темнотѣ. Николай Васильевичъ сперва хотѣлъ собрать свои мысли, разобраться въ нихъ по порядку, но потомъ махнулъ рукой. Онѣ понеслись куда и какъ попало. Иногда сзади долетала до него теплая струя, пахнущая фіалкой и тонкой рисовой пудрой. Тогда онъ закрывалъ глаза и замиралъ, боясь спугнуть тихую радость въ душѣ. Тиціа глядѣла черезъ окно на проносящіеся огни и думала о чемъ-то своемъ, вѣроятно, очень пріятномъ, въ полголоса напѣвая лейтмотивъ бетховенской симфоніи. Такъ они молча и доѣхали. Въ пансіонѣ уже всѣ спали. Въ прихожей Колобовъ попрощался со своими спутницами, задержавъ руку младшей дольше, чѣмъ обыч-

но, въ своей. Не успѣвъ войти въ свою комнату, Ада воскликнула:

— «Бѣлочка, я совсѣмъ забыла отдать господину Колобову подарокъ. Вотъ онъ лежитъ на столѣ. Какъ ты думаешь, онъ еще въ корридорѣ? Пойду, посмотрю».

Прежде чѣмъ Тиціа могла отвѣтить или удержать ее, Мышка схватила со стола пакетикъ и бросилась къ дверямъ. Въ корридорѣ было темно. Лишь неясный свѣтъ уличнаго фонаря черезъ окно и открытую дверь освѣщалъ на порогѣ гостиной темную фигуру. Красный огонекъ папиросы то расширялся, то суживался, точно прищуренный зрачекъ. Мышка тихо позвала.

— «Это вы, господинъ Колобовъ? Я только хотѣла отдать вамъ маленькій подарокъ, записную книжечку. Вѣдь ваша кончилась, не правда ли, вамъ нужна другая? Завтра «Санта-Клаусъ», нашъ большой праздникъ. Въ этотъ день всѣ другъ другу дѣлаютъ подарки».

Чей-то заглушенный, чужой голосъ произнесъ ея имя два раза.

— «Ада, Ада».

Ей стало жутко. Она немного попятилась къ стѣнѣ.

— «Господинъ Колобовъ, почему у васъ такой странный голосъ? Мнѣ страшно».

Вдругъ сильная рука обняла ее за плечи и теплый, на этотъ разъ такой знакомый голосъ зашепталъ:

— «Ада, маленькая, подумала обо мнѣ, купила мнѣ подарокъ. Чѣмъ отблагодарить могу, чѣмъ?»

И еще какія-то отрывочныя слова на непонятномъ ей языкѣ. Ей стало стыдно и сладко. Запахъ папиросы щекоталъ въ горлѣ. Она не знала, что сказать, боялась шевельнуться. Вдругъ руки, сжимающія ее, сомкнулись еще тѣснѣе. Ея лицо обдало чужимъ дыханіемъ и сухія жадныя губы прижались къ

ея виску. Горячая незнакомая волна пробѣжала по ней съ головы до пятъ. Все закружилось. Она закрыла глаза. Сколько времени они такъ простояли, ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ бы сказать. Вдругъ Ада услышала гдѣ-то очень далеко голосъ сестры. Она звала немного удивленно, немного встревоженно.

— «Ада, Ада, гдѣ ты? »

Быстрымъ движеніемъ высвободилась она изъ сжимающихъ ее объятій и прошептала:

— «Тиціа зоветъ меня, я должна итти».

Маленькая, неувѣренная рука въ темнотѣ нашла руку Колобова. Онъ нагнулся, быстро поцѣловалъ тонкую кисть и тихо сказалъ про себя по русски:

— «Спасибо, великое спасибо за радость».

Затѣмъ легкій шорохъ съ запахомъ фіалки, быстрая тѣнь, проскользнувшая мимо, слабо скрипнувшая дверь, заглушенный вопросительный голосъ старшей и снова тишина, полная, глухая. Гдѣ-то очень, очень далеко, проѣхалъ автомобиль. Первымъ жестомъ Николая Васильевича, оставшагося однимъ въ темнотѣ, было закурить папиросу. Онъ нѣсколько разъ потянулъ безрезультатно и тутъ же бросилъ ее разсѣянно, не догадавшись достать спички изъ бокового кармана. У себя въ комнатѣ онъ. не зажигая свѣта, сѣлъ на кровать. Легкій запахъ фіалки преслѣдовалъ его. Ему казалось, что маленькая рука Ады еще жмется къ его рукѣ. Онъ чувствовалъ подъ своими губами нетронутость ея кожи, пышную легкость ея волосъ. Лучезарная огромная радость росла въ немъ, заполняя всѣ уголки его души. Не раздѣваясь, онъ вытянулся на постели и окунулся съ головой въ свѣтлое море счастливой усталости.

Въ комнатѣ сестеръ горѣла лампа подъ желтоватымъ абажуромъ, освѣщая Тициу въ свѣтломъ кимоно, сидящую передъ туалетнымъ столикомъ. Ада стояла возлѣ нея, все еще въ своемъ вечернемъ платьѣ, блѣдная, взволнованная. Тиціа смотрѣла на сестру, растерянно повторяя:

— «Неужели ты его любишь, неужели ты его любишь?»

Мышкинъ голосъ немного дрожалъ, но глаза ея прямо глядѣли въ глаза сестры.

— «Да, Тиціа, я люблю господина Колобова. И если онъ попроситъ меня стать его женою, я съ радостью приму его предложеніе. Онъ мнѣ еще никогда ничего не говорилъ объ этомъ, о... любви, но я знаю, что онъ любитъ меня. Женщина никогда не ошибается въ этомъ».

Тиціа слабо разсмѣялась.

— «Женщина, какая же ты женщина, Мышенокъ? Ты еще такъ молода».

Ада выпрямилась. Ея щеки порозовѣли.

— «Да, мнѣ только восемнадцать лѣтъ. Но съ первой минуты, какъ я почяла, что полюбила господина Колобова, я сразу почувствовала себя женщиной, готовой бороться со всѣми и со всѣмъ за свое счастье».

Тиціа схватилась за голову.

— «Боже, Боже, что это будетъ? Что скажутъ мамъ и папъ и всѣ наши родные? Вѣдь никто не знаетъ, кто онъ, откуда, разведенъ ли онъ вообще съ женой. Русскій, можетъ быть, авантюристъ, какъ большая часть изъ нихъ. Безъ родины, безъ денегъ, безъ общественнаго положенія».

Ада нагнулась надъ сестрой и ласково провела рукой по ея склоненной головѣ.

— «Не надо, Бѣлочка, не огорчайся такъ. Вѣдь ты меня любишь, да? Скажи, любишь?»

Тиціа молча кивнула. Мышка весело продолжала.

— «Ну, вотъ видишь, если любишь, то должна желать *мнѣ* счастья, а не думать о томъ,, что скажутъ какіе-то тамъ дяди и тетки».

Тиціа подняла голову и прижала къ себѣ тонкій станъ сестры.

— «Если только ты будешь съ нимъ счастлива, Мышенокъ, то ты права. Дѣлай, какъ знаешь».

Сестры крѣпко обнялись.

Утромъ, убирая гостиную, прислуга Лотте, нашла на порогѣ маленькій пакетикъ, аккуратно завернутый въ шелковую бумагу и перевитый резинкой. Она сунула его въ карманъ. Это была записная книжка, подаренная Колобову Адой, о которой оба совсѣмъ забыли.

XXI.

Сестра милосердія въ широкой, темной юбкѣ и бѣлокрыломъ чепцѣ вела Колобова по длиннымъ свѣтлымъ корридорамъ. Они всѣ одинаковые — по обѣимъ сторонамъ бѣлыя двери съ черными номерами. На каменномъ полу синяя бобриковая дорожка и бѣлая полотняная сверху, чтобы не запачкался бобрикъ. Навстрѣчу имъ попадались другія безшумно скользящія тѣни въ накрахмаленныхъ чепцахъ. Бодрымъ запахамъ марсельскаго мыла и сосноваго экстракта не удавалось вполнѣ заглушить сладковатости эфира. Странная тишина царитъ въ этихъ нескончаемыхъ корридорахъ, гдѣ за каждой дверью страдаетъ человѣкъ.

Колобовъ шелъ за сестрой, стараясь наступать только на полотняную дорожку. Его слегка поташнивало отъ волненія и отъ приторнаго больничнаго запаха. Все это случилось такъ быстро. Часъ тому назадъ звонокъ по телефону къ нему въ контору. Прерывающійся женскій голосъ, выкрикивающій безсвязныя слова. Ему съ трудомъ удалось, наконецъ, установить, что это была Валентина Ильинишна, Любина тетка. Она, громко всхлипывая въ телефонъ, обвиняла его, Колобова, въ убійствѣ ея племянницы. И только послѣ того, какъ онъ грубо прикрикнулъ на нее, удалось ему узнать, въ чемъ дѣло. Оказывается, Люба рано утромъ ушла на репетицію въ театръ, въ которомъ она должна была выступать вмѣстѣ съ цыганскимъ хоромъ съ будущаго мѣсяца.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса послѣ ея ухода позвонили изъ пункта скорой помощи о томъ, что Любовь Чеботари, проживающая тамъ-то, попала подъ автобусъ и получила сильныя пораненія и ее тутъ же отправляютъ въ больницу Католическаго Сестричества. При пострадавшей былъ найденъ паспортъ и письмо на ея имя, написанное по русски. Она, тетка, тутъ же помчалась въ больницу, но къ Любѣ ее не впустили, такъ какъ раненную осматривали профессоръ и два доктора. Тогда она сошла внизъ и позвонила Николаю Васильевичу, считая своимъ долгомъ сообщить ему о томъ, что она называла не иначе, какъ самоубійствомъ своей несчастной племянницы. Колобовъ тутъ же позвонилъ въ больницу. Ему сказали, что Люба безъ сознанія, но если онъ хочетъ, то можетъ пріѣхать черезъ часъ. Онъ внѣшне спокойно отдалъ распоряженія служащимъ, вышелъ на улицу и сѣлъ въ такси. Только подъѣзжая къ больницѣ, онъ постарался представить себѣ Любу раненой. Ея смуглое тѣло, можетъ быть, изуродовано на всю жизнь. Ея тѣло, которое онъ такъ любилъ цѣловать. Онъ старался себѣ представить ее калѣкой на костыляхъ, но ничего не выходило. Передъ нимъ сіяли ея сѣрые русалочьи глаза и болѣзненная жалость впилась ему въ сердце.

Сестра остановилась у одной изъ бѣлыхъ дверей и тихо постучала. Дверь пріоткрылась изнутри и въ щель просунулась голова сидѣлки. Бѣлыя крылья ея чепца были скромно опущены книзу. На вопросъ сестры, можетъ ли гость войти къ больной, она закивала, улыбаясь. Николай Васильевичъ вошелъ и остановился у дверей. Въ маленькой продолговатой комнатѣ было почти темно изъ-за опущенныхъ шторъ. Кромѣ кровати, ночного столика, бѣлаго шкафчика и двухъ, трехъ стульевъ другой мебели не было. Сильно пахло эфиромъ и разными другими неуловимыми запахами. На кровати подъ одѣ-

яломъ лежало что-то вытянутое, неподвижное. Сидѣлка ободряющее шепнула ему:

— «Подойдите ближе, не бойтесь. Она все равно безъ сознанія, ничего не услышитъ».

Колобовъ на цыпочкахъ подошелъ къ кровати. Люба лежала на спинѣ. Вся правая сторона ея головы и лица была забинтована. Глаза Николая Васильевича мало-по-малу привыкли къ темнотѣ. Онъ сталъ различать слабо вздымающееся и опускающееся одѣяло. Вздохъ облегченія вырвался изъ его груди. Она дышетъ! Онъ осторожно нагнулся надъ ней. На лѣвой щекѣ подъ тѣнью опущенныхъ рѣсницъ блѣдно розовѣла царапина. Его сердце сжалось. Эта царапина на безкровномъ лицѣ показалась ему безконечно жалкой. Онъ быстро выпрямился и растеряно обернулся къ сестрѣ.

— «Скажите, что съ ней? Это опасно? Она выживетъ?»

Сидѣлка покачала головой.

— «Господинъ профессоръ сказалъ, что тяжелое раненіе головы, но я точно не знаю. Если хотите говорить сами съ профессоромъ, то васъ сейчасъ проводятъ въ его кабинетъ».

Колобовъ, еще разъ взглянувъ на неподвижное тѣло подъ одѣяломъ, послѣдовалъ за сестрой, той самой, которая его привела, безшумно явившейся на звонокъ сидѣлки.

Профессоръ, высокій бодрый старикъ, въ роговыхъ очкахъ, былъ занятъ телефоннымъ разговоромъ, когда въ дверь его кабинета постучала сестра, приведшая Колобова. Прикрывъ рукой отверстіе трубки, онъ коротко бросилъ: «Войдите». Услышавъ отъ сестры, что къ маленькой русской, которую сегодня привезли, пришелъ господинъ и хочетъ говорить съ нимъ, профессоръ промычалъ что-то про себя и громко сказалъ:

— «Хорошо, пусть войдетъ».

Онъ попрощался со своимъ собесѣдникомъ и

повѣсилъ трубку. Когда Колобовъ вошелъ въ его кабинетъ, профессоръ съ нимъ ласково поздоровался, внимательно разглядывая его черезъ выпуклыя стекла очковъ. Николай Васильевичъ назвалъ себя, сказавъ, что онъ большой другъ госпожи Чеботари и хотѣлъ бы точно узнать состояніе ея здоровья. Старикъ молча покачалъ головой.

— «Тяжелое раненіе головы и переломъ правой ноги выше колѣна. Она еще не приходила въ себя съ минуты происшествія. Я опасаюсь сотрясенія мозга. Сейчасъ очень трудно сказать что либо опредѣленное. Но положеніе весьма серьезное».

Увидавъ, что Колобовъ очень блѣденъ и что его нижняя челюсть мелко дрожитъ, профессоръ похлопалъ его по плечу.

— «Ну, не надо отчаиваться. Она такъ молода. Можетъ быть, все еще обойдется. Присядьте сюда на минуту, придитс въ себя, успокойтесь».

Николай Васильевичъ сѣлъ. Профессоръ опустился въ кресло за письменнымъ столомъ, нагруженнымъ разными бумагами и инструментами. Старый врачъ былъ большой другъ человѣчества. Онъ всегда былъ готовъ всѣмъ помочь и словомъ и дѣломъ. Внимательно посмотрѣвъ на перекошенное отъ волненія лицо своего посѣтителя, онъ вдругъ рѣшительно сказалъ:

— «Простите, господинъ... Колобовъ, кажется. Да, я долженъ Вамъ сообщить вотъ что. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что тетя пацiентки была здѣсь нѣсколько минутъ послѣ того, какъ привезли раненую. Ее не допустили къ племянницѣ, такъ какъ госпожа Чеботари въ это время подвергалась тщательному осмотру врачей. Подождавъ меня у выхода изъ операціонной, гдѣ происходилъ осмотръ, эта дама съ истерическимъ плачемъ бросилась на меня. Изъ потока ея безсвязныхъ словъ я понялъ, будто ея племянница нарочно бросилась подъ автобусъ, потому что хотѣла покончить самоубійствомъ, что она уже давно

носилась съ этой мыслью. Виноватъ же въ этомъ исключительно «этотъ гнусный человѣкъ, который сперва завлекъ ее, а потомъ, когда она ему надоѣла, бросилъ какъ перчатку» — это ея подлинныя слова. Я старался успокоить ее, но напрасно. Ея всхлипыванія и вопли достигли такихъ размѣровъ, что мнѣ пришлось позвать сидѣлку и отправить ее домой въ автомобилѣ. Я предполагаю, что вы и есть тотъ человѣкъ, о которомъ она говорила».

На невольное движеніе Колобова, профессоръ поднялъ руку.

— «Не перебивайте меня. Все это я говорю только потому, что мнѣ жаль бѣдную маленькую русскую тамъ наверху. Я, конечно, не знаю, насколько была права истеричная тетка. Но я все таки считаю своимъ долгомъ предупредить Васъ».

Видя, что его собесѣдникъ собирается что-то сказать, профессоръ снова остановилъ его движеніемъ руки.

— «Я ничего у Васъ не спрашиваю. Вы не обязаны ничего говорить мнѣ. Я Васъ предупредилъ, потому что Вы назвали себя большимъ другомъ пациентки».

Колобовъ прерывающимся голосомъ поблагодарилъ стараго врача и попросилъ позволенія освѣдомиться вечеромъ по телефону о состояніи больной. Старикъ сердечно пожалъ его руку.

— «Конечно, пожалуйста, я распоряжусь, чтобы дежурная сестра Вамъ давала самыя точныя свѣдѣнія».

Вечеромъ того же дня, когда Николай Васильевичъ вернулся домой послѣ мучительныхъ часовъ на службѣ, онъ первымъ дѣломъ подошелъ къ телефону. Но аппаратъ былъ занятъ. Въ низкомъ креслѣ съ телефонной трубкой въ рукѣ удобно расположилась сама Фрау Докторъ Науманъ. Она съ мельчайшими подробностями описывала своей подругѣ приготовленіе мясного пуддинга съ малиновой подлив-

кой. Колобовъ нетерпѣливо прошелся по корридору нѣсколько разъ подрядъ. Эта прогулка произвела на хозяйку какъ разъ дѣйствіе противоположное ожидаемому. Она, отнявъ на минуту трубку отъ уха, попросила Herrn Koloboff не шумѣть, такъ какъ это ей мѣшаетъ разговаривать. Николай Васильевичъ съ силой удержавшись, чтобы не огрызнуться, исчезъ въ своей комнатѣ. Безсвязныя мысли, мучившія весь день, съ новой силой принялись за него. Что, если Люба умретъ, если она уже умерла? Вѣдь профессоръ сказалъ, что онъ ни за что не отвѣчаетъ. Ея жизнь на его совѣсти. Онъ виноватъ, онъ, онъ одинъ. Права Валентина Ильинишна. Онъ погубилъ ее. Пустое, — пробовалъ онъ успокоить себя, — несчастный случай, какихъ бываетъ много каждый день въ Берлинѣ. Она выздоровѣетъ. Они объяснятся. Она пойметъ, что онъ ошибся, что онъ никогда не любилъ ее, ее — Любу Чеботари, а любилъ то русское, неуловимое, родное, что почудилось ему въ ея глазахъ. Онъ вѣдь не извергъ, даже не плохой человѣкъ; просто человѣкъ то - есть слабое существо, подвергнутое неумолимому закону привычекъ, именуемому тоской по родинѣ. Она должна понять его. Понять, что онъ не можетъ жениться на ней; не способенъ дать ей счастья. И снова возвращался лейтмотивъ: а что если она умретъ, уже умерла? Онъ сорвался со стула и бросился въ корридоръ. Въ прихожей все еще журчала спокойнымъ ручейкомъ округленная рѣчь госпожи Науманъ. Колобовъ заскрежеталъ зубами. Онъ готовъ былъ собственными руками сжать жирную шею любезной докторши, чтобы остановить несносное журчанье. Промелькнула мысль объ Адѣ ванъ-Дюренъ. Онъ постучалъ въ дверь къ сестрамъ. Она была одна дома. Старшая съ двумя товарками по академіи на вечеринкѣ у профессора. Ада обрадовалась гостю. Съ того вечера послѣ концерта, когда Колобовъ въ первый разъ далъ волю своему наростающему чувству, они не

были одни. Немного смущенная она предложила ему сѣсть, но онъ отказался.

— «Мнѣ надо звонить по телефону по очень важному дѣлу, а тамъ сидитъ Фрау Науманъ и говоритъ безъ конца».

Ада разсмѣялась

— «Потерпите немного. Должна же она когда-нибудь закончить свой разговоръ. Вы разстроены. Неужели только изъ-за болтливости нашей почтенной хозяйки?»

Колобовъ отрицательно покачалъ головой.

— «У меня несчастье, большое несчастье. Не знаю, какъ сказать и стоитъ ли вообще говорить объ этомъ. Можетъ быть, васъ это совсѣмъ не интересуетъ».

Мышка серьезно посмотрѣла на стоявшаго передъ нею усталаго немного сгорбленнаго человѣка.

— «Господинъ Колобовъ, вы смѣло можете все разсказать мнѣ, если это облегчитъ васъ». — Она прибавила смущенно. — «Тиціа и я, мы ваши искренніе друзья».

Ея глаза глядѣли довѣрчиво и ласково на него. Разсказать ей обо всемъ, что подумаетъ она, когда все узнаетъ о немъ? Можетъ быть, лучше не говорить ничего. Но онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, такъ хотѣлось съ нею подѣлиться, услышать дружескія слова утѣшенія. Онъ смотрѣлъ на нее. Въ ея глазахъ ему почудилось что-то такое ясное, такое понимающее, что онъ вдругъ рѣшился.

— «У меня большое несчастье. Человѣкъ, который мнѣ былъ очень близокъ, попалъ подъ автобусъ и опасно раненъ. Лежитъ при смерти».

Ада вздрогнула.

— «Какой ужасъ! Но, можетъ быть, онъ выздоровѣетъ. Не надо никогда терять надежды».

Колобовъ сжалъ виски обѣими руками.

— «Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не всю правду говорю. Я трусъ, несчастный трусъ. Я боюсь, что когда вы

узнаете правду, вы отвернетесь отъ меня. Я такъ нуждаюсь въ васъ, Ада; я такъ слабъ безъ васъ. Именно теперь я нуждаюсь въ васъ больше чѣмъ когда либо».

Ада робко положила свою руку на его рукавъ.

— «Успокойтесь, господинъ Колобовъ, я готова все выслушать и все понять. Я не уйду отъ васъ, не бойтесь». И слабо улыбнувшись, она добавила. — «Было бы слишкомъ грустно, если бы друзья покидали своихъ друзей въ минуты, когда они больше всегда нуждаются въ ихъ помощи».

Николай Васильевичъ бережно взялъ маленькую руку со своего рукава и прижалъ ее ко лбу теплой ладонью.

— «Я не заслужилъ васъ, Ада. Я не имѣю права на вашу доброту».

Она заставила его сѣсть рядомъ съ собой на низкій диванъ.

— «Почему? Если мы съ вами встрѣтились и почувствовали другъ къ другу симпатію, значитъ такъ надо, значитъ это наша судьба; и мы должны быть ей благодарны. А теперь разсказывайте все, все».

Колобовъ началъ тихо, неувѣренно. Поминутно останавливаясь, онъ вглядывался въ глаза своей слушательницы. Въ ихъ прозрачной зеленоватости была одна только теплая всеобъемлющая жалость. Онъ началъ съ женитьбы своей на Танѣ; съ далекихъ прекрасныхъ дней до-военной Россіи; онъ говорилъ о братѣ, о погибшей любимой сестрѣ, объ отцѣ и матери, о годахъ на фронтѣ. Когда онъ разсказывалъ о революціи, о бѣгствѣ въ бѣлую армію, о годахъ разлуки съ женой, о мертворожденномъ ребенкѣ своемъ, слезы заблестѣли въ Адиныхъ глазахъ. Онъ все сказалъ ей. О пріѣздѣ жены, о непреодолимой отчужденности между ними и, наконецъ, о Любѣ. Онъ ничего не утаилъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, острые когти самообвиненія, впившіеся въ

него, стали разжиматься. Сказанное громко, человѣческимъ голосомъ, многое кажется менѣе страшнымъ, чѣмъ въ темной духотѣ одиночества. Слезы текли по Адиному лицу. Она ихъ не замѣчала. Великая нѣжность распускалась въ ней махровымъ цвѣткомъ. Ей было и больно и сладко отъ того, что этотъ большой человѣкъ, пережившій такъ много, теперь ждетъ отъ нея одного только слова. Когда онъ замолкъ, она взяла обѣими руками его руку и, низко опустивъ голову, тихо сказала:

— «Вы не виноваты. Я такъ понимаю васъ. Я такъ жалѣю васъ. Она не умретъ. Мы ее выходимъ. Если вы разрѣшите, я помогу вамъ. Я пойду съ вами къ ней. А когда она выздоровѣетъ, вы объяснитесь съ ней. Она пойметъ. Она вѣдь женщина. А, можетъ быть, вы ошибаетесь въ себѣ? Можетъ быть, вы все же были бы счастливы съ ней?»

Она говорила очень тихо и ему приходилось наклонять голову совсѣмъ близко къ ней, чтобы разобрать ея слова. Въ ея послѣднемъ вопросѣ была такая искренняя неувѣренность, звучавшая такъ ново, такъ нетронуто, что Колобовъ не могъ не обнять дѣвичьи плечи въ вязанномъ платкѣ, довѣрчиво жавшіяся къ нему.

— «Ада, — вырвалось у него во внезапномъ порывѣ, — Ада, никогда ни съ кѣмъ я не буду счастливъ, только съ тобой. Я люблю только тебя, свѣтлая ты моя Ада...»

А на завтра онъ узналъ по телефону, что Любовь Чеботари скончалась прошлой ночью, не приходя въ сознаніе.

XXII.

Къ началу февраля разыгрались сильные морозы. Выпало много снѣга. Холодными, ясными вечерами отъ берлинскихъ улицъ съ хрустящимъ подъ ногами снѣгомъ и заиндевѣлыми деревьями поднимались воспоминанія, вставали картины далекаго прошлаго. Колобовъ часто по вечерамъ бродилъ одинъ, выбирая глухіе переулки, гдѣ было поменьше свѣта и побольше снѣга. Онъ шелъ, высоко поднявъ воротникъ и глубоко засунувъ руки въ карманы, не чувствуя холода. Его когда-то широкія, прямыя плечи сильно сутулились. Когда онъ снималъ шляпу, подставляя усталую голову подъ нѣжное прикосновеніе снѣжинокъ, обнаруживались его все еще густые, но совсѣмъ посѣдѣвшіе на вискахъ волосы. О чемъ только не вспомнитъ, не передумаетъ одинокій прохожій въ морозные февральскіе вечера. Вся его жизнь яркими лоскутами проходила передъ нимъ. И все казалось такимъ ненужнымъ и напраснымъ. Иногда приходили воспоминанія далекаго дѣтства. Бѣлая усадьба въ темномъ старомъ паркѣ, давно забытое лицо няни Агафьи, любимая собачка, первый велосипедъ, молодая жизнерадостная мама. Все это принимало формы, росло, становилось дѣйствительностью. Тогда онъ шелъ и радостно улыбался. Бывало, пройдетъ встрѣчный человѣкъ, посмотритъ на улыбающагося прохожаго и покачаетъ въ раздумьи головой. Есть, какъ видно, еще счастливые люди; вотъ ходитъ человѣкъ и самъ себѣ улыбается.

Иногда, хотя теперь уже все рѣже и рѣже, мысли упорно вертѣлись вокругъ недавняго прошлаго. Ему чудилась Люба. Маленькій комочекъ на диванѣ съ заплаканными свѣтлыми глазами, глазами любимой сестры. Такая, какой онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Потомъ появлялась полутемная пустая комната въ больницѣ и на кровати подъ одѣяломъ неподвижное тѣло. Вдругъ это тѣло приближалось, онъ видѣлъ блѣдное, искаженное страданіемъ лицо и подъ лѣвымъ глазомъ розовую царапину. Тогда кровь бросалась ему въ голову и вопль застревалъ въ сжатомъ горлѣ. Онъ дико озирался кругомъ, не узнавая окружающаго. Первое время послѣ Любиной смерти съ нимъ эти припадки случались очень часто, иногда даже по нѣсколько разъ въ день. Докторъ прописалъ ему полный покой и бромъ. На службу онъ не ходилъ. Директоръ, узнавъ о его состояніи, далъ ему отпускъ на четыре недѣли и даже самъ отъ времени до времени по телефону справлялся о его здоровьи. Никого кромѣ Ады ванъ-Дюренъ, а иногда еще ея сестры, онъ не хотѣлъ видѣть. Хозяйка. Фрау Науманъ, была очень обижена на него за то. что онъ отвергъ ея. жертвующую собою. предложеніе ухаживать за нимъ. Но кромѣ Ады онъ никого къ себѣ не впускалъ.

Въ то утро, узнавъ о смерти Любы, онъ остался на видъ совершенно спокоенъ, даже пошелъ на службу. На похороны Ада не хотѣла пускать его. Но онъ все повторялъ. что это его долгъ. что онъ долженъ итти. Тогда она рѣшила сопровождать его. На кладбищѣ онъ былъ очень блѣденъ, но вполнѣ владѣлъ собой. Только когда стали опускать гробъ въ могилу и тетка, Валентина Ильинишна, въ глубокомъ траурѣ. узнавъ его. бросилась къ нему съ истерическимъ воплемъ, грозя кулакомъ и называя его проклятымъ убійцей, онъ потерялъ самообладаніе. Онъ зашатался, тяжело дыша. и упалъ бы, если бы его не поддержали съ одной стороны Ада, у которой

вдругъ появилась сверхчеловѣческая сила, съ другой стороны, гитаристъ, аккомпанировавшій Любѣ и тайно любившій ее. Онъ завидовалъ Колобову когда-то и ненавидѣлъ его. Но передъ лицомъ смерти все сравнялось и онъ охотно помогъ поддержать и увести своего бывшаго соперника. Тутъ же на кладбищѣ съ Николаемъ Васильевичемъ случился первый припадокъ. Онъ бился, выкрикивая непонятныя слова и смотрѣлъ кругомъ бѣгающимъ взглядомъ, никого не узнавая. Ада, блѣдная, растерянная, дрожащими руками поддерживала его голову. Когда ему стало немного лучше, гитаристъ помогъ Адѣ посадить его въ автомобиль. По дорогѣ онъ совсѣмъ притихъ и прямо глядѣлъ передъ собою немигающими глазами. Когда Ада заговорила съ нимъ, онъ съ усиліемъ повернулъ голову въ ея сторону, пробормотавъ что-то невнятное, и тутъ же въ изнеможеніи закрывъ глаза, остался сидѣть неподвижно до самаго дома.

Наступили дни тяжелыхъ испытаній для бѣдной, маленькой Мышки. Николай Васильевичъ съ эгоизмомъ, присущимъ каждому больному, хотѣлъ, чтобы она цѣлые дни проводила въ его комнатѣ. Она, счастливая отъ сознанія, что любимый человѣкъ нуждается въ ней, готова была исполнить всѣ его желанія. Подошло Рождество. Тиціа стала собираться домой и на всѣ просьбы младшей, ѣхать безъ нея, оставалась неумолимой. Мышка плакала. Она не понимала внезапной жестокости старшей. Она написала матери подробное письмо, умоляя о разрѣшеніи остаться въ Берлинѣ до тѣхъ поръ, пока Колобову не станетъ немного лучше. Мать, послѣ долгихъ колебаній и совѣщаній съ отцомъ, дала, наконецъ, желанное разрѣшеніе, и Тиціа уѣхала одна. Сестры простились холодно. Мышка со слезами упрекала Тиціу въ безсердечности и жестокости. Старшая только пожимала плечами. Она не виновата, если Ада не хочетъ понять, что ей желаютъ добра, стараясь увести ее подальше отъ этого ненормальнаго русскаго авантюрис-

та. До тѣхъ поръ, пока она вѣрила въ то, что Колобовъ сможетъ сдѣлать сестру счастливой, она молчала и даже была готова заступиться за избранника сестры передъ родителями, такъ какъ и тѣ, навѣрно, не смогутъ примириться со страннымъ выборомъ младшей дочери. Но послѣ ужаснаго случая съ маленькой пѣвицей, узнавъ отъ Ады всѣ подробности переживаній больного, Тиціа ясно поняла, что этотъ издерганный многопережившій и перестрадавшій русскій не подходитъ къ ея жизнерадостной и по дѣтски ясной сестрѣ. Тогда она рѣшила всѣми силами спасти Аду отъ нея же самой. При отъѣздѣ, у старшей сердце болѣло при видѣ потускнѣвшихъ глазъ и вытянувшагося Мышкинаго личика.

Прошли недѣли. Николай Васильевичъ сталъ поправляться. Припадки случались все рѣже. По ночамъ онъ спалъ спокойнѣе. Сталъ выходить изъ своей комнаты, разговаривать съ жильцами и однажды даже разсказалъ Фрау Докторъ анекдотъ. Ада снова занялась своей музыкой. Тиціа возвратилась изъ Голландіи, и жизнь потекла по старому руслу. Въ концѣ января Колобовъ вернулся на службу. Сослуживцы и директоръ устроили ему радушный пріемъ. Онъ взялся за работу съ жадностью, надѣясь найти въ ней отдыхъ своей измученной мыслями головѣ. Внѣшне онъ мало измѣнился за долгія недѣли своей болѣзни. Немного посѣдѣлъ и сталъ замѣтно сутулиться. Но внутренній покой онъ утратилъ, казалось, навсегда. Мысль о томъ, что онъ — причина Любиной смерти. не оставляла его ни днемъ, ни ночью. И только въ присутствіи Ады онъ приходилъ въ себя, забывалъ обо всемъ, могъ даже шутить и смѣяться. Ада стала для него хлѣбомъ насущнымъ. Когда ея не было съ нимъ, онъ чувствовалъ себя потерянным. Его осаждали назойливые вопросы, на которые онъ напрасно старался найти отвѣты. При видѣ ея чистыхъ глазъ онъ отдыхалъ отъ вѣчной борьбы съ неумолимой совѣстью. Ея маленькія руки

отгоняли темныя мысли, какъ стаю надоѣдливыхъ мухъ. Она же, чувствуя эту его безпомощность, по женски радовалась ей и въ то же время безконечно жалѣла его. Ада за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ сильно измѣнилась. Замѣтно возмужала, сдѣлалась серьезнѣе и перестала смотрѣть на жизнь попрежнему легко. Первое чувство и связанныя съ нимъ страданіе и горести мгновенно превратили маленькую свѣтловолосую голландку, не знавшую ни внѣшняго, ни внутренняго безпокойства, въ сильнаго человѣка, готоваго бороться за свою долю счастья. Въ ея любви къ Колобову было много жажды самопожертвованія. Ей казалось, что она создана лишь для того, чтобы дать забвеніе и покой этому измученному мірскими бурями страннику. Она готова была нтти за нимъ, какъ обычно говорится, на край свѣта. Когда онъ пряталъ свое лицо въ ея теплыя ладони и говорилъ слова любви на непонятномъ ей русскомъ языкѣ, она бывала вознаграждена за всѣ свои сомнѣнія и страданія. Мало-по-малу онъ научилъ ее нѣкоторымъ словамъ его родного языка, и она съ гордостью, радостно улыбаясь ему, произносила: «Moj dorogoj, ja llublju tebja!»

Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ возобновленія Николаемъ Васильевичемъ работы на службѣ, онъ и Ада послѣ ужина по обыкновенію сидѣли вмѣстѣ въ комнатѣ сестеръ. Послѣ возвращенія Типіи изъ Голландіи, она чаще оставляла младшую одну съ «опаснымъ русскимъ», какъ она всегда называла Колобова въ письмахъ къ родителямъ. И въ этотъ вечеръ ея не было дома. Она была въ театрѣ съ тѣмъ самымъ разсѣяннымъ профессоромъ, о которомъ Мышка однажды такъ правильно замѣтила, что Бѣлка не совсѣмъ равнодушна къ нему. Правда, и самъ онъ, несмотря на свою разсѣянность, замѣтилъ и отличилъ Типіу въ толпѣ своихъ ученицъ. Она гордилась этимъ и, занятая своимъ зарождающимся романомъ, стала меньше слѣдить за младшей сестрой.

Въ упомянутый вечеръ Мышка и Николай Васильевичъ уютно расположились подъ желтоватымъ свѣтомъ стоячей лампы. Дѣвушка вышивала скатерть разноцвѣтными шелками, — подарокъ матери ко дню ея рожденія. Колобовъ читалъ книгу новыхъ русскихъ стиховъ, переводя Адѣ казавшіеся ему наиболѣе интересными на нѣмецкій языкъ. Несмотря на довольно сильный морозъ, въ комнатѣ было тепло. Отъ парового отопленія шелъ пріятный запахъ нагрѣтой масляной краски. Изъ хозяйскаго громкоговорителя неслись заглушенные звуки стараго избитаго вальса. Николай Васильевичъ поднялъ голову, прислушиваясь. Этотъ вальсъ напоминалъ ему что-то давнымъ давно прошедшее, когда-то прекрасное. Онъ посмотрѣлъ на склоненную надъ работой свѣтлую Адину голову. Волна теплой нѣжности и безконечной благодарности наполнила его сердце. Онъ тихо позвалъ:

— «Адушка».

Она снизу взглянула на него съ улыбкой. Она такъ любила свое новое имя, сказанное его голосомъ: Адушка. И вдругъ съ его губъ сорвались давно назрѣвавшія, обоими давно предчувственныя, слова:

— «Могла бы ты стать моей женой?»

Она молчала. Вся кровь сперва бросилась ей въ голову, потомъ медленно отхлынула. Она встала и подошла къ нему.

— «Николай, — ея голосъ дрожалъ; въ первый разъ она назвала его по имени, — Николай, ты вѣдь знаешь, что я люблю тебя. Если ты позовешь меня, я пойду съ тобой».

И, протянувъ ему свою руку, она добавила просто:

— «Я согласна быть твоей женой».

Когда Колобовъ цѣловалъ въ этотъ вечеръ мягкіе волосы и губы своей невѣсты, странная, незнакомая до сихъ поръ истома овладѣла Адой, и въ первый разъ она отвѣчала на его поцѣлуи. Когда онъ

ушелъ, ея щеки горѣли, а руки и ноги были какъ ледъ. Она раздѣлась и юркнула въ постель, чтобы къ приходу Тиціи притвориться спящей. Подушка быстро согрѣлась отъ ея пылающихъ щекъ. Она все переворачивала ее, ища прохладное мѣсто. Обрывки мыслей неудержимо несли ее куда-то. Ея тѣло содрогалось мелкой дрожью.

Когда вернулась Тиціа, возбужденная выпитымъ за ужиномъ виномъ и неловкимъ ухаживаньемъ влюбленнаго профессора, она не замѣтила, что младшая только притворяется спящей, что на самомъ дѣлѣ она слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, сгорая желаніемъ отбросить далеко одѣяло, кинуться ей на шею и подѣлиться своей огромной, радостной тайной. Но немного стыдливая робость, немного страхъ за свое новорожденное счастье удержали Аду въ постели. Только на слѣдующее утро, когда Тиціа спросила, какъ она провела вечеръ, былъ ли у нея господинъ Колобовъ, Мышка, не вытерпѣвъ, созналась сестрѣ во всемъ. Старшая пришла въ ужасъ. Случилось то, чего она съ родителями такъ боялись. Счастье всей Мышкиной жизни стояло на картѣ. Чѣмъ доказать, какъ объяснить ей, что любовь пройдетъ черезъ годъ, другой, и она останется съ человѣкомъ почти старымъ, иностранцемъ, чуждымъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. При видѣ сіяющихъ счастьемъ глазъ младшей, у Тиціи не хватило мужества сказать ей все это и она ограничилась одной неловкой фразой:

— «Не рѣшайся на такой серьезный шагъ, Ада, не переговоривъ съ мамъ и папъ. Подумай, какъ они будутъ несчастны, если ты выйдешь замужъ противъ ихъ воли».

Ада согласилась поѣхать на недѣлю домой, все спокойно обдумать, разсказать родителямъ подробно о Колобовѣ и выслушать ихъ мнѣніе. Порѣшили на томъ, что она завтра же отправится утреннимъ поѣздомъ. Николай Васильевичъ, услышавъ объ Ади

номъ отъѣздѣ, сперва не хотѣлъ отпускать ее, но когда она сказала, ласково заглянувъ ему въ глаза:

— «Пойми, Николай, я должна разсказать о тебѣ моей мамѣ и моему папѣ, чтобы и они тобя полюбили», — онъ крѣпко обнялъ ее и согласился съ нею.

На вокзалѣ въ раннее сѣрое февральское утро онъ долго держалъ ея руку въ кожаной теплой перчаткѣ въ своихъ. Когда кондукторъ захлопнулъ дверцу и поѣздъ медленно тронулся, Ада, высунувшись изъ окна, быстро шепнула ему:

— «Я вернусь, я все равно скоро вернусь. Если родители не согласятся на нашъ бракъ, мнѣ будетъ очень больно, но я все-таки вернусь къ тебѣ. Мое мѣсто рядомъ съ тобою».

Николай Васильевичъ только успѣлъ коснуться губами одного завитка, высвободившагося изъ подъ бархатной шапочки. Поѣздъ плавно уходилъ изъ вокзальной галлереи въ далекій, туманный просторъ. Еще разъ мелькнула бархатная шапочка и рука въ темной перчаткѣ. Тиціа и Колобовъ молча ушли съ вокзала. Онъ уносилъ съ собою теплый, ясный свѣтъ двухъ зеленоватыхъ глазъ и быстрый шопотъ обѣщанія «... Я все-таки вернусь къ тебѣ, мое мѣсто рядомъ съ тобою...» — Тиціа не знала, какъ держать себя съ женихомъ сестры. Такъ какъ счастье младшей ей было дороже всего и она предполагала, что опасный русскій не способенъ дать его ей, она чувствовала своей обязанностью относиться къ нему отрицательно. Но лично къ Колобову, какъ человѣку, она не питала никакой антипатіи. Наоборотъ, ей было жаль его. Она даже отчасти понимала власть этого старѣющаго многопережившаго человѣка надъ такимъ юнымъ существомъ, почти еще ребенкомъ, какъ ея сестра.

Съ отъѣздомъ Ады Николай Васильевичъ снова впалъ въ свое одиночество. По вечерамъ ему не сидѣлось дома; несмотря на приглашеніе Тиціи и его сосѣдки Ольги Петровны побыть съ ними, онъ почти ежевечерне уходилъ бродить одинъ по занесеннымъ

позднимъ снѣгомъ переулкамъ. На этихъ одинокихъ прогулкахъ прежнія мысли вновь осаждали его. Образъ Любы, почти стертый присутствіемъ Ады, снова сталъ мучить его по ночамъ, и черныя стаи сомнѣній кружились вокругъ него. Какое право имѣетъ онъ, разочарованный и почти старый человѣкъ, можетъ быть, убійца, связать свою жизнь съ расцвѣтающей молодостью Ады? Онъ долженъ уйти съ ея пути, исчезнуть навсегда. Когда онъ воображалъ свою жизнь безъ нея, на него вѣяло сыростью и теменью могилы. И онъ снова поспѣшно хватался за Адину любовь. Вѣдь Ада любитъ его, подсказывалъ ему инстинктъ самосохраненія, она не дастъ ему уйти; она знаетъ его такимъ, какой онъ есть на самомъ дѣлѣ, и она любитъ его, несмотря ни на что. Взадъ и впередъ по темнымъ, пустымъ переулкамъ гнали его мучительныя мысли. Иногда возникалъ передъ нимъ спокойный образъ жены. Онъ вспоминалъ звукъ ея голоса, ея походку, форму ея такихъ знакомыхъ уютныхъ рукъ. И все происшедшее съ нимъ за эти годы казалось ему тяжелымъ сномъ. Онъ сейчасъ проснется и все будетъ по-прежнему. Старый домъ, туманно-голубое весеннее небо, и Таня въ бѣломъ платьѣ на верандѣ. Сколько долгихъ, тусклыхъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а все еще живо, точно раскрашенная открытка, воспоминаніе о тѣхъ далекихъ и легкихъ весеннихъ дняхъ. Но онъ не просыпался, мучительный сонъ продолжался. Снѣжинки, падая, шелковисто шелестѣли въ тишинѣ. Онъ шелъ, глубоко засунувъ руки въ карманы и поднявъ воротникъ, выбирая самые пустые и темные переулки. Ему казалось, что онъ одинъ, оставшійся въ живыхъ на цѣломъ свѣтѣ среди мрака и холода, обреченъ бродить, какъ вѣчный жидъ, подгоняемый хлыстами собственныхъ мыслей, все впередъ и впередъ.

XXIII.

Госпожа ванъ-Дюренъ ходитъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Уже поздно, но она не можетъ рѣшиться лечь въ постель, зная заранѣе, что не заснетъ. Докторъ въ сосѣднемъ городѣ у больного. Онъ вернется только завтра днемъ. Пользуясь его отсутствіемъ, она давала волю своему безпокойству. Бѣдная мать не могла примириться съ мыслью, что ея любимица Ада, которую всѣ въ домѣ привыкли еще считать ребенкомъ, сразу выросла и стала невѣстой. Если бы Адинымъ избранникомъ оказался юноша изъ ихъ же среды, она, скрѣпя сердце, дала бы свое согласіе, но иностранецъ, да еще русскій, можетъ быть, авантюристъ! Кто знаетъ, откуда онъ и кѣмъ онъ былъ раньше? Вотъ и Тиціа не совсѣмъ довѣряетъ ему. Старѣющій, бѣдный, разведенный русскій бѣженецъ — мужъ ихъ жизнерадостной маленькой Мышки. Сердце старой женщины сжимается отъ боли. Она останавливается у окна и безпомощно глядитъ въ темноту. Что ей дѣлать? Мышка такъ спокойно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ рѣшительно заявила ей и отцу, что любитъ этого русскаго, что все равно выйдетъ за него, даже если они не дадутъ своего согласія. Тутъ отецъ вспылилъ, что съ нимъ случается очень рѣдко, и она должна была его успокаивать. Вечеромъ онъ уѣхалъ къ больному, не попрощавшись съ дочерью. Въ домѣ всѣ ходятъ прибитые, какъ будто случилось несчастье. Старая Катерина молчитъ и только, глядя на Аду, укоризненно

качаетъ головой. Госпожа ванъ-Дюренъ слышала, какъ она утромъ на кухнѣ говорила своей новой помощницѣ, Антьѣ: «будто мало своихъ жениховъ у насъ; должна же барышня Ада влюбиться въ какого-то иностранца изъ никому неизвѣстной дикой страны». Спокойный и рѣшительный взглядъ младшей дочери смущаетъ госпожу ванъ-Дюренъ. Такъ же глядѣла она сама на своихъ родителей, когда встрѣтила и полюбила бѣднаго студента, Гендрика ванъ-Дюрена. Что дѣлать, Богъ мой, что дѣлать? Часы пробили полночь. За окномъ зимняя, снѣжная тишина. Взадъ и впередъ по комнатѣ ходитъ госпожа ванъ-Дюренъ. Коверъ заглушаетъ ея шаги.

И Мышкѣ не спится въ своей пахнущей фіалками комнатѣ. Спокойствіе, поддерживающее ее днемъ, тсперь покинуло ее, и ночная тишина заговорила тысячею голосовъ. Отецъ уѣхалъ, не попрощавшись съ нею. Въ глазахъ у матери, когда она смотритъ на нее, столько скорби. Что же ей дѣлать? Она твердо знаетъ, что мѣсто ея рядомъ съ любимымъ человѣкомъ. Бѣдный, какъ онъ скучаетъ по ней! Онъ пишетъ ей каждый день, то длинныя подробныя посланія, то всего нѣсколько словъ — любитъ, цѣлуетъ и ждетъ. Онъ ждетъ ее, она должна ѣхать къ нему. Вотъ и Бѣлка пишетъ, что онъ по вечерамъ уходитъ одинъ въ холодъ и снѣгъ. Не сидится ему дома. Безъ нея онъ не находитъ себѣ мѣста. Мышкѣ жарко. Сердце мучительно стучитъ. Въ горлѣ пересохло. Она встаетъ съ постели и босикомъ идетъ въ ванную за стаканомъ воды. Проходя мимо родительской спальни, она видитъ узкую нить свѣта, лежащую у дверей, и слышитъ осторожные, заглушенные мягкимъ ковромъ шаги матери. Она робко стучитъ въ дверь.

— «Мамъ, мамъ, ты не спишь, можно къ тебѣ?»

Въ длинной свѣтло-голубой ночной рубашкѣ Мышка, точно маленькая дѣвочка, сидитъ въ глубокомъ креслѣ, подобравъ подъ себя голыя ноги. Госпожа ванъ-Дюренъ, чтобы скрыть свое волненіе, за-

нялась расческой своихъ все еще по-дѣвичьи густыхъ волосъ.

— «Когда папъ вернется?» — Мышкинъ голосъ звучитъ неувѣренно.

— «Навѣрно, къ обѣду. Скорый поѣздъ, кажется, приходитъ въ часъ съ минутами. Бѣдный папъ, онъ такъ разстроился, когда ты сказала, что выйдешь замужъ даже и безъ нашего согласія. Ему это было очень больно. Онъ, право, не заслужилъ такого отношенія отъ своихъ дѣтей».

Голосъ матери преломился. Ада съ отчаяніемъ взглянула на нее.

— «Боже мой, мамъ дорогой, вѣдь я не хочу причинять вамъ боли, ни тебѣ, ни отцу. Но что мнѣ дѣлать? Пойми, вы меня ставите въ такое ужасное положеніе. Что намъ остается, если вы намъ откажете въ согласіи? Я люблю Николая и не уйду отъ него только потому, что онъ иностранецъ, несчастенъ и не богатъ. Намъ хватитъ на жизнь. Я буду работать, буду давать уроки музыки. Неужели, мамъ, ты не понимаешь? Не знаешь, что такое любовь? Вѣдь, и ты полюбила папу противъ воли твоихъ родителей и съ нимъ такъ счастлива. Ты намъ съ Бѣлкой такъ часто объ этомъ разсказывала».

Госпожа ванъ-Дюренъ покачала головой.

— «Это совсѣмъ другое дѣло. Твой отецъ, правда, былъ бѣденъ, но онъ, вѣдь, голландецъ, изъ хорошей интеллигентной семьи. А этотъ русскій, кто его знаетъ, откуда онъ и кѣмъ былъ раньше? Провѣрить его слова мы не можемъ. Волей-неволей приходится вѣрить всему. Тиціа тоже говоритъ, что иногда его слова дышатъ такой искренностью, что нельзя не повѣрить, а иногда онъ такой странный, хмурый, какъ будто скрываетъ что-то. И на твой бракъ съ такимъ человѣкомъ ты хочешь, чтобы мы съ отцомъ дали свое согласіе. Ты такъ молода еще, Мышенокъ, ты и жизни совсѣмъ не знаешь. Повѣрь мнѣ, есть другіе, можетъ быть, лучшіе люди на свѣ-

тѣ. Ты встрѣтишь человѣка болѣе достойнаго твоей любви. Не торопись, дѣтка моя, обдумай все еще разъ, не принимай слишкомъ скораго рѣшенія, о которомъ будешь, можетъ-быть, потомъ сожалѣть».

Наступило молчаніе. Госпожа ванъ-Дюренъ плотнѣе запахнула свой теплый халатъ и присѣла на край постели. Ада глубоко вздохнула, и вздохъ ея задрожалъ, какъ будто она старалась удержать рыданіе.

— «Послушай, мамъ, — начала она тихо, но твердо, — ты говоришь, я буду несчастна съ Николаемъ. Хорошо, пусть будетъ такъ, но если я сумѣю сдѣлать его счастливымъ, то я готова принести свое личное счастье въ жертву. Такъ, по крайной мѣрѣ, я понимаю любовь».

Влажный туманъ застлалъ глаза матери. Она не ошиблась, когда говорила, что младшая дочь повтореніе ея собственной молодости. Тридцать лѣтъ тому назадъ она такъ же беззавѣтно и крѣпко полюбила своего Гендрика, какъ теперь Ада этого русскаго эмигранта. Госпожа ванъ-Дюренъ провела ладонью по глазамъ.

— «Мышенька, а увѣрена ли ты, что и онъ отвѣчаетъ тебѣ такой же любовью? Знаешь ли ты навѣрно, что онъ свободенъ? Дѣйствительно-ли онъ разведенъ со своей женой?»

На Мышкино рѣзкое движеніе мать успокоительно подняла руку.

— «Погоди, не волнуйся. Все то, что ты мнѣ отвѣтишь, я знаю. Онъ честный человѣкъ, онъ тебя любитъ, онъ тебя никогда не обманетъ. А ты помнишь эту исторію съ Тиціей, нѣсколько лѣтъ тому назадъ?»

Ада кивнула.

— «Помню. Но я не знаю точно, въ чемъ было дѣло. На всѣ мои вопросы Бѣлка всегда отвѣчала: выростешь — узнаешь».

Мать улыбнулась.

— «Да, мы всѣ считали тебя ребенкомъ и старались всѣми силами уберечь тебя отъ жизни, по возможности, дольше. И вдругъ, наперекоръ всѣмъ нашимъ планамъ, явился этотъ русскій и все перемѣшалъ. Что же, видно судьба такая. А съ Бѣлкой было такъ. Она познакомилась на вечерѣ у соученицы съ однимъ человѣкомъ, состоятельнымъ нѣмецкимъ фабрикантомъ. Ему было тогда лѣтъ около тридцати пяти. Стройный, элегантный, съ веселыми, темными глазами, онъ Тиціи сразу понравился. И она ему, очевидно, тоже. Они стали встрѣчаться чаще и полюбили другъ друга. Твоя сестра считала себя его невѣстой, хотя онъ ей никакого предложенія не дѣлалъ. Намъ она писала восторженныя письма, прося держать все въ тайнѣ, такъ какъ ея женихъ по какимъ-то тамъ личнымъ причинамъ не хочетъ, чтобы объ этомъ пока знали. Мы, ничего не подозрѣвая, радовались вмѣстѣ съ нею. Это было въ іюлѣ, и мы каждый день ждали Тиціу съ женихомъ, который, проѣздомъ по дѣламъ въ Англію, долженъ былъ недѣлю погостить у насъ. Помнишь, тебѣ сказали, что Бѣлка привезетъ одного знакомаго, который хорошо играетъ въ теннисъ? Но проходили дни, они все не пріѣзжали. Мы съ отцомъ стали безпокоиться. На наши вопросительныя письма приходили короткія открытки — задержались, у него дѣла, она ждетъ, пока онъ освободится, чтобы пріѣхать вмѣстѣ. Намъ все это показалось подозрительнымъ. Но мы молчали, зная, что въ такихъ случаяхъ лучше всего не вмѣшиваться. Время шло. Кончился іюль, прошелъ августъ, и кромѣ лаконическихъ открытокъ отъ Тиціи мы ничего не получали. Она писала, что очень занята большой картиной и поэтому не можетъ пріѣхать. Только въ концѣ октября вернулась она домой. Ты помнишь, какая она была блѣдная, измученная, какъ она просиживала часами у окна съ заплаканными глазами. Въ первый же вечеръ она мнѣ все разсказала. Оказывается, этотъ чело-

вѣкъ былъ женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей. Фабрика и все состояніе принадлежали женѣ. Если бы онъ развелся, то остался бы нищимъ. Тиціа объ этомъ узнала случайно, черезъ одну знакомую, долго жившую въ Лондонѣ и знавшую его жену и дѣтей. Сперва она не хотѣла повѣрить и прямо пришла къ нему, требуя объясненій. Онъ даже не вздумалъ отрицать и предложилъ ей открыто жить съ нимъ. Для Тиціи это былъ страшный ударъ. Она любила этого человѣка, вѣрила ему. Такъ же, какъ ты теперь вѣришь твоему Колобову. Она долго мучилась одна въ Берлинѣ. Ей было стыдно передъ нами и кромѣ того она все надѣялась, что, будучи съ нимъ съ однимъ городѣ, она сумѣетъ уговорить его развестись съ женой и начать самому зарабатывать. Она такъ любила его, что была готова, какъ и ты, на всякія жертвы. Готова простить ему всю его ложь и начать съ нимъ новую жизнь. Но послѣ того, какъ онъ ее грубо высмѣялъ и уѣхалъ въ Лондонъ къ женѣ, она вернулась домой, отказавшись отъ него навсегда. Ты, вѣдь, помнишь, какая она была несчастная тогда, и какъ мы всѣ старались отвлечь ея мысли, безпрестанно занятыя этимъ человѣкомъ, котораго она все еще любила. Долгіе мѣсяцы протекли, прежде чѣмъ твоя сестра пришла въ себя, и снова, мало по малу, начала интересоваться своей заброшенной работой и внѣшней жизнью. Поэтому, Мышенька, наученная горькимъ опытомъ, я такъ боюсь за тебя. Ты еще моложе и довѣрчивѣе, чѣмъ была тогда твоя сестра. Можетъ быть, этотъ русскій тоже обманщикъ».

Госпожа ванъ-Дюренъ закрыла лицо руками. Въ слабо освѣщенной комнатѣ снова разостлалась тишина. Морозный вѣтеръ мягко похрустывалъ снѣжинками за окномъ. Мышка спустила съ кресла затекшія ноги. Протяжно проскрипѣлъ паркетъ. Мать вздрогнула и отняла руки отъ лица. Ада присѣла къ ней на постель и обняла ее за плечи.

— «Мамъ, дорогой, не волнуйся, прошу тебя,

не волнуйся. Если бы ты знала Николая, ты бы никогда не сказала про него всего того, что говоришь сейчасъ. Знаешь, у него такіе добрые, такіе ужасно грустные глаза. Никогда я не повѣрю, что эти глаза могутъ лгать».

Мать провела рукой по свѣтлымъ волосамъ дочери.

— «Ну, что же, Мышенокъ, видно судьба твоя такая. Когда папъ пріѣдетъ, я поговорю съ нимъ. Я думаю, что...»

Тутъ Ада такъ порывисто обняла мать, что мысль госпожи ванъ-Дюренъ такъ и осталась недоговоренной.

На слѣдующее утро Мышка, свѣжая и радостная, несмотря на ночь, проведенную почти безъ сна, собиралась въ городъ по разнымъ дѣламъ. День былъ морозный, солнечный, и снѣгъ лежалъ на улицахъ тонкими сахарными пластами. Адѣ захотѣлось идти пѣшкомъ. Она быстро шагала, крѣпко прижимая къ себѣ синюю сумочку, въ которой лежало только-что полученное письмо изъ Берлина отъ Колобова. Красивыя, немного чуждыя, иногда даже непонятныя слова мягко шуршали вокругъ нея. И снова все казалось молодымъ и прекраснымъ. Въ городѣ Ада должна была зайти на почту купить марокъ, къ ювелиру за мундштукомъ, на которомъ она дала выгравировать буквы Н. К. — подарокъ жениху — затѣмъ въ цвѣточный магазинъ. Дома всѣ цвѣты завяли, она за послѣдніе дни совсѣмъ перестала слѣдить за ними. Потомъ еще забѣжать къ подругѣ и купить для мамъ шелковыхъ нитокъ для вышиваній. Когда она вернулась домой къ обѣду, румяная отъ холода, со множествомъ пакетовъ и громадной охапкой хризантемъ подъ мышкой, ей открылъ дверь отецъ. За нимъ невдалекѣ стояла улыбающаяся мать. Мышка, увидавъ отца, остановилась и пробормотала:

— «Здравствуй, папъ, какъ ты съѣздилъ?»

Докторъ снялъ пенснэ, тщательно вытеръ стекла носовымъ платкомъ, снова надѣлъ его и сказалъ совсѣмъ серьезно:

— «Очень хорошо, спасибо, госпожа ванъ-Колобовъ».

Мышка, бросивъ всѣ свои пакеты и цвѣты на полъ, кинулась ему на шею.

XXIV.

Берлинъ сѣръ и однообразенъ. У него нѣтъ своей физіономіи. Въ другихъ столицахъ имѣются украшенія въ видѣ памятниковъ, красивыхъ строеній, большихъ площадей. Въ Берлинѣ все это тоже есть, но сдѣлано до того неумѣло, что только подчеркиваетъ общую безвкусицу. Но въ ранній, голубѣющій, весенній день широкія, длинныя улицы берлинскаго Вестена въ каймѣ чисто остриженныхъ, еще голыхъ деревьевъ, представляютъ привѣтливую картину. Радостно ходить по нимъ, вдыхая легкій, еле замѣтный весенній запахъ вмѣстѣ съ запахомъ каменнаго угля и неизбѣжнаго бензина. Радостно слѣдить за освобожденнымъ солнечнымъ свѣтомъ въ еще невысохшихъ лужахъ вчерашняго дождя. Въ витринѣ, гдѣ выставлены чемоданы и модные, изъ кожи ящерицы или крокодила, дорожные нессесеры, солнечный лучъ задѣлъ никкелевые углы громаднаго автомобильнаго сундука. Отъ нестерпимаго блеска передъ глазами бѣгутъ красные круги. Букеты ярко-лиловыхъ безъароматныхъ фіалокъ туго сложены въ продолговатыя корзины.

Семенъ Павловичъ Лиховецкій, гуляя, небрежно помахиваетъ тросточкой. Его короткая фигура бодра по-весеннему. Острые глаза подъ густыми сѣдыми бровями довольны. Его коллекція книгъ обогатилась еще однимъ рѣдкимъ экземпляромъ, купленнымъ за безцѣнокъ на аукціонѣ. Денежныя дѣла тоже удовлетворительны. Въ ближайшемъ будущемъ

закончится одна сдѣлка, обезпечивающая ему кругленькую сумму. Другими словами, въ виду — спокойныя недѣли, безъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, и даже съ излишкомъ. Онъ доволенъ собой, никакихъ заботъ, никакихъ сожалѣній, почти никакихъ воспоминаній. Онъ сумѣлъ выработать въ себѣ полный покой. У него никого нѣтъ: ни семьи, ни родныхъ, не о комъ заботиться, не о комъ безпокоиться. Прошедшее стерто. Будущаго для него быть не можетъ. Одно только настоящее. Несмотря на его годы, у Семена Павловича эластичная походка и въ петлицѣ пальто букетикъ глянцевитыхъ, плоскихъ фіалокъ. День воскресный. Много гуляющихъ. Даже Семенъ Павловичъ сегодня, забывъ о своихъ книгахъ, замѣчаетъ въ толпѣ особый весенній взглядъ женщинъ, ихъ слишкомъ громкій смѣхъ и небрежно перекинутыя черезъ плечи лисицы. Въ лужахъ плывутъ облака, разсыпаясь на мелкія пушистыя клочья. Странно узоритъ колокольный звонъ изъ ближайшей церкви симфонію автомобильныхъ гудковъ и трамвайныхъ сигналовъ. У шутмана на углу бѣлыя перчатки и черное кэпи съ околышкомъ сзади, сверкающимъ на солнцѣ. Семенъ Павловичъ останавливается передъ большимъ кинематографомъ и осматриваетъ картины, выставленныя подъ стекломъ. Фильмъ, очевидно, изъ жизни эскимосовъ. На героѣ мѣховая доха съ капюшономъ, изъ-подъ котораго видны трагическіе, сильно подкрашенные глаза. Рядомъ съ нимъ собака обнюхиваетъ тѣло лежащей на снѣгу дѣвушки въ одной рубашкѣ. Семенъ Павловичъ качаетъ головой и бормочетъ про себя: «Ужъ эти мнѣ кино-режиссеры. Не угодно ли, на самомъ сѣверномъ полюсѣ взяли да положили почти голую дѣвушку въ снѣгъ. Вѣдь отъ нея одни рожки да ножки останутся». Вдругъ за его спиной раздался веселый мужской голосъ:

— «Семенъ Павловичъ, почтеннѣйшій, вы что

это тутъ разглагольствуете передъ портретами обнаженныхъ красавицъ!»

Лиховецкій обернулся и увидалъ своего давнишняго друга Колобова въ сопровожденіи стройной свѣтлой блондинки. Старикъ обрадовался.

—· «Николай Васильевичъ, дорогой, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Гдѣ это вы пропадали? Я звонилъ къ вамъ нѣсколько разъ. Вамъ не передавали? Вы, кажется, были больны?»

Семенъ Павловичъ трясъ руку Колобова, забрасывая его вопросами. Николай Васильевичъ разсмѣялся.

— «Тише, дорогой мой, не сразу. По порядку все разскажу вамъ. А прежде всего...»

Онъ обернулся къ спутницѣ и перешелъ на нѣмецкій языкъ.

— «Ада, это мой пріятель, Лиховецкій, — мадемуазель ванъ-Дюренъ, моя невѣста».

Ада, застѣнчиво улыбаясь, протянула руку. Семенъ Павловичъ взялъ ее и неловко поклонился. Онъ въ недоумѣніи глядѣлъ то на своего друга, то на миловидную дѣвушку въ сѣромъ изящномъ костюмѣ. Николай Васильевичъ еще громче расхохотался.

— «Знаете, Семенъ Павловичъ, ваше удивленіе совсѣмъ не лестно для меня, наоборотъ, оно доказываетъ, что вы зачислили меня въ категорію стариковъ, у которыхъ уже все позади».

Его смѣхъ звучалъ немного натянуто. Лиховецкій схватилъ руку Колобова и пожимая ее, приговаривалъ на своемъ малоповоротливомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— «Ну, что вы, что вы, я такъ радъ за васъ, поздравляю отъ души. И васъ, милая барышня, поздравляю. Сдѣлайте его счастливымъ. Онъ этого заслуживаетъ. Но зачѣмъ я это говорю вамъ, вѣдь, если вы согласились выйти за него, значитъ любите его. А если вы его любите, то онъ не можетъ не быть счастливымъ!»

Ада, краснѣя, улыбнулась. Николай Васильевичъ ласково взялъ ее подъ руку.

— «Чего мы тутъ стоимъ? Такая дивная погода. Давайте поѣдемъ за-городъ и тамъ пообѣдаемъ всѣ вмѣстѣ. Что вы на это скажете, Семенъ Павловичъ?»

Старикъ съ удовольствіемъ согласился.

Автобусъ, уходящій къ озеру, былъ переполненъ. Имъ пришлось взбираться по крутой лѣсенкѣ наверхъ. Случайно попался автобусъ стараго типа, теперь все рѣже встрѣчающійся на улицахъ Берлина, съ двумя рядами скамеекъ по серединѣ и открытымъ верхомъ. Ада усѣлась со своими двумя спутниками въ самомъ углу. Ей было очень тѣсно и очень весело. Гдѣ-то тамъ внизу шли маленькіе люди и ползли приплюснутые автомобили. Вѣтви деревьевъ со свѣжими почками пролетали мимо, задѣвая крышу автобуса. Ада пробовала ловить ихъ. Колобовъ глядѣлъ на нее влюбленнымъ взглядомъ. Семенъ Павловичъ разсказывалъ анекдоты по русски, тутъ же переводя ихъ на нѣмецкій. Но каждый разъ, какъ на зло, главный эффектъ заключался въ непереводимой игрѣ словъ. Старикъ бранилъ анекдотъ, бранилъ нѣмецкій языкъ, уговаривалъ Аду учиться по русски и брался за слѣдующій. Ада хохотала. Ей было весело отъ теплаго солнца, отъ зеленѣющихъ деревьевъ и отъ близости любимаго человѣка. Передъ нею разворачивается ясная дорога. Родители согласились на ея бракъ съ Колобовымъ; онъ любитъ ее, въ этомъ она твердо увѣрена. Она счастлива, что дѣлаетъ его счастливымъ. Бѣлка теперь мало слѣдитъ за нею. Она занята своими собственными дѣлами. Профессоръ окончательно потерялъ свою разсѣянную голову, они встрѣчаются почти каждый день и если онъ ей сдѣлаетъ предложеніе — однажды вечеромъ довѣрила Тиціа Мышкѣ — она приметъ его. Ни о чемъ опредѣленномъ Колобовъ еще не говорилъ съ Адой. Они оба избѣгали разговоровъ о свадьбѣ, какъ бы условившись не упоминать объ этомъ. Сознаніе, что они будутъ принадле-

жать другъ другу, было такъ сладко, что они не торопились съ его осуществленіемъ. Мышка иногда, сама того не понимая, тянулась къ поцѣлуямъ и ласкамъ Колобова, но онъ, отчасти желая охранять ея чистоту, отчасти потому, что въ ней искалъ больше духовнаго покоя, чѣмъ матеріальной близости, старался удерживать себя отъ слишкомъ бурныхъ ласкъ. Свѣтлые, полные ожиданія, проходили Адины дни. Ясныя, полныя покоя, текли недѣли для Колобова. Любинъ образъ поблекъ и свернулся засохшимъ комочкомъ въ самой глубинѣ его сознанія. Совѣсть дремала, убаюканная яснымъ взоромъ Адиныхъ глазъ. На службѣ все шло гладко; послѣ его болѣзни директоръ прибавилъ ему жалованья, сослуживцы уважали его. Онъ чувствовалъ себя хорошо среди нихъ. Чувство отчужденности, которое онъ испытывалъ въ началѣ, смѣнилось привычкой. Иногда ему казалось, что онъ такъ и родился въ кожаномъ креслѣ своего кабинета передъ аккуратно сложенными кипами бумагъ на письменномъ столѣ. Ему чудилось, что и сама тоска по невозвратному ослабѣла въ немъ, и только иногда смутно сознавалъ онъ, что его любовь къ Адѣ ничто иное, какъ тяготѣніе къ покою, къ нетронутости, ко всему тому, что напоминало ему прошлое — т. е. опять-таки тоска по родинѣ, принявшая другую форму. О Танѣ онъ старался совсѣмъ не вспоминать. Какъ-то разъ вечеромъ, ища дѣловое письмо во всѣхъ ящикахъ письменнаго стола, онъ наткнулся на запрятанный имъ портретъ жены. Выкувъ, онъ его приблизилъ къ лампѣ и долго разсматривалъ спокойныя, знакомыя черты. Что-то вдругъ зашевелилось въ немъ и смутно пронеслась мысль, что вотъ это-то и было настоящее, а все остальное только игра въ жмурки. Тогда онъ положилъ фотографію обратно, рѣзко задвинулъ ящикъ и щелкнулъ ключемъ. Въ этотъ вечеръ онъ былъ раздраженъ и даже Адино присутствіе не сумѣло его успокоить.

Въ саду ресторана надъ озеромъ всѣ столики

были заняты. Воскресная публика шумная, непосредственная. Повсюду раздается смѣхъ, веселые крики дѣтей и назойливое шипѣніе привезенныхъ съ собой ins Grüne ручныхъ граммофоновъ. Почти на каждомъ столикѣ бокалы холоднаго пива, бросающаго дрожащіе солнечные блики на скатерть. По сѣро - голубой, чуть поморщенной отъ вѣтерка, глади озера медленно скользятъ парусныя лодки. У берега барахтаются бархатныя утки.

Николаю Васильевичу съ невѣстой и пріятелемъ повезло. Освободился столикъ у балюстрады на самомъ солнцѣ съ чуднымъ видомъ на озеро. Ада сняла шляпу, Семенъ Павловичъ съ одобреніемъ слѣдилъ за ея молодыми, стройными движеніями. Колобовъ пустился въ длинные переговоры съ кельнеромъ. Узнавъ, что имѣется настоящій русскій борщъ со сметаной, Николай Васильевичъ обрадовался, заказалъ три порціи и обернулся къ невѣстѣ.

— «Ты увидишь, какъ это вкусно, Адушка. Выходишь за русскаго замужъ, такъ должна полюбить и русскія блюда».

Ада согласилась, чтобы доставить жениху удовольствіе, хотя ей совсѣмъ не нравился этотъ русскій борщъ. Семенъ Павловичъ разсмѣялся.

— «Это что у васъ за домострой такой? Если вашей женѣ не нравятся наши блюда, то пусть она научитъ васъ ѣстъ голландскія спеціальности. По моему это скорѣе подойдетъ къ нынѣшнему вѣку. Какъ въ Америкѣ — царство женщины. Я лично согласенъ хоть каждый день ѣсть настоящій голландскій сыръ, пить какао ванъ - Гуттена и лакомиться этими кофейными конфектами, какъ ихъ... хопьесъ, кажется».

Ада обрадовалась.

— «Какъ вы хорошо знаете наши спеціальности, господинъ Лиховецкій. Но у насъ есть вещи еще повкуснѣе. Напримѣръ, пряничный хлѣбъ. Онъ имѣет-

ся только у насъ на сѣверѣ. Въ слѣдующій разъ, когда я поѣду домой, я вамъ привезу».

Колобовъ улыбался, щурясь на солнцѣ. Ему было тепло и легко. Шелковое озеро пріятно нѣжило глаза. Мысли лѣниво текли, пестрыя, солнечныя. Отъ того, что Адинъ голосъ звучалъ рядомъ, было такъ спокойно. Она разсказывала Лиховецкому о Голландіи, о ея родномъ городѣ, о родителяхъ и друзьяхъ. Николай Васильевичъ не вникалъ въ смыслъ ея словъ. Онъ только ловилъ интонаціи и радовался ихъ свѣжести. Мелькнула на мигъ назойливая мысль, что онъ просто грубый эгоистъ, грѣющійся у чужого тепла, ничего не имѣя дать взамѣнъ. Онъ отогналъ эту мысль, какъ жужжащаго надъ ухомъ комара, и снова погрузился въ сладкую Нирвану. Голосъ Ады, обращенный къ нему, вернулъ его къ дѣйствительности.

— «Николай, ты что такъ задумался? Вотъ и борщъ твой несутъ».

Борщъ удался дѣйствительно на славу. Даже Ада съѣла все до послѣдней капли, несмотря на то, что ее отъ сметаны съ непривычки слегка тошнило. За кофе, закуривъ папиросу, Николай Васильевичъ сталъ объяснять Семену Павловичу техническую сторону одного дѣла. И, самъ того не замѣчая, перешелъ на русскій языкъ. Друзья увлеклись разговоромъ, совершенно забывъ объ Адѣ. Она и не думала напоминать имъ о себѣ. Ей было хорошо въ этомъ внезапномъ одиночествѣ. Слабый вѣтерокъ обвѣвалъ ея голову, играя свѣтлыми волосами. Она подставляла ему свое лицо. Снизу неясно звучали дѣтскіе голоса и свѣжо плескалась вода о бортъ причаленной лодки. Сквозь Адины опущенныя вѣки проникалъ яркими кругами солнечный свѣтъ. Рядомъ Колобовъ на непонятномъ языкѣ говорилъ о непонятныхъ вещахъ. Кто онъ въ сущности, этотъ человѣкъ, которому она довѣрила всю себя? Чужой, изъ далекой, непонятной страны. Ей вдругъ стало страшно. Она вздрогнула и открыла глаза. Колобовъ, ничего не замѣчая, продолжалъ раз-

говаривать. Ада посмотрѣла на него и отвернулась съ чувствомъ внезапной усталости. Веселые, молодые голоса привлекли ея вниманіе. За столикъ рядомъ усаживалась компанія молодыхъ людей. Ихъ было пять человѣкъ, причемъ самому старшему могло быть не больше двадцати пяти лѣтъ. Очевидно, студенты. Одинъ изъ нихъ, высокій, изящный, съ близорукими красивыми глазами, сѣлъ какъ-разъ напротивъ Мышки. Онъ молчалъ, не спуская съ нея восхищеннаго, немного прищуреннаго взгляда. Его товарищи подтрунивали надъ нимъ, грозили ему пальцами, но онъ только отмахивался отъ нихъ рукой и продолжалъ пристально глядѣть на Аду. Ей стало почему-то стыдно подъ этимъ настойчивымъ взглядомъ, и она медленно, какъ бы нехотя, отвернула голову. Солнце на мигъ спряталось за тучей. Стало тускло и свѣжо. Колобовъ обернулся.

— «Адушка моя, тебѣ не холодно? Прости, что мы съ Семеномъ Павловичемъ такъ заболтались, да еще по русски. Знаешь, трудно привыкать намъ на старости къ нѣмецкому языку. И ты скоро должна научиться говорить по нашему. Не правда-ли, Мышенька? Ты увидишь, онъ совсѣмъ не трудный, надо только хотѣть».

Ада улыбнулась Колобову, улыбка ея вышла тоже какая-то тусклая. Снова появилось солнце. Но озеро уже не сверкало, какъ прежде, и дѣтскіе голоса на берегу потерялн свою беззаботную звонкость. Николай Васильевичъ подозвалъ кельнера и сталъ расплачиваться. Ада машинально слѣдила за мухой, расхаживающей по скатерти. Ей было неловко и жарко отъ пристальнаго взгляда юноши, который она ясно ощущала на своемъ лицѣ. Когда Ада со своими спутниками выходила изъ ресторанаго сада, она быстро обернулась. Глаза молодого человѣка слѣдили за ней. Вдругъ онъ улыбнулся ей, просто, какъ добрый знакомый. Она тоже улыбнулась ему въ отвѣтъ и быстро кивнула, покраснѣвъ до корней сво-

ихъ свѣтлыхъ волосъ. Затѣмъ, какъ ребенокъ, напроказившій за спиной взрослыхъ, она, гордая своей маленькой тайной, взяла Колобова подъ руку и прижалась къ нему. Весь день потомъ, на обратномъ пути въ автобусѣ, у Семена Павловича, куда они пошли чай пить, и вечеромъ у себя въ комнатѣ подъ желтымъ абажуромъ стоячей лампы, она была какая-то новая, таинственная. И Колобову эта перемѣна была необъяснима и немного жутка.

XXV.

Въ день открытія на выставкѣ молодыхъ художниковъ было очень много посѣтителей. Въ трехъ маленькихъ комнатахъ, увѣшанныхъ сверху до низу картинами, съ утра толпились самые разношерстные люди. Тутъ были иностранные и мѣстные директора картинныхъ галлерей, критики съ блокъ - нотами и карандашомъ въ рукѣ и со строгимъ, внимательнымъ взглядомъ изъ-за круглыхъ стеколъ очковъ. Была и простая публика, раздѣляемая на три части. Во-первыхъ, тѣ, которые приходятъ на выставку исключительно въ день ея открытія, чтобы себя показать и людей посмотрѣть (къ этой категоріи относятся, большей частью, женщины), и чтобы имѣть возможность какъ-нибудь небрежно въ разговорѣ упомянуть: «Ахъ, я ее видѣла на вернисажѣ молодыхъ художниковъ. На ней была черная шляпа, которая ее ужасно старила». Во - вторыхъ, такъ называемые меценаты молодого искусства, другими словами, состоятельные люди, покупающіе за безцѣнокъ картины «подающихъ надежды» молодыхъ художниковъ, чтобы потомъ, когда художникъ становится знаменитымъ, перепродать ихъ въ три-четыре, иногда въ пять разъ дороже. Наконецъ, въ-третьихъ, обыкновенные смертные, любители искусства для искусства: бѣдные студенты, невзрачныя дѣвушки въ очкахъ. Этихъ въ день вернисажа очень мало. Они предпочитаютъ приходить позже, когда меньше народа и можно спокойно стоять

передъ понравившейся картиной, не получая ежеминутныхъ толчковъ со всѣхъ сторонъ.

Художники выставленныхъ картинъ шныряли въ толпѣ. Ихъ взволнованныя лица мелькали то тутъ, то тамъ. Безпрерывный гулъ голосовъ стоялъ густой, какъ туманъ. Иногда, точно брызги, взлетали изъ его однообразнаго жужжанія имена художниковъ, цифры, одобрительныя восклицанія.

Тиціа ванъ-Дюренъ ужасно устала. Цѣлыхъ три дня она на ногахъ, почти ничего не ѣстъ и волнуется. Ея три картины висятъ во второй комнатѣ на правой стѣнѣ. Свѣтъ изъ окна падаетъ косо, выдѣляя нижнюю — натюрмортъ изъ пучка розоватой спаржи, одного не спѣлаго помидора и развернутой газеты. Краски сочны и живы. Хотя спаржа и кажется немного деревянистой, а газета застыла въ неестественныхъ складкахъ. За послѣднее время Тиціа старается все больше приблизиться къ модернистамъ, изображая простые предметы въ акробатическихъ позахъ. Она это дѣлаетъ исключительно для своего разсѣяннаго профессора, который одобрительно относится ко всякимъ исканіямъ. Двѣ другихъ картины болѣе спокойныя. На одной изображенъ весенній закатъ на лугу съ двумя коровами на переднемъ планѣ. Вторая — портретъ младшей сестры художницы. Ада написана въ профиль, съ опущеннымъ взглядомъ и раскрытой книгой въ рукѣ. Синій шелковый платокъ живописными складками легъ вокругъ ея дѣвичьихъ плечъ. Одинъ критикъ мимоходомъ одобрилъ картины голландской художницы. Особенно понравился ему портретъ. Тиціа, раскраснѣвшаяся, усталая, присѣла на минуту отдохнуть въ углу у открытаго окна. День былъ очень теплый, совсѣмъ лѣтній. Изъ сосѣдняго сада доносились запахъ сирени и чириканье воробьевъ. Тиціа глубоко вздохнула и закрыла глаза. Точно въ калейдоскопѣ стали проноситься передъ ней обрывки разговоровъ, картины, люди, мысли. Она устала, устала отъ борьбы за мѣсто

для своихъ произведеній. Ихъ хотѣли повѣсить куда-то на самый верхъ, гдѣ не было бы свѣта. Она боролась за каждый сантиметръ стѣны и одержала побѣду. Правда, благодаря опять-таки профессору. Если бы не онъ, ея картины такъ и остались бы висѣть подъ самымъ потолкомъ. При мысли о профессорѣ чувство благодарности охватило ее. Онъ такъ старается во всемъ помочь ей, онъ такой преданный, вѣрный другъ и совѣтчикъ. Правда. онъ уже не молодой, ему лѣтъ за сорокъ пять. Но и ей вѣдь тридцать первый годъ пошелъ. Пора и о замужествѣ подумать. Каждая женщина около тридцати лѣтъ, какъ бы она ни любила свободу, какъ бы она ни была занята общественными вопросами, литературой или искусствомъ, мечтаетъ о собственномъ очагѣ, о мужѣ и о дѣтяхъ. Нынче это называется мѣщанствомъ, но женщина создана природой, чтобы быть женой, матерью, и противъ природы никакіе законы «холостячекъ» не могутъ устоять. Тиціа научилась понимать и цѣнить профессора Брауншвейга. Они видѣлись часто. По вечерамъ вмѣстѣ ходили въ театръ, на концерты, на лекціи. Его преданное, немного неумѣлое чувство къ ней сперва смѣшило. но потомъ, мало по малу, растрогало ее, и она стала относиться къ нему, какъ къ своему лучшему другу. Она даже была, пожалуй, немного увлечена имъ, какъ мужчиной. Ей нравились его высокая полная фигура, сильныя плечи, съ горбинкой носъ и всегда разсѣянные, близорукіе глаза за круглыми роговыми очками. Пожатіе его большой, теплой руки согрѣвало ее всю. И когда она шла съ нимъ рядомъ по темнымъ вечернимъ улицамъ, ей казалось, что его плотная фигура отдѣляетъ и охраняетъ ее отъ всѣхъ мірскихъ невзгодъ. Поэтому Тиціа, увидѣвъ на выставкѣ издали растерянную улыбку и близорукій взглядъ профессора, радостно кинулась ему навстрѣчу.

— «Professorchen, идите сюда, скорѣе, скорѣе.

Вы видѣли, какъ перемѣстили мои картины? Такъ лучше, не правда ли?»

Онъ послушно пошелъ за ней, одобрительно кивая головой. Передъ ея картинами онъ остановился. Двое спорящихъ молодыхъ художниковъ узнали его и разступились, давая ему дорогу.

— «Очень, очень хорошо, — довольно бормоталъ профессоръ. — Свѣтъ отлично подчеркиваетъ тѣнь на столѣ. Краски свѣжи и пріятны. Очень хорошо, милая Тиціа».

Художница скромно глядѣла себѣ подъ ноги. Волна гордой радости залила краской ея лицо. Профессоръ растроганно глядѣлъ то на Тиціу, то на картину. Въ это время нѣсколько молодыхъ художниковъ, окружившихъ содержателя очень извѣстной въ Берлинѣ картинной галлереи, громко споря, оттѣснили профессора отъ Тиціи. Она, безпомощно оглядываясь, стала пробираться къ выходу по тремъ переполненнымъ комнатамъ. Профессора Брауншвейга нигдѣ не было видно. Усталая, съ головной болью, Тиціа вышла на крыльцо. Мутная вода канала поблескивала золотомъ на солнцѣ. Свѣжая, желтоватая зелень деревьевъ бросала уже вполнѣ взрослую тѣнь на асфальтъ. Тиціа вдохнула съ облегченіемъ теплый воздухъ. Рядомъ съ нею на крыльцѣ стояло еще нѣсколько художниковъ и художницъ, отдыхающихъ, какъ и она, послѣ суматохи и толкотни на выставкѣ.

— « Tiziachen, вотъ вы гдѣ. А я васъ повсюду ищу».

Пріятный басъ профессора прозвенѣлъ вдругъ надъ самымъ ея ухомъ, и рука его властно взяла ее за локоть. Тиціа вздрогнула отъ неожиданности и радостно обернулась.

— «И я васъ повсюду искала. Гдѣ вы были, профессоръ?»

Художникъ взялъ свою ученицу подъ руку и повлекъ ее за собою внизъ по ступенькамъ.

— «Идемте, пройдемтесь капельку. Надо намъ

съ вами свѣжимъ воздухомъ подышать. Тамъ задохнуться можно отъ жары и шума».

Они шли подъ руку вдоль канала. Тиціа была безъ шляпы, въ гладкомъ синемъ костюмѣ съ бѣлой блузой изъ блестящаго, мягкаго шелка. Ея свѣтлые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ волосы золотились подъ солнечными зайчиками, проскакивающими черезъ листву. Профессоръ окинулъ ее долгимъ, ласковымъ взглядомъ.

— «Тиціа, — началъ онъ страннымъ, какъ будто чужимъ голосомъ, — вы спросили, гдѣ я былъ недавно, когда вы меня искали. Я былъ въ бюро. Мнѣ сказали тамъ, что, по всей вѣроятности, ваша картина — портретъ сестры, — будетъ пріобрѣтена Вольфомъ, обладателемъ, какъ вамъ извѣстно, одной изъ нашихъ самыхъ видныхъ частныхъ картинныхъ галлерей».

Тиціа остановилась и всплеснула руками.

— «Что вы, Богъ съ вами, профессоръ, этого не можетъ быть!»

Брауншвейгъ радостно кивнулъ головой, глядя на еще полунедовѣрчивое, но уже полусчастливое лицо своей ученицы. Тиціа сжала его руку обѣими своими.

— «Богъ мой, Богъ мой, все это какъ во снѣ. Моя картина, моя картина — у Вольфа!»

Профессоръ взялъ правую руку дѣвушки и крѣпко стиснулъ ее.

— «Поздравляю васъ, Тиціа, съ успѣхомъ. Вы заслужили его, я страшно радъ за васъ».

Она благодарно взглянула на него.

— «Если бы не вы, профессоръ, я была бы ничѣмъ. Все это только благодаря вамъ».

Онъ молодо покраснѣлъ.

— «Тиціа, дорогая, я уже все собираюсь сказать вамъ, спросить васъ... — онъ смущенно кашлянулъ. — Все какъ-то не было удобнаго случая. Я такъ боюсь, что вы будете смѣяться надо мною».

Онъ растерянно посмотрѣлъ на свою спутницу. Но, какъ видно, выраженіе лица Тиціи успокоило его. Онъ продолжалъ смѣлѣе.

— «Никогда еще не приходилось мнѣ быть въ такомъ глупомъ положеніи. Я вѣдь совсѣмъ не знаю, какъ вы ко мнѣ относитесь; считаете-ли меня просто хорошимъ другомъ или...» — онъ съ трудомъ передохнулъ. — «Или могли бы привыкнуть ко мнѣ, какъ къ мужу. Я люблю васъ, Тиціа, ни одной женщинѣ я никогда не дѣлалъ предложенія. Я не могъ себѣ представить, чтобы можно было всю жизнь провести бокъ-о-бокъ съ одной женщиной. Только съ тѣхъ поръ, какъ узналъ васъ, я понялъ, что до сихъ поръ былъ несовершененъ, не зналъ самаго прекраснаго — жизни вдвоемъ».

Тиціа шла медленно рядомъ съ профессоромъ. Сердце ея билось гдѣ-то въ горлѣ. Радостное волненіе холодкомъ струилось по спинѣ. Наступило короткое молчаніе. Тиціа, какъ всякая настоящая женщина, наслаждалась этими неповторяемыми мгновеніями и взглядомъ Брауншвейга, полнымъ тревожнаго ожиданія. Наконецъ, она остановилась, протянула ему обѣ руки и, прямо глядя ему въ глаза, спокойно и твердо сказала:

— «Я очень цѣню ваше чувство и счастлива вашимъ выборомъ».

Съ радостнымъ возгласомъ художникъ схватилъ протянутыя ему руки и прижалъ къ губамъ. Два почтальона, проходившіе мимо, оглянулись на нихъ, перебросившись шутливымъ замѣчаніемъ. Тиціа смущенно высвободила свои руки.

— «Пойдемте, здѣсь всѣ смотрятъ на насъ. Уже поздно, надо возвращаться на выставку. Ее скоро закроютъ».

Солнце уходило за крыши и воздухъ былъ свѣжъ, когда Тиціа, усталая и счастливая, вернулась съ выставки домой. Сестры не было дома. Она сбросила шляпу, жакетку и усѣлась въ удобное кресло

за письменный столъ. Она чувствовала потребность немедленно подѣлиться съ родителями своимъ двойнымъ счастьемъ. Въ конторѣ выставки ей подтвердили сказанное профессоромъ, — содержатель картинной галлереи, Гергардъ Вольфъ, интересуется ея картиной «Портретъ сестры» и узналъ ея адресъ. О чемъ раньше писать, объ успѣхѣ картины или о женихѣ? Женихъ, какое смѣшное слово. Дорогой Рудольфъ, какъ онъ былъ счастливъ сегодня. Такъ счастливъ, что забылъ свою шляпу на выставкѣ. Надо сейчасъ позвонить туда и сказать сторожу, чтобы онъ ее спряталъ у себя до завтрашняго дня. Рудольфъ, навѣрное, забудетъ позвонить, вѣдь онъ такой разсѣянный. При мысли объ этой слабости профессора теплая нѣжность заполнила сердце Тиціи.

XXVI.

Однажды въ пасмурный іюньскій день Николай Васильевичъ Колобовъ шелъ по Фридрихштрассе. Была суббота, и въ это время (около двухъ часовъ) всѣ спѣшили на волю. Автобусы, трамваи, подземка и пѣшеходы — все это стремилось за-городъ. Въ воздухѣ стоялъ безпрерывный гулъ. Духота на узкихъ улицахъ центра была невыносима. Сѣрое небо, точно ватное покрывало, висѣло надъ крышами. Издали то и дѣло слышались отдаленные раскаты грома. Николай Васильевичъ ушелъ со службы на часъ раньше, чтобы успѣть купить Адѣ теннисные мячи. Она на-дняхъ сказала, что старыми больше играть не можетъ. Они, т. е. Тиціа, Ада и онъ сегодня собираются къ профессору Брауншвейгу за городъ. У профессора очаровательный домикъ, такъ называемый Wochenendhaus, минутъ сорокъ ѣзды отъ Берлина. Кругомъ сосновый лѣсъ, маленькое, тихое озеро, гдѣ можно купаться и грести, и большая теннисная площадка, выстроенная въ складчину всѣми обитателями дачнаго мѣстечка. Тиціа и Ада прекрасно играютъ въ теннисъ. Николай Васильевичъ тоже купилъ себѣ ракетку и, несмотря на почти пятнадцатилѣтній перерывъ, скоро вернулъ свою прежнюю ловкость. Эти два дня, которые онъ проводилъ каждую недѣлю въ крошечномъ домикѣ профессора, были для Колобова полнымъ отдыхомъ, тѣлеснымъ и нравственнымъ. Профессоръ и Тиціа были такъ поглощены собственнымъ счастьемъ, что они

ни на кого не обращали вниманія. Колобовъ съ Адой уходили въ лѣсъ и проводили долгіе, блаженные часы въ пропитанной смолистой теплотой тишинѣ. Они лежали подолгу на берегу озера и молча слѣдили за тающими въ лѣтнемъ небѣ облаками. Часто они садились въ лодку въ купальныхъ костюмахъ, отъѣзжали на самую середину озера и бросались въ сонную, прохладную глубь. Оба хорошо плавали и устраивали гонки — кто скорѣе доплыветъ до берега и обратно къ лодкѣ. Иногда по вечерамъ послѣ ужина, когда профессоръ и Тиціа уходили гулять въ темно-синіе луга, Колобовъ, уставшій за день отъ солнца и спорта, предпочиталъ, лѣниво развалившись въ соломенномъ креслѣ передъ домомъ, ни о чемъ не думать, глядя на яркія крупныя звѣзды. Ада сидѣла съ нимъ рядомъ на складномъ полотняномъ стульчикѣ и тоже глядѣла на звѣзды. Но мысли ея были далеко. Что-то безпокоило ее; она сама не знала, что. По вечерамъ все тѣло ныло, хотѣлось вытянуться во весь ростъ, броситься на землю и прижаться къ травѣ, такой теплой и пахучей послѣ заката. Можетъ быть, это отъ солнца. Она слишкомъ долго лежала на берегу съ непокрытой головой. А позже, въ постели у нея каждый вечеръ щеки горятъ, руки и ноги холодны, какъ ледъ. Колобовъ не замѣчалъ безпокойства въ Адѣ. Онъ не понималъ, что въ ней пробуждается женщина. Онъ, наоборотъ, старался ничѣмъ не задѣть ея дѣвичьей ясной чистоты. Въ этой нетронутости онъ находилъ покой. Только покоя искалъ онъ въ ней. Старшая сестра съ женихомъ, придерживаясь современныхъ взглядовъ, съ самой помолвки жили, какъ мужъ и жена. Эта близость къ полной, удовлетворенной жизни сестры еще болѣе смущала Адинъ покой. Хотя она и была благодарна Колобову за то, что онъ щадитъ ея дѣвичью чистоту, но женскій инстинктъ въ ней глухо возмущался помимо ея воли. Когда она оставалась одна, мысли о немъ тревожили ее. Поче-

му онъ никогда не говоритъ объ ихъ свадьбѣ? Чего онъ ждетъ? Однажды, въ яркій полдень, когда они вдвоемъ лежали на песчаномъ берегу озера, она случайно упомянула о какихъ-то кузинахъ въ Гаагѣ, которыхъ она непремѣнно должна пригласить на свадьбу. Сказавъ, она тутъ же пожалѣла и сбоку взглянула на облокотившагося рядомъ съ ней Николая Васильевича. Но онъ только разсѣянно улыбнулся, кивнулъ головой и снова впалъ въ то состояніе, которое онъ самъ, смѣясь, называлъ «солнечнымъ оцѣпененіемъ». Больше она этой темы не затрагивала.

Было около половины третьяго, когда Колобовъ съ пакетами мячей въ рукахъ вышелъ изъ спортивнаго магазина. Въ дверяхъ онъ столкнулся съ чрезвычайно плотнымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ въ старомодномъ макинтошѣ. Дотронувшись до шляпы и пробормотавъ извиненіе, онъ хотѣлъ пройти мимо. Но человѣкъ въ макинтошѣ громко и удивленно окликнулъ его по-русски.

— «Николай Васильевичъ, неужели это вы, вотъ такъ встрѣча! А, говорятъ, Берлинъ большой городъ. Вчера пріѣхалъ, сегодня выхожу на улицу и кого я вижу — Николая Васильевича Колобова!»

Окликнутый отвѣтилъ не сразу. Онъ никакъ не могъ помѣстить своего собесѣдника въ соотвѣтствующую ему рамку. Но вдругъ онъ вспомнилъ. Вѣдь, это Егоръ Дмитріевичъ Авсѣенко, старый другъ и пріятель его брата Михаила. Онъ схватилъ протянутую ему руку.

— «Егоръ Дмитріевичъ, голубчикъ, простите, не узналъ васъ сразу. И не мудрено. Вы такъ раздобрѣли. Какими это судьбами вы къ намъ попали? Совсѣмъ что-ли перебрались заграницу?»

Егоръ Дмитріевичъ тревожно оглянулся.

— «Тише, батенька, могутъ услышать, мало-ли кто тутъ шляется. Нѣтъ, я сюда по дѣлу пріѣхалъ,

т. е., собственно говоря, меня командировали въ Германію для закупки сельско-хозяйственныхъ машинъ».

Колобовъ, понявъ въ чемъ дѣло, кивнулъ головой.

— «Значитъ, вы у нихъ на службѣ состоите, вотъ оно что...» — протянулъ онъ холодно.

Егоръ Дмитріевичъ засуетился.

— «Что это значитъ «у нихъ»? Я занимаю видный постъ въ Сельхозѣ. Постоянно живу въ Москвѣ, но часто разъѣзжаю по провинціи. А теперь вотъ пришлось и заграницу махнуть маленько».

Онъ смущенно потрепалъ Николая Васильевика по плечу.

— «Ну, а вы какъ устроились? Говорятъ, собираетесь снова жениться. Да вы и не измѣнились нисколько, батенька, ей-Богу, не измѣнились. А мы съ вами добрыхъ лѣтъ двѣнадцать не видались».

Николай Васильевичъ недовольно пожалъ плечами.

— «Откуда въ Москвѣ извѣстно, что я будто бы собираюсь жениться?»

Его собесѣдникъ жирно разсмѣялся.

— «А вотъ извѣстно. Слухами земля полнится. Кромѣ того, я часто имѣю удовольствіе встрѣчать вашу первую супругу, Татьяну Александровну. Ее кто-то изъ Берлина и поторопился извѣстить объ этомъ».

Колобовъ вздрогнулъ.

— «Вы встрѣчали мою жену? Да развѣ она въ Москвѣ? Съ какихъ это поръ?»

Егоръ Дмитріевичъ еще разъ оглянулся съ опаской, и потянувъ своего собесѣдника за рукавъ въ подворотню, забормоталъ;

— «Простите, Николай Васильевичъ, но мнѣ все кажется, что за мною слѣдятъ. Знаете, если увидятъ, что я тутъ съ вами, съ эмигрантомъ-то, тары-бары развожу, не погладятъ по головкѣ. Простите ужъ мою

чрезмѣрную мнительность. Но мнѣ, кажется, лучше откланяться».

Колобовъ схватилъ храбраго работника Сельхоза за рукавъ.

— «Погодите, вы должны мнѣ подробно разсказать о женѣ. Пойдемте туда напротивъ въ то маленькое кафэ. Въ это время дня, да при томъ въ такую жару, мы тамъ будемъ совсѣмъ одни».

Егоръ Дмитріевичъ сталъ, было, упираться — у него нѣтъ времени, лучше въ другой разъ — но Николай Васильевичъ энергично взялъ его подъ руку.

— «Не бойтесь, я вамъ гарантирую, что кромѣ васъ никакихъ агентовъ изъ совдепіи въ этомъ кафэ не будетъ».

Егоръ Дмитріевичъ сперва хотѣлъ обидѣться, но потомъ раздумалъ и неестественно громко разсмѣялся.

Въ кафэ, какъ и предполагалъ Николай Васильевичъ, было почти пусто. Собесѣдники усѣлись за столикъ и Колобовъ заказалъ подошедшей барышнѣ два стакана замороженнаго кофе. Въ маленькомъ помѣщеніи было сравнительно тихо. Безпрерывный уличный шумъ заглушенно проникалъ черезъ широкія стекла оконъ и дверей. Становилось все темнѣе отъ надвигающихся тучъ; и все явственнѣе доносились раскаты грома. Авсѣенко всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ изнывалъ отъ жары. Онъ снялъ шляпу и сталъ оттирать крупныя капли пота съ лысѣющаго лба.

— «Ну, разсказывайте, разсказывайте», — заторопилъ Николай Васильевичъ.

— «Что же много разсказывать то? Ваша супруга, Татьяна Александровна, въ добромъ здравіи, похорошѣла и помолодѣла; отъ васъ, Николай Васильевичъ, не отстаетъ нисколько».

Колобовъ нетерпѣливо перебилъ его.

— «Но какимъ образомъ она въ Москвѣ очутилась? И давно она тамъ?»

Барышня поставила на столикъ два высокихъ ста-

кана съ замороженнымъ кофе и одинъ съ соломинками въ чехлахъ изъ папиросной бумаги. Прежде чѣмъ отвѣтить, Егоръ Дмитріевичъ придвинулъ къ себѣ одинъ стаканъ и, не пользуясь соломинкой, жадно отпилъ половину.

— «Порядочно, мѣсяцевъ семь-восемь, вѣроятно, будетъ. Она работаетъ по народному просвѣщенію, а мужъ ея, Петръ Гавриловичъ, со мной вмѣстѣ въ Сельхозѣ. Поэтому и видимся такъ часто».

Колобову показалось, что онъ плохо понялъ. Онъ переспросилъ:

— «Какъ вы сказали? Мужъ ея работаетъ съ вами въ Сельхозѣ? Чей мужъ? Я не понимаю».

Авсѣенко съ удивленіемъ взглянулъ на своего собесѣдника.

— «То есть, какъ это не понимаете? Неужели вы до сихъ поръ не знали о томъ, что ваша первая жена вышла вторично замужъ? Этого быть не можетъ».

Какая-то неясная тѣнь проплыла передъ глазами Колобова. Онъ нѣсколько разъ мигнулъ. Совсѣмъ близко раздался вдругъ раскать грома и желтоватый свѣтъ молніи озарилъ на мгновеніе широкія окна кафэ. Нѣкоторое время Колобовъ молчалъ. Потомъ сказалъ, какъ бы издалека:

— «Нѣтъ, не зналъ. Она вышла замужъ. Ну да, конечно, конечно...»

Егору Дмитріевичу стало еще жарче отъ неловкости. Онъ не зналъ, что ему сказать. За окномъ сухой вѣтеръ срывалъ шляпы съ прохожихъ и гналъ дикимъ вихремъ разный уличный соръ. Николай Васильевичъ повернулся и пристально посмотрѣлъ на Авсѣенко.

— «Вы его знаете, разскажите, какой онъ изъ себя, мужъ моей жены; интересное названіе для звукового фильма».

Онъ криво усмѣхнулся. Тучный членъ Сельхоза вытеръ платкомъ побагровѣвшую шею.

— «Петръ Гавриловичъ? Человѣкъ очень пред-

ставительный: высокій такой, съ маленькими усиками, лѣтъ подъ сорокъ. Очень дѣльный парень, его всѣ уважаютъ».

— «Коммунистъ?» — отрывисто спросилъ Колобовъ.

Егоръ Дмитріевичъ помялся.

— «Да, ужъ партійный, а то какъ же. Безпартійныхъ въ отвѣтственные работники не берутъ вѣдь».

— «А она? — продолжалъ Николай Васильевичъ. —Тоже поступила въ партію ради него?»

— «Не знаю, право не могу сказать вамъ. И почему это васъ такъ интересуетъ?»

Колобовъ пожалъ плечами.

— «Вы правы. Какое мнѣ дѣло до этого? У каждаго барона своя фантазія. Ахъ простите, ради Бога, что въ вашемъ присутствіи я осмѣлился упомянуть о столь гнусномъ паразитѣ!»

Николай Васильевичъ громко и неестественно разсмѣялся.

Вдругъ все маленькое помѣщеніе кондитерской вспыхнуло въ красномъ свѣтѣ молніи и тутъ же надъ самой головой яростно загрохоталъ громъ. Двѣ дѣвушки, сидящія за столикомъ у окна, испуганно вскрикнули. За потемнѣвшимъ стекломъ, точно вырвавшись на волю, забарабанилъ освѣжающій ливень. Николай Васильевичъ глубоко вздохнулъ. Авсѣенко весь сжался и съ тревогой смотрѣлъ то на дождь, то на своего собесѣдника. Колобовъ подозвалъ барышню и заплатилъ за кофе, не обращая вниманія на протестующаго Егора Дмитріевича, который непремѣнно хотѣлъ вручить ему 1 мар. 10 пфен. за свою порцію. Николай Васильевичъ рѣзко отстранилъ деньги.

— «Перестаньте, Егоръ Дмитріевичъ, вѣдь я васъ сюда затащилъ, » — и добавилъ, горько усмѣхнувшись: — «долженъ же я въ концѣ концовъ заплатить за такія неожиданныя свѣдѣнія».

Авсѣенко, пожавъ плечами, сунулъ деньги об-

ратно въ карманъ. Раскаты грома замѣтно удалялись. Дождь частой дробью плескалъ по окнамъ. Просидѣвъ съ минуту молча, Колобовъ внезапно всталъ.

— «Ну прощайте, Егоръ Дмитріевичъ, всѣхъ благъ вамъ. Наврядъ ли намъ съ вами придется еще разъ увидѣться на этомъ свѣтѣ».

Авсѣенко растерянно посмотрѣлъ на Николая Васильевича.

— « Богъ съ вами, куда вы пойдете въ этотъ ливень. Посидите еще немного, когда перестанетъ, вмѣстѣ выйдемъ».

Колобовъ отрицательно покачалъ головой.

—«Я долженъ идти. Вы ужъ простите меня, я спѣшу».

Егоръ Дмитріевичъ пожалъ протянутую ему Колобовымъ руку.

— «Я вѣдь остаюсь въ Берлинѣ нѣсколько дней. Дайте мнѣ номеръ вашего телефона, мы можемъ еще повидаться».

Но Николай Васильевичъ снова покачалъ головой.

— «Ну къ чему вамъ подвергать себя риску въ компаніи эмигранта? Васъ могутъ увидѣть со мной и въ Москву дойдутъ слухи, не соотвѣтствующіе дѣйствительности. Наши дороги расходятся, дорогой Егоръ Дмитріевичъ. Вамъ налѣво, мнѣ прямо, куда глаза глядятъ».

Кивнувъ растерянному и смущенному члену Сельхоза, Колобовъ вышелъ изъ кондитерской. На улицѣ было немного прохладно. Дождь утихалъ. Съ панели несся запахъ промокшаго асфальта. Блѣдныя молніи изрѣдка озаряли свѣтлѣющее небо.

Вечеромъ того же дня въ маленькомъ домикѣ профессора на берегу озера Тиціа и Ада въ крошечной столовой возились съ ужиномъ. Самъ Брауншвейгъ, засучивъ рукава, сажалъ какія-то замысловатыя растенія въ грядки передъ домомъ. Черезъ открытыя окна въ комнатки проникалъ вечерній за-

пахъ освѣженной грозою земли. Тиціа въ свѣтломъ платьѣ, въ сандаліяхъ на босу ногу, загорѣлая, весело напѣвая новѣйшій шлагеръ, нарѣзала сочными яркокрасными ломтиками лоснящіеся томаты. Ада молча, какъ будто чѣмъ то поглощенная, разворачивала ветчину изъ бумаги. Старшая спросила, мелькомъ взглянувъ на сестру:

— «Что ты сегодня такая молчаливая, Мышка? А гдѣ же Николай?»

— «Молчаливая? Нѣтъ, что ты, Бѣлочка, я какъ всегда. А Николай ушелъ въ лѣсъ. У него отъ духоты очень голова болѣла. Онъ хотѣлъ свѣжимъ воздухомъ подышать».

Голосъ Ады звучалъ неубѣдительно. Тиціа подошла къ ней.

— «Мышка, посмотри на меня. Ты поссорилась съ нимъ, да?»

Ада взглянула на сестру.

— «Нѣтъ, что ты».

И вдругъ, схвативъ старшую за руку, она добавила глухо:

— «Я не знаю, что съ нимъ. Онъ иногда такой странный, что мнѣ прямо дѣлается жутко. Вотъ сегодня, напримѣръ, распаковывая его чемоданъ, нахожу пакетъ съ теннисными мячами. Ясно, что они для меня. Я вѣдь уже все время мечтала о новыхъ мячахъ. Бѣгу къ нему радостная и благодарю его за нихъ. А онъ, устало такъ, даже немного разсѣянно, говоритъ: ахъ, да, я привезъ мячи, я совсѣмъ забылъ отдать ихъ тебѣ. — Знаешь, Тиціа, иногда мнѣ кажется, что онъ меня совсѣмъ не любитъ».

XXVII.

Тиціа съ профессоромъ Брауншвейгомъ повѣнчалась въ началѣ августа. Такъ какъ оба не любили пышныхъ празднованій, свадьба состоялась въ кругу самыхъ близкихъ родныхъ и друзей. Сразу послѣ вѣнчанія молодые уѣхали въ Голландію къ родителямъ невѣсты, гдѣ они предполагали остаться нѣсколько недѣль, чтобы потомъ отправиться въ Италію до конца октября. Тиціа вся переливала счастьемъ. Въ ея зеленоватыхъ глазахъ появился золотой блескъ — отраженіе внутренняго свѣта. Профессоръ за свадебнымъ ужиномъ все время цѣловалъ женѣ руки и съ гордостью слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. На вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, Тиціи вдругъ стало очень тяжело разставаться съ младшей. Что-то непріятное зашевелилось въ ней при видѣ тоненькой Адиной фигуры, покорно стоящей около Колобова. Недавно Рудольфъ, по просьбѣ Тиціи, спросилъ Николая Васильевича, почему онъ собственно не назначаетъ дня свадьбы. Колобовъ сперва неловко промолчалъ, а потомъ заявилъ, что осенью ему обѣщали прибавку на службѣ и только тогда онъ сможетъ опредѣленно рѣшить. Ада, конечно, ничего не знала о разговорѣ будущаго зятя съ женихомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого она радостно сообщила сестрѣ, что они съ Николаемъ рѣшили вѣнчаться въ серединѣ ноября. Тиціа хотѣла, чтобы сестра вмѣстѣ съ ними поѣхала домой, но Ада наотрѣзъ отказалась, такъ какъ Николай Васильевичъ получитъ отпускъ только въ сентябрѣ, а безъ него она не по-

ѣдетъ. Лѣто выпало на этотъ годъ рѣдко хорошее и жаркое. Въ городѣ было невыносимо душно. Профессоръ, уѣзжая, передалъ ключи своего загороднаго домика Николаю Васильевичу и Адѣ. Они будутъ продолжать выѣзжать туда каждую субботу до понедѣльника. А въ сентябрѣ Николай Васильевичъ обѣщалъ невѣстѣ сопровождать ее въ Голландію къ родителямъ. Самой Адѣ тоже было не легко остаться одной съ Колобовымъ. Когда поѣздъ тронулся и унесъ улыбающееся лицо старшей, она безпомощно оглянулась на Николая Васильевича. Но онъ не замѣтилъ ея взгляда. Онъ весело смѣялся чему-то, что разсказывалъ ему извѣстный художникъ, другъ профессора. Внезапное чувство одиночества овладѣло Адой. Но оно продолжалось недолго. Колобовъ уже обернулся къ ней, о чемъ-то ласково спросилъ и взялъ ее подъ руку. Сразу всѣ сомнѣнія улеглись. Она улыбнулась ему. Его голосъ такъ умѣлъ успокаивать ее.

Время потекло. Отъ Тиціи стали приходить радостныя письма. Ея мужъ очень нравился родителямъ и онъ, въ свою очередь, въ восторгѣ отъ нихъ. Особенно отъ мамъ. Онъ просто влюбился въ нее, такъ что Тиціа даже ревнуетъ немного. Всѣмъ имъ, конечно, очень не достаетъ Мышкинаго присутствія и всѣ ее ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Послѣ нѣсколькихъ пасмурныхъ прохладныхъ дней въ концѣ августа снова засверкало солнце. Воздухъ въ городѣ стоялъ оранжерейный. Надъ свѣже политой мостовой клубился паръ. Люди, изнывая отъ жары, жались къ скудной тѣни возлѣ домовъ. Дѣти, какъ осы, облипали возки мороженниковъ, жадно слѣдя за ловкими руками свѣтловолосаго парня, вылавливающаго округленной ложкой разноцвѣтные пористые шарики. Дни тянулись точно черепахи на солнцѣ, лѣниво перебирая календарными листками.

Ада и Николай Васильевичъ съ нетерпѣніемъ ждали субботы. Наконецъ, она наступила. Сказавшись на службѣ больнымъ, Колобовъ съ невѣстой съ утра

уѣхали къ домику профессора на берегъ озера. Въ поѣздѣ была невыносимая духота. Николай Васильевичъ, которому пришлось простоять всю дорогу, ежеминутно оттиралъ влажный лобъ носовымъ платкомъ. Ада сидѣла у окна, но отъ раскаленнаго вѣтра, вмѣстѣ съ пылью врывающагося въ вагонъ, у нея только сильно разболѣлась голова. Со вздохомъ облегченія они отперли короткимъ ключемъ низенькую дверь, выкрашенную въ ярко - синій цвѣтъ, ведущую въ крохотную прихожую дачки. Въ комнатахъ было полутемно и прохладно отъ спущенныхъ жалюзи. Въ столовой на кругломъ столѣ увядали ромашки, собранныя Адой въ прошлый ихъ пріѣздъ. Немного прибравъ и наскоро переодѣвшись въ купальный костюмъ, Мышка выбѣжала къ озеру. Николай Васильевичъ уже сидѣлъ въ лодкѣ. поджидая ее. Они долго плавали, гребли и лежали подъ дробящейся тѣнью плакучей ивы. Когда они, освѣженные и усталые, вернулись въ домъ, было около двухъ часовъ. Колобовъ весело насвистывалъ, переодѣваясь въ бывшей комнатѣ профессора. Изъ маленькой кухни доносился чистый голосъ Ады, напѣвающій голландскую дѣтскую пѣсенку. Послѣ обѣда они читали, бродили въ лѣсу, собирали грибы. Николай Васильевичъ разсказывалъ Адѣ о своей родинѣ, о своемъ дѣтствѣ, о томъ, какими праздниками были для нихъ, дѣтей, поѣздки за грибами въ нескончаемые лѣса, окружавшіе усадьбу его родителей. Она внимательно слушала его, стараясь понять и полюбить эту далекую и такую ей чужую страну. Вечеромъ они сидѣли передъ домомъ и глядѣли на убывающій дискъ луны. Оба молчали. Николай Васильевичъ отдыхалъ, ни о чемъ не думая. Чисто физической радостью онъ ощущалъ свое освѣженное купаньемъ тѣло, тишину ночи, прохладное дуновеніе съ озера. Адѣ было жарко. Ей казалось, что струя воздуха надъ ея головой напоена какимъ-то дурманящимъ запахомъ. Мучительно и сладостно ныли ноги. Во ртy пересохло. Передъ сномъ, какъ

обычно, Николай Васильевичъ поцѣловалъ невѣсту въ губы долгимъ поцѣлуемъ. И отъ прикосновенія этихъ теплыхъ, спокойныхъ губъ знакомая, сладкая дрожь охватила Аду. Позже въ своей комнатѣ она прижимала пылающія щеки къ скользкому стеклу. Низкое окно не пропускало много воздуха, и дѣвушка въ одной рубашкѣ, босая, вышла на крылечко, надѣясь, что ночная прохлада освѣжитъ ея горячее тѣло. Темнота кругомъ стояла непроницаемая. Туча спрятала луну. Только справа за озеромъ свѣтились огоньки дачнаго мѣстечка. Слабый вѣтеръ еле перебиралъ листьями березъ. Темнота была полна шороховъ. Откуда - то доносились изступленные крики лягушекъ. Ада прислонилась къ балюстрадѣ и ждала. Она сама не знала чего; ея ноги затекли, но она не двигалась. Вдругъ прямо передъ нею во тьмѣ вспыхнула краснымъ огонькомъ папироса. Она слабо вскрикнула. Удивленный, немного встревоженный голосъ Николая Васильевича окликнулъ ее.

— «Адушка, это ты? Почему ты не спишь? Тебѣ не здоровится?»

Онъ уже былъ рядомъ съ ней на крыльцѣ, его рука обняла ея непокрытыя плечи.

— «Да ты въ одной рубашкѣ, ну какъ можно. Идемъ, идемъ скорѣй, я уложу тебя въ постель. Вѣдь такъ и простудиться легко».

Ада покорно вернулась съ Николаемъ Васильевичемъ въ свою комнату. На вторичный вопросъ Колобова, что съ ней, не нездоровится ли ей, она отрицательно махнула головой.

— «Нѣтъ, я здорова, просто уснуть не могу отъ жары. Здѣсь такъ душно».

Николай Васильевичъ шире распахнулъ окно и бережно обнялъ Аду.

— «Ложись, маленькая, завтра встанемъ рано и пойдемъ купаться. Гляди, какія пышныя звѣзды. Для насъ съ тобою готовится чудный воскресный день».

Онъ легко коснулся губами ея влажнаго лба. Сердце въ ней мучительно застучало. Онъ говоритъ съ нею, какъ съ капризнымъ ребенкомъ, который не хочетъ идти спать. Она не ребенокъ. Она женщина и она любитъ его. Во внезапномъ порывѣ она обняла его шею своими теплыми руками и вся прижалась къ нему дѣвичьимъ тѣломъ, свободнымъ и гибкимъ подъ легкой тканью рубашки. Горячая волна, пробѣжавшая по его спинѣ, испугала Колобова. Онъ хотѣлъ нѣжно отстранить Аду, но узкія руки дѣвушки крѣпко держали его. Прижимаясь къ его плечу, она тихо говорила непривычныя для нея слова:

— «Николай, я вѣдь люблю тебя, почему ты обращаешься со мной, какъ съ ребенкомъ? Я твоя невѣста, и я люблю тебя. Почему ты не цѣлуешь меня? Ты всегда такой далекій, такой спокойный, иногда совсѣмъ чужой. Мнѣ часто кажется, что ты меня совсѣмъ не любишь, Николай».

Горячая волна унесла Колобова. Онъ внезапно все забылъ. Адины слова зажгли въ немъ долго дремавшую чувственность. Послѣднія попытки разума, повелѣвавшаго ему вырваться изъ объятій дѣвушки и запереться въ своей комнатѣ, плыли сѣрыми клочьями по яркой поверхности освобожденнаго желанія. Куда дѣвались его стремленіе къ покою, его жажда чистоты? Не было ничего кромѣ сжигающаго его гибкаго дѣвичьяго тѣла. Жадными руками ласкалъ онъ мягкія контуры Адиныхъ плечъ. Съ закрытыми глазами, съ вытянутымъ впередъ лицомъ, какъ слѣпая, принимала она его ласки; полустрадальческая улыбка застыла на ея губахъ. Подъ горячими руками Николая Васильевича рубашка соскользнула съ Адинаго плеча; онъ прижался губами къ обнажившейся блѣдной, маленькой груди. Потомъ все смѣшалось. Небывалая, мучительно - сладкая, мучительно - тягучая волна унесла Аду въ невѣдомыя дали. Стиснувъ зубы, закрывъ глаза, она летѣла изъ одной пропасти въ другую. Чьи-то губы жгли ее, чьи-то руки блуждали по ея тѣ-

лу. Она была вся точно натянутая тетива лука. Потомъ она заснула и спала, кажется, долго. Проснулась подъ утро. Подняла голову и замѣтила золотую полосу на прохладномъ небѣ сквозь оставшееся открытымъ окно. Она вся вытянулась въ постели и повернула голову. Рядомъ съ ней никого не было. Она отвернулась къ стѣнѣ и закрыла глаза. Мысли были легки, какъ разлетающіяся ночныя тѣни. Ни стыда, ни раскаянія. Она спокойно и крѣпко заснула.

Николай Васильевичъ не спалъ. Придя въ себя послѣ нахлынувшаго такъ внезапно дикаго желанія, онъ почувствовалъ знакомую горечь и пустоту. Къ нимъ еще примѣшалось новое — раскаяніе, но раскаяніе низкое, эгоистичное. Онъ не жалѣлъ Адиной чистоты какъ таковой, ему было жаль ее постолько, посколько онъ самъ себя наказалъ, утративъ ту чистую дѣвушку, въ которой онъ надѣялся найти желанный покой. Когда Ада уснула, онъ, крадучись и оглядываясь, вернулся въ свою комнату, зажегъ папиросу и заходилъ въ темнотѣ взадъ и впередъ. Ему вдругъ стало ясно, почему онъ все отгонялъ мысль о свадьбѣ. Вѣдь онъ даже не хотѣлъ, чтобы Ада стала его женой. Онъ любилъ въ ней одну только ея чистоту, внутреннюю и внѣшнюю. Теперь, самъ уничтоживъ ее, онъ это понялъ вполнѣ. Ада была для него чѣмъ - то вродѣ родника, въ которомъ онъ хотѣлъ смыть съ себя все накопившееся за долгую жизнь, — всѣ обиды, всѣ грѣхи, всѣ слезы. Онъ любовался ея незнаньемъ жизни. Онъ искалъ убѣжища въ невозмутимомъ покоѣ ея дѣвственности. Но все это лишь казалось ему, — вмѣсто спокойствія и ее осаждали мучительные приступы желанія. И въ ней просыпалась женщина, а онъ этого не замѣчалъ. Теперь все кончено. Онъ женится на ней, и она будетъ ждать отъ него бурныхъ ласкъ. Ея молодое, здоровое тѣло потребуетъ своей доли. А онъ такъ усталъ, такъ измученъ,такъ одинокъ. Папироса погасла. Онъ не могъ найти спичекъ и выбросилъ ее недокуренной въ окно.

Тамъ все еще было тихо и темно. Одна крупная голубоватая звѣзда мигала надъ густыми черными вѣтвями липъ. Николай Васильевичъ опустился на низкій стулъ у окна. Воздухъ свѣжѣлъ. Пахло сосной, сыростью и немного гарью. Онъ одинъ. Никого нѣтъ. Міръ пустъ. Онъ, и вотъ эта звѣзда наверху. Всю жизнь притворяться, всю жизнь говорить на чужомъ языкѣ. Онъ опустилъ тяжелую голову на подоконникъ. Онъ эгоистъ, онъ трусъ, онъ негодяй. Почему онъ ни разу не вспомнилъ объ Адѣ, объ ея судьбѣ? Каково ей будетъ, когда она узнаетъ, что онъ не любитъ ее той настоящей любовью, а пойметъ это она очень скоро. Бѣдная, маленькая Мышка, онъ не имѣетъ права калѣчить ея жизнь; онъ долженъ уйти. Уйти? Но вѣдь теперь поздно, поздно.

Когда онъ поднялъ голову съ подоконника, небо переливало серебромъ. Звѣзды блѣднѣли. Шелковистые края тучъ молодо заалѣли. Ему показалось, что кто-то склонился надъ нимъ и положилъ легкую знакомую руку на его голову. Онъ обернулся. Въ комнатѣ никого не было. Синіе контуры предметовъ выступали въ раннемъ свѣтѣ. И вдругъ ему почудились тихіе, каріе глаза Тани, глядѣвшіе на него съ безконечной грустью, съ безконечной любовью.

XXVIII.

Такъ какъ директоръ уѣхалъ по дѣлу въ Кельнъ на двѣ недѣли, то стенотипистка фрейлейнъ Шмидтъ безразлично, что идетъ дождь. Вѣдь все равно некому любоваться ея пѣнящимися на солнцѣ, какъ свѣтлое пиво, волосами. Этотъ русскій, Herr Koloboff, который замѣняетъ директора въ его отсутствіи, не обращаетъ никакого вниманія на фрейлейнъ Шмидтъ. Онъ со всѣми одинаково любезенъ и сдержанъ. О немъ никто въ конторѣ ничего не знаетъ. Всѣ къ нему относятся учтиво, потому что онъ пользуется симпатіей шефа. Но его не любятъ; считаютъ гордымъ и властнымъ. Она, фрейлейнъ Шмидтъ, вообще не переноситъ иностранцевъ, въ особенности русскихъ. Пріѣхали изъ своей дикой холодной страны, проникли повсюду и устроились, какъ дома. Остались бы они лучше у себя на родинѣ съ медвѣдями и водкой. Ни за что не вышла бы она замужъ за русскаго. Ужъ лучше остаться въ старыхъ дѣвахъ! Фрейлейнъ Шмидтъ ловко играетъ на машинкѣ. Ея холеные пальчики безъ устали мелькаютъ на круглыхъ клавишахъ, выстукивая буквы, фразы, цѣлыя письма: «Милостивый Государь, мы имѣемъ честь доложить Вамъ, что Ваше письмо отъ...» Тутъ къ фрейлейнъ Шмидтъ подошла конторщица, фрейлейнъ Ганземанъ, съ пачкой бумагъ для просмотра.

— «Всегда прилежна эта милая Гертруда. У насъ вообще примѣрная контора. Одинъ хочетъ перещеголять другого своимъ прилежаніемъ. Вы уже слышали,

Herr Koloboff отказался отъ отпуска въ пользу стараго Адлерсгейма. Онъ говоритъ, что не можетъ уѣхать, когда такъ много работы и что успѣетъ отдохнуть попозже, въ ноябрѣ или на Рождество».

Гертруда Шмидтъ пожала плечами.

— «Подлизывается къ директору. За это прилежаніе директоръ, вѣрно, и назначилъ его своимъ замѣстителемъ на время своего отсутствія».

Конторщица покачала головой.

— «Не знаю, можетъ быть. А знаете, Гертруда, мнѣ онъ нравится, этотъ Колобовъ. Въ немъ что-то такое таинственное, притягивающее».

Конторщица не ошиблась. Колобовъ, дѣйствительно, отказался отъ отпуска, мотивируя свой отказъ избыткомъ работы. Вмѣсто него уѣхалъ бухгалтеръ, старикъ Адлерсгеймъ, которому въ этомъ году отпуска почему-то совсѣмъ не полагалось. Когда директоръ отправился въ Кельнъ, назначивъ Николая Васильевича своимъ замѣстителемъ, послѣдній искренно обрадовался излишней работѣ, связанной съ этимъ назначеніемъ. Только работа давала ему возможность ни о чемъ не думать. Однообразные часы, проведенные въ конторѣ, были Колобову дороги и желанны. Тамъ онъ чувствовалъ себя сильнымъ и спокойнымъ. Какъ только за нимъ затворялась тяжелая дверь и онъ выходилъ на улицу, вся увѣренность сразу покидала его. Онъ казался себѣ слабымъ, придавленнымъ, ничтожнымъ. Отъ отпуска онъ отказался только потому, что не хотѣлъ или, вѣрнѣе, не могъ послѣ случившагося уѣхать съ Адой въ Голландію, какъ обѣщалъ ей раньше. Адѣ же сказалъ онъ, что принужденъ отложить поѣздку на нѣсколько недѣль изъ-за отсутствія шефа. Она, какъ всегда, повѣрила и покорилась. Несмотря на то, что съ Адой Колобовъ старался по-прежнему быть ласковымъ и нѣжнымъ, что часто по ночамъ, когда всѣ спали въ пансіонѣ, она приходила въ его комнату маленькой бѣлой тѣнью, — все же она обостреннымъ инстинктомъ проснув-

шейся женщины чувствовала, что въ немъ происходитъ что-то неладное. Она ни о чемъ не спрашивала. Она ждала. Дома, въ Голландіи, успокаивала она себя, въ присутствіи родителей онъ долженъ будетъ, наконецъ, рѣшиться быть съ ней откровеннымъ. Они тамъ повѣнчаются и все будетъ ясно и спокойно. Когда Николай Васильевичъ однажды вечеромъ въ началѣ сентября сообщилъ ей объ отсрочкѣ ихъ поѣздки въ связи съ его назначеніемъ замѣстителемъ директора, она повѣрила его словамъ, но что-то непріятное зашевелилось въ ней. Она отвѣтила совсѣмъ спокойно, даже улыбнулась ему. Но съ этой самой минуты глухое предчувствіе чего-то неизбѣжнаго глубоко вгнѣздилось въ ея душѣ. Она стала замѣчать въ Колобовѣ разныя мелочи, на которыя раньше не обратила бы вниманія. Его разсѣянный далекій взглядъ, когда она съ нимъ говорила, его безразличіе, когда рѣчь шла о будущемъ, объ ихъ общемъ будущемъ, поспѣшность, съ которой онъ утромъ одѣвался и уходилъ, еле прикоснувшись губами къ спутаннымъ завиткамъ на ея лбу. Она молчала и копила въ себѣ эти мелкія звенья, образующія нескончаемую цѣпь разочарованія. Когда ея надежды на поѣздку въ Голландію рухнули, она стала съ нетерпѣніемъ ждать возвращенія Тиціи. Старшая своимъ опытомъ и умомъ сумѣетъ помочь. Она, Ада, ей все разскажетъ. И если надо, Тиціа сама поговоритъ съ Николаемъ. Молодые теперь путешествовали по Италіи. Отъ нихъ приходили открытки, полныя южнаго солнца. Раньше октября они не вернутся. Ада стала считать дни до октября. Колобовъ былъ такъ поглощенъ своими собственными переживаніями, что не замѣчалъ перемѣны въ Адѣ. Какъ-то утромъ, когда она провожала его на службу, она, какъ обычно, улыбнулась ему на прощаніе. Много позже, въ автобусѣ, Николай Васильевичъ почему-то вспомнилъ эту улыбку и сердце его сжалось. Ему вдругъ стало ясно, что Ада уже не та дѣвочка, которой она была годъ тому на-

задъ. Въ ея улыбкѣ не было больше дѣтской безпечности. Въ мысляхъ Колобова медленно выплылъ нѣжный овалъ Адинаго лица. Усталая блѣдность щекъ и грустная покорность взгляда. Ему стало безконечно жаль ее. Захотѣлось остановить автобусъ, вернуться домой, броситься къ Адѣ, обнять ее и умолять о прощеніи. Но онъ остался сидѣть. Въ мысляхъ глухо вертѣлось одно: все равно ни къ чему. Рано или поздно надо будетъ объясниться съ ней. Когда она пойметъ, что онъ не любитъ ее, она сама уйдетъ отъ него. Она гордая и она то вѣдь любитъ его настоящей любовью. Онъ эгоистъ, безсердечный эгоистъ, обреченный дѣлать нечастными всѣхъ любящихъ его.

Въ этотъ день на службѣ было много работы и Николаю Васильевичу мало-по-малу удалось стушевать страдальческій взглядъ Адиныхъ глазъ изъ своихъ мыслей при помощи цыфръ. Цыфры никогда не обманываютъ. Ихъ сухая точность успокаивающе дѣйствуетъ на измученный вѣчными колебаніями человѣческій мозгъ. Около двѣнадцати часовъ къ Николаю Васильевичу, временно занимавшему кабинетъ самого директора, постучалась конторщица. Она несла подмышкой нѣсколько бумагъ для подписи, въ ея правой рукѣ было что-то, прикрытое тонкимъ листомъ папиросной бумаги. Въ то время, какъ Колобовъ сталъ разсматривать документы, пухлая рука фрейлейнъ Ганземанъ осторожно поставила на письменный столъ передъ нимъ круглый предметъ и быстро стянула съ него тонкую бумагу. Николай Васильевичъ разсѣянно поднялъ глаза. На тарелкѣ лежалъ большой кусокъ шоколаднаго торта, полуприкрытаго сбитыми сливками.

— «Что это обозначаетъ, фрейлейнъ Ганземанъ?» — съ удивленіемъ обратился онъ къ смущенно краснѣющей конторщицѣ.

Ея широкія губы расплылись въ улыбкѣ.

— «Просто то, что сегодня мое рожденіе, Herr

Koloboff, и я бы хотѣла, чтобы вы съѣли этотъ кусочекъ торта за мое здоровье».

Николай Васильевичъ привѣтливо улыбнулся и протянулъ руку. Фрейлейнъ Ганземанъ, еще больше краснѣя, вложила въ нее свои круглые пальцы, похожіе на ливерныя сосиски.

— «Поздравляю васъ, фрейлейнъ Ганземанъ, желаю вамъ много счастья, хорошаго мужа и красивыхъ дѣтей».

Конторщица скромно опустила глаза.

— «Что вы, Herr Koloboff, кто меня возьметъ? Я некрасива и уже немолодая. Старика я не хочу, а тотъ, кто мнѣ нравится, на меня и не посмотритъ».

Тутъ она взглянула на Колобова взглядомъ, по ея мнѣнію, полнымъ значенія. Николай Васильевичъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и, любезно пробормотавъ: — «Ну что вы, почему же», — сталъ собирать подписанныя бумаги. Конторщица глубоко вздохнула, раза два кашлянула и, наконецъ, сказала:

— «Herr Koloboff, вы, вѣроятно, и сами знаете, что у васъ здѣсь въ конторѣ не мало враговъ и завистниковъ. Такъ вотъ я хотѣла, я думала...»

Она запнулась. Колобовъ удивленно взглянулъ на нее.

— «Я хотѣла только сказать вамъ, — продолжала она смѣлѣе — что во мнѣ вы имѣете преданнаго друга, что я всегда буду на вашей сторонѣ, всегда...»

Тутъ она снова запнулась и смущенно стала собирать съ письменнаго стола подписанныя бумаги. Внезапное чувство признательности къ трогательной своей искренностью конторщицѣ заставило Колобова схватить ея руку и, сжимая ее, сказать теплымъ голосомъ:

— «Спасибо, милая фрейлейнъ Ганземанъ, будьте увѣрены, что я вашихъ словъ никогда не забуду».

Конторщица вся красная съ бумагами подмышкой выбѣжала изъ кабинета.

Неожиданный порывъ немного жалкой, немного

смѣшной старой дѣвы долго преслѣдовалъ Колобова и заставилъ его задуматься надъ самимъ собой. Вокругъ него друзья, о которыхъ онъ и не подозрѣваетъ. У него очаровательная невѣста, которая его беззавѣтно любитъ. Почему же онъ не можетъ быть счастливымъ? Почему онъ всегда и повсюду обреченъ искать чего-то недостижимаго? Почему онъ не можетъ вычеркнуть прошлое, начать совсѣмъ новую жизнь здѣсь на чужбинѣ? Живутъ же люди и довольны и ни о чемъ не вспоминаютъ. Вотъ хотя бы Лиховецкій. Все потерялъ на родинѣ: имущество, жену, дѣтей, остался одинъ, какъ перстъ, и приспособился. Нашелъ новый смыслъ жизни въ старыхъ книгахъ, почтовыхъ маркахъ и живетъ, даже счастливъ. Ему, Колобову, сравнительно повезло получить хорошую службу; директоръ относится къ нему съ особымъ довѣріемъ, даже назначилъ его, иностранца, своимъ замѣстителемъ. Отчего же онъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ, а долженъ вѣчно мучить себя и близкихъ ему людей? Таня не выдержала и ушла отъ него. Можетъ быть, она права. Таня — съ той случайной встрѣчи съ товарищемъ брата на Фридрихштрассе, когда онъ узналъ о вторичномъ замужествѣ жены, Колобовъ запретилъ себѣ думать о ней. Тѣмъ, что она могла рѣшиться на подобный шагъ, она лишній разъ подтвердила ему, что все прошлое безповоротно погибло. За послѣднее время Николаемъ Васильевичемъ все чаще овладѣвало желаніе уѣхать изъ Берлина. Десять лѣтъ, проведенныхъ въ германской столицѣ, накопили въ немъ такую гору болѣзненныхъ воспоминаній, горечи и колебаній, что онъ чувствовалъ потребность въ новой атмосферѣ вокругъ себя. Братъ Михаилъ давно уже зоветъ его въ Парижъ. Онъ тамъ недурно устроился въ автомобильномъ дѣлѣ; даже имѣетъ собственную квартиру въ районѣ Булонскаго Лѣса. Его жена, Марія Павловна, и дочь Наташа приглашаютъ Николая Васильевича пріѣхать хотя бы погостить къ нимъ на мѣ-

сяцъ. Въ Парижѣ возможностей тьма. Онъ всегда смогъ бы устроиться въ дѣлѣ брата или найти что-нибудь другое по своей спеціальности. Но Николай Васильевичъ все время отказывался отъ приглашенія. Жалко было бросать службу. Позже съ пріѣздомъ Тани онъ и совсѣмъ пересталъ объ этомъ думать. Теперь же, когда онъ понялъ, что утратилъ то свѣтлое убѣжище, чѣмъ представлялась ему Ада, когда ему стало ясно, что она во всемъ чужда ему, что онъ никогда не любилъ ее настолько, чтобы связать свою жизнь съ ней, а только искалъ въ ней покоя и нуждался въ ней для установленія своего душевнаго равновѣсія, его снова потянуло изъ Берлина на волю. Ему захотѣлось новыхъ горизонтовъ, новыхъ людей. Мысленно онъ уже былъ далеко. И только по привычкѣ продолжалъ аккуратно исполнять свою работу, ходить, говорить, притворяться. При одной мысли о томъ, что онъ можетъ все бросить и уѣхать, дикое чувство радости охватывало его. Онъ старался подавить это чувство, бранилъ себя эгоистомъ, негодяемъ, но ничего не помогало, радость оставалась. Въ такія минуты онъ бывалъ особенно внимателенъ къ Адѣ, шутилъ съ нею, былъ ласковъ и нѣженъ, какъ прежде И дѣвушка, не подозрѣвая причины этой внезапной перемѣны, радостно улыбалась ему прежней своей ясной улыбкой. Иногда глубокая жалость къ Адѣ охватывала его. Онъ готовъ былъ пожертвовать личнымъ счастьемъ и свободой, чтобы видѣть ее счастливой, онъ даже старался убѣдить себя, что эта жалость и есть любовь. Но недолго продолжались подобные порывы. Стоило Адѣ невольнымъ словомъ или движеніемъ напомнить ему, что онъ принадлежитъ ей, что его жизнь отнынѣ связана съ ея жизнью навѣки, какъ знакомая тягучая горечь и скука овладѣвали имъ.

Однажды вечеромъ, возвращаясь со службы, Николай Васильевичъ безучастно смотрѣлъ черезъ окно автобуса на яркія ракеты свѣтовыхъ рекламъ. На-

канунѣ, послѣ особенно тяжелаго приступа одиночества и тоски, онъ написалъ брату, что собирается въ Парижъ и проситъ сообщить немедленно, сумѣетъ ли онъ побыть у нихъ первое время. Письмо отправлено. Первый матеріальный шагъ къ свободѣ сдѣланъ. Утромъ было легко, даже почти радостно отъ принятаго рѣшенія. Но по мѣрѣ того, какъ уходилъ короткій осенній день, уходила съ нимъ и увѣренность. Въ душѣ Колобова поднимались черной тучей тысячи сомнѣній, точно черти на средневѣковомъ изображеніи страшнаго суда. На службѣ онъ не допускалъ ихъ до своего сознанія, ища убѣжища въ работѣ, но на обратномъ пути въ автобусѣ они съ новой силой овладѣли имъ. Онъ покорно склонилъ голову подъ ихъ подавляющей тяжестью. Онъ такъ задумался, что почти проѣхалъ мимо своей остановки и только успѣлъ соскочить съ подножки уже двинувшагося автобуса. Моросилъ мелкій, холодный дождь. Тусклый свѣтъ фонарей дрожалъ въ жидкомъ туманѣ. Черныя лужи на панели дробили желтыя и синія отраженія свѣтовыхъ объявленій. Рѣзко красный глазъ фонаря, регулирующаго движеніе, остановилъ Колобова на перекресткѣ. Вереница автомобилей съ блестящими отъ дождя верхами тянулась передъ нимъ. Вдругъ изъ-за угла вылетѣла маленькая двухмѣстная машина, что-то темное мелькнуло передъ ней, раздался короткій, сразу заглушенный крикъ. Все движеніе мигомъ остановилось. Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться люди подъ мокрыми зонтами, окружая что-то, лежащее комочкомъ посреди улицы. Двое полицейскихъ въ непромокаемыхъ плащахъ прошли твердымъ шагомъ, разгоняя любопытныхъ. Николай Васильевичъ протиснулся между автомобилей. Сердце его мучительно билось. Люди напирали на него со всѣхъ сторонъ. Онъ расталкивалъ ихъ локтями, самъ того не замѣчая. Наконецъ, онъ очутился въ первомъ ряду. Прямо передъ нимъ, раскинувъ руки и поджавъ подъ себя ноги, точно разметавшись въ

глубокомъ снѣ, лежала женщина. Голова въ густыхъ темныхъ кудряхъ была откинута назадъ. Лица не было видно. Бархатная шапочка валялась тутъ же. Правая рука безъ перчатки, крѣпко сжимавшая сумочку, жутко отражалась въ лужѣ. На синемъ изящномъ пальто темнѣли сгустки крови. Двое полицейскихъ, спокойно пробравшись черезъ толпу, нагнулись надъ женщиной. Одинъ бережно поднялъ ее за голову, другой за ноги. Рука съ сумочкой проволочилась въ темной лужѣ и повисла, какъ грязный носовой платокъ. Два яркихъ прожектора нетерпѣливо пыхтящаго рядомъ автомобиля освѣтили безкровные пальцы. Около кисти рѣзко розовѣла длинная царапина. Полицейскіе, несшіе трупъ женщины, обернулись на чей-то громкій скрежещущій стонъ. Толпа заколыхалась и раступилась передъ высокимъ сгорбленнымъ человѣкомъ съ портфелемъ подмышкой, который бѣжалъ, весь дрожа отъ судорожныхъ всхлипываній, закрывъ лицо руками. Ближайшіе изъ толпы слышали, какъ онъ повторялъ безъ конца одну и ту же фразу на непонятномъ языкѣ.

XXIX.

Вернувшись въ Берлинъ послѣ свадебнаго путешествія, профессоръ Брауншвейгъ съ женой занялись переустройствомъ квартиры, которую художникъ хотѣлъ обставить заново по вкусу молодой жены. Тиціа проводила цѣлые дни на аукціонахъ, въ антикварныхъ магазинахъ и картинныхъ галлереяхъ. Она часто по нѣсколько дней подрядъ присматривалась и прицѣнивалась къ какой-нибудь фигуркѣ саксонскаго фарфора. Когда ей удавалось получить вещицу за назначенную ею цѣну, она съ гордостью приносила мужу свое новое пріобрѣтеніе. Профессоръ со всѣмъ соглашался. Все, что дѣлала его жена, было для него свято и непоколебимо. Онъ въ ней души не чаялъ и все еще не могъ привыкнуть къ своему, какъ онъ всегда говорилъ, незаслуженному счастью. Сама Тиціа тоже была счастлива. Она мужа цѣнила, какъ человѣка и какъ друга. Его безпомощность въ житейскихъ мелочахъ трогала ее до слезъ, и эта жалость къ нему замѣняла ей любовь. Съ нимъ ей было хорошо; она была спокойна. Она знала, что покой важнѣй всего. Любовь проходитъ, а покой остается. Изъ Италіи она привезла нѣсколько альбомовъ съ рисунками и эскизами и двѣ-три отличныхъ акварели. Въ ея работѣ появилась новая яркость. Краски ложились на полотно увѣреннѣе, смѣлѣе. Ея талантъ округлялся, наливался сокомъ, точно поспѣвающій плодъ. Тиціа была бы вполнѣ счастлива, если бы не забота о младшей сестрѣ. Ея встрѣча съ Мышкой

была странная, непривычная. Младшая не бросилась ей, какъ обычно, на шею, не закидала ее вопросами, а только крѣпко обняла и молча положила голову къ ней на плечо. Когда сестры остались однѣ, Тиціа съ безпокойствомъ стала разспрашивать Аду, но Ада, улыбаясь, качала головой и молчала. Сердце старшей сжималось при видѣ Мышкиныхъ блѣдныхъ щекъ, ея усталыхъ движеній и выраженія съ чѣмъ-то примирившихся глазъ. На всѣ вопросы сестры Ада только отвѣчала:

— «Все хорошо, все въ порядкѣ. Я только немного устала. Это пройдетъ. Вотъ мы съ Николаемъ скоро поѣдемъ домой, я поправлюсь и буду опять какъ всегда».

На это Тиціа недовѣрчиво качала головой. Она не могла понять, почему Ада, всегда бывавшая съ ней такой откровенной, на этотъ разъ что-то отъ нея скрываетъ. Она про себя твердо рѣшила поговорить самой съ Колобовымъ тайкомъ отъ сестры. Но возможность выполнить это рѣшеніе все не представлялась.

Какъ-то вечеромъ послѣ дня, проведеннаго за городомъ съ Адой и Колобовымъ, супруги Браунштейгъ возвращались домой. Профессоръ съ удовольствіемъ затягивался папиросой въ длинномъ костяномъ мундштукѣ. Ея шелковый дымокъ спокойно струился надъ нимъ въ вечернемъ воздухѣ. Тиціа шла молча рядомъ, погруженная въ мысли.

— «Рудольфъ, — ея голосъ высоко прозвенѣлъ въ пустынной улицѣ, — ты не замѣтилъ перемѣны въ Николаѣ?»

Профессоръ отвѣтилъ не сразу.

— «Перемѣны? Какъ сказать, дорогая. Онъ мнѣ показался немного разсѣяннѣе и безпокойнѣе прежняго, но это можно приписать и переутомленію. Вѣдь онъ лѣтомъ не получилъ отпуска. Немудренно,

что человѣкъ усталъ и нервы немного распустились».

Тиціа въ раздумьи покачала головой.

— «Нѣтъ, а, по моему, тутъ что-то другое. Ты видѣлъ, какое у Мышки иногда бываетъ страдающее выраженіе въ лицѣ? Кто-нибудь изъ насъ, ты или я, долженъ поговорить съ Николаемъ. Я спрашивала Аду, но она молчитъ. Знаешь, Рудольфъ, я боюсь за нее».

Профессоръ ласково взялъ жену подъ руку.

— «Ну что ты, дорогая, я и не зналъ, что у тебя такая богатая фантазія. Колобовъ человѣкъ немного странный, какъ всѣ русскіе. Онъ много пережилъ, у него бываютъ минуты подъема и упадка. Но во всемъ этомъ нѣтъ причины для безпокойства».

Тиціа ничего не отвѣтила. Слова мужа не переубѣдили ее. Послѣ короткаго молчанія она снова заговорила.

— «Нѣтъ, Рудольфъ, ты ошибаешься. Я знаю Аду. Что-то легло между нею и Колобовымъ. Недаромъ у нея такое лицо. Я завтра же постараюсь повидать Николая наединѣ и заставлю его быть со мной откровеннымъ».

Профессоръ докурилъ папиросу и короткимъ толчкомъ выкинулъ остатокъ ея изъ мундштука.

— «Конечно, дорогая, ты лучше знаешь свою сестру. Тебѣ виднѣе. Если хочешь, я съ нимъ поговорю. Знаешь, между мужчинами легче выяснить нѣкоторые вопросы».

Тиціа съ благодарностью взглянула на высокую, плотную фигуру мужа и тихо пожала локтемъ его руку.

Ада мучилась. Наконецъ, послѣ долгихъ недѣль ожиданія вернулась старшая. Она такъ ждала ее, такъ жаждала все разсказать ей, услышать отъ нея слова утѣшенія. И вотъ въ день пріѣзда Тиціи она внезапно поняла, что не сможетъ ничего сказать ей. О чемъ она, въ сущности, хотѣла говорить съ сестрой? Жаловаться на Колобова? Но сестра вѣдь

первая уговаривала не думать о немъ, возстанавливала ее противъ него. А она, не обращая вниманія на увѣщеванія родныхъ, пошла своей дорогой. Взявъ на себя добровольно ношу своей любви, она должна донести ее до конца и донести одна безъ посторонней помощи. Ни сестра, никто другой не можетъ помочь ей въ этомъ. И она рѣшила молчать. Но передъ внимательнымъ любящимъ взглядомъ Тиціи не могла пройти незамѣтно перемѣна, происшедшая въ младшей. Безсонныя ночи, слезы, пролитыя тайкомъ, сомнѣнія и волненія оставили глубокій слѣдъ на прозрачномъ лицѣ Мышки. Тиціа ничего не знала. Она не знала, что Колобовъ снова уходилъ одинъ по вечерамъ, что Ада не спала и ждала его возвращенія въ теченіе долгихъ, томительныхъ часовъ. Иногда онъ приходилъ подъ утро. И сколько нелѣпыхъ мыслей, сколько дикихъ предчувствій и опасеній окружали ее въ такую осеннюю ночь, проведенную безъ сна. Отъ каждаго шороха колотилось сердце. Онъ вернулся; сейчасъ раздастся еле слышный стукъ въ дверь; онъ войдетъ, и она все забудетъ, всѣ страхи и сомнѣнія. Она заснетъ, она такъ устала. Но минуты капали дальше равнодушно и четко. Тишина не нарушалась ничѣмъ. Нѣтъ, Тиціа ничего не знаетъ. Она не знаетъ, что было въ тотъ вечеръ, сырой и холодный. Она ждала Николая. Онъ запоздалъ немного и, по обыкновенію, глухая тревога забилась въ ея горлѣ. Но вотъ гдѣ-то стукнула дверь, раздались его шаги въ корридорѣ непривычно быстрые. Онъ ворвался въ ея комнату и упалъ на диванъ, закрывая лицо руками, онъ стоналъ, какъ отъ мучительной зубной боли. Страхъ ледяными пальцами сдавилъ ей грудь. Она подошла къ дивану и склонилась надъ нимъ. Онъ бормоталъ что-то по русски. Она разобрала одно только слово: «Люба, Люба!» Тиціа не знаетъ, какъ онъ рыдалъ на ея груди, какъ онъ умолялъ ее простить его, принимая ее за Любу. Какъ онъ извивался въ припадкѣ, дико озираясь кругомъ,

не узнавая ее. И какъ онъ потомъ лежалъ тихо и неподвижно, глядя въ одну точку, и на ея заботливый вопросъ, лучше ли ему, отвѣтилъ, что ему хорошо и никого ему не надо. Если бы она могла Тиціи все это разсказать. Но она не имѣетъ права жаловаться на судьбу. Она должна нести свой крестъ одна. Бѣдный Николай, онъ не виноватъ; онъ самъ несчастенъ. Если она дѣйствительно любитъ его, то она должна все перенести ради него. Бываютъ дни, когда онъ живетъ мимо нея, какъ будто ея не существуетъ. Послѣ того вечера, когда онъ бился въ припадкѣ у нея на диванѣ, онъ ночью заперся въ своей комнатѣ, никого не впуская. А на слѣдующее утро, какъ ни въ чемъ ни бывало, ушелъ на службу, бѣгло коснувшись губами ея волосъ. Послѣ двухъ-трехъ разсѣянныхъ дней, въ которые онъ еле говорилъ съ нею и запирался подолгу въ своей комнатѣ, ссылаясь на срочную работу, онъ однажды ночью, не постучавшись, вошелъ къ ней. Она спала. И ей во снѣ почудилось, что кто-то склонился и глядитъ ей прямо въ лицо. Она проснулась и увидѣла надъ собою горящій взглядъ Николая Васильевича. Въ слабомъ желтоватомъ свѣтѣ уличнаго фонаря его лицо казалось осунувшимся и постарѣвшимъ. Съ радостнымъ восклицаніемъ она протянула къ нему руки. Онъ сѣлъ на край постели и крѣпко обнялъ ее. Теперь, когда сомнѣнія осаждаютъ ее со всѣхъ сторонъ, она старается воскресить въ себѣ память о той ночи. Онъ клялся ей, что любитъ и никогда не покинетъ ее, что она его послѣдняя надежда, послѣдняя соломинка, за которую онъ крѣпко, крѣпко ухватился и не отпуститъ больше никогда. Онъ повторялъ безъ конца, какъ будто хотѣлъ самъ себя убѣдить въ этомъ, что они скоро поѣдутъ вмѣстѣ въ Голландію, тамъ повѣнчаются и будутъ счастливы. И въ его ласкахъ было что-то новое. Онъ глядѣлъ на нее, какъ будто видѣлъ въ первый разъ и не могъ наглядѣться. Если бы онъ не любилъ ее, то не могъ бы такъ глядѣть.

Она, радостная, закрывала глаза и подставляла лицо подъ его поцѣлуи. И снова какъ тогда, въ ту душную августовскую ночь въ низкой дачной комнаткѣ, она то мучительно - сладостно падала въ свѣтлую пропасть, то улетала на шелестящихъ крыльяхъ въ надзвѣздныя выси. Подъ утро онъ заснулъ и она глядѣла на него, какъ мать на своего выздоравливающаго послѣ тяжкой болѣзни ребенка. А на слѣдующій день онъ получилъ письмо изъ Парижа, вѣрно отъ брата, о которомъ онъ ей ничего не сказалъ, и былъ озабоченъ весь вечеръ. Снова наступили для нея безпокойные и одинокіе дни. Она много играла. Но музыка не давала ей, какъ прежде, полнаго удовлетворенія. Она играла, чтобы забыться. Игрой она старалась заглушить дѣйствительность, тогда какъ прежде сама дѣйствительность заключалась для нея въ игрѣ. Всѣ въ пансіонѣ жалѣли маленькую голландку и старались незамѣтно облегчить ея одиночество. Даже сама фрау докторъ Науманъ, которая вначалѣ не взлюбила Аду за то, что та собиралась отнять у нея ея любимаго питомца, даже эта благочестивая вдова взяла бѣдную Fräulein Ada подъ свою опеку: кормила ее питательными блюдами и по воскресеньямъ сама ставила къ ней въ комнату кусокъ песочнаго торта собственнаго изготовленія на цвѣтной тарелкѣ. Больше всѣхъ жалѣла Аду Ольга Петровна Кандинская. Хотя Николаю Васильевичу за послѣднее время приходилось мало встрѣчаться съ нею, она достаточно хорошо знала его, чтобы судить о происходящемъ въ немъ по тѣмъ короткимъ фразамъ, которыми онъ изрѣдка обмѣнивался съ нею. Несмотря на то, что она осуждала его, она не могла отчасти не соглашаться съ нимъ. Ей самой были извѣстны эти безплодныя томленія и исканія чего-то потеряннаго навѣки. У нея все это, слава Богу, позади. Время посыпало пепломъ всѣ безцѣльные порывы. Она ничего больше не ждетъ. Ничего не ищетъ. Она довольна настоящимъ. Она спокойно

доживаетъ положенное ей время между своей работой и письмами сына изъ далекой заокеанской страны. Но даже у нея, смирившейся, бываютъ минуты, когда прошлое воскресаетъ. Поэтому въ самой глубинѣ души она не могла не понять состоянія Николая Васильевича. Часто по вечерамъ, когда Колобовъ подъ предлогомъ работы запирался въ свой комнатѣ или уходилъ бродить по улицамъ, мимоходомъ бросивъ Адѣ, чтобы она его не ждала, такъ какъ онъ, вѣрно, еще зайдетъ къ пріятелю, Ольга Петровна зажигала у себя въ комнатѣ лампу подъ голубымъ абажуромъ и звала дѣвушку къ себѣ. Ада приходила съ вышиваніемъ, а Кандинская садилась за свою очередную работу. Это было то шелковое бѣлье, заказанное русскимъ магазиномъ, то скатерть, которую она вышивала темнымъ крестикомъ по свѣтлому полю, и ходила предлагать по квартирамъ изъ дома въ домъ. Ада молчала, усталая отъ безрадостныхъ думъ. Ольга Петровна разсказывала о далекомъ прошломъ, о своей молодости, о Россіи. Аду одновременно притягивала и отталкивала эта далекая загадочная страна. Странные въ ней рождаются люди, навѣки зараженные медленнымъ ядомъ самоистязанія. Ада слушала и непонятна была ей эта спокойная, почти просвѣтленная женщина, у которой все позади и которая такъ равнодушно на видъ, иногда даже весело, разсказываетъ о давно прошедшихъ дняхъ, о давно погибшихъ людяхъ.

Однажды послѣ возвращенія Тиціи Ада снова была одна дома. Колобовъ былъ у Лиховецкаго и звонилъ оттуда, что не придетъ къ ужину. Къ сестрѣ итти Адѣ не хотѣлось. Она боялась минутной слабости, въ которую разскажетъ старшей обо всемъ и будетъ потомъ жалѣть, что не сдержала даннаго самой себѣ обѣщанія. Она сидѣла передъ роялемъ, облокотившись на лѣвую руку, правой рукой она брала вялые аккорды. Мягкій стукъ въ дверь заста-

вилъ ее встрепенуться. Въ комнату вошла Ольга Петровна съ рабочей корзинкой въ рукѣ.

— «Разрѣшите, дѣточка, посидѣть у васъ немного. Скучно мнѣ, старухѣ, одной. Ужъ не обижайтесь, что навязываю вамъ свое общество».

Ея добрые, спокойные глаза улыбались Адѣ и почему-то стало вдругъ уютнѣе въ нѣмецкой пансіонной комнатѣ со старой потертой бархатной мебелью. Отъ нѣжнаго голубоватаго оренбургскаго платка Ольги Петровны повѣяло чѣмъ-то теплымъ, материнскимъ. Она усѣлась въ глубокое кресло ближе къ лампѣ, надѣла очки и вынула работу. Ада, повернувшись на крутящемся сидѣніи рояльнаго табурета, слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Она вспомнила мамъ, и лампу дома въ гостиной, и темный садъ за окномъ. Глаза ея наполнились слезами. Кандинская взглянула на дѣвушку поверхъ очковъ.

— «Ну что это вы, милая, не играете? Сыграйте что - нибудь, у меня работа скорѣе пойдетъ».

Ада отрицательно покачала головой.

— «Не хочется, настроенія нѣтъ».

Ольга Петровна внимательно принялась измѣрять кусочекъ розоваго шелка.

— «Въ вашемъ возрастѣ настроенія нѣтъ! Грѣшно вамъ, милая. Погодите съ настроеніями, когда вамъ будетъ подъ пятьдесятъ. А сейчасъ радуйтесь молодости».

Ада повторила тихо про себя:

— «Радоваться молодости? На что она мнѣ, молодость?»

Ольга Петровна подняла голову отъ работы.

— «Дѣточка, я вамъ добра желаю, я хочу помочь вамъ. Простите мнѣ, если я вамъ сейчасъ сдѣлаю больно. Но это для вашего же блага. Вы мучаетесь изъ-за Колобова. Вы не понимаете его и никогда не поймете. Мы, русскіе, сдѣланы изъ другого тѣста. Мы прокаженные, отъ которыхъ надо бѣжать подальше, чтобы не заразиться. Бѣгите, пока не поздъ-

но. Вы — чистая дѣвушка, нетронутая жизненными невзгодами. Вамъ непонятны вѣчные прибои и отбои нашей издерганной души. Вы не сотворены для такой лихорадочной духовной жизни. Для васъ — любовь это покой, для насъ же — это борьба».

По мѣрѣ того, какъ она говорила, Кандинская вдохновлялась все больше. Ея легкій иностранный акцентъ какъ бы подчеркивалъ каждое сказанное ею нѣмецкое слово. Ада сидѣла неподвижно на табуретѣ передъ роялемъ, спрятавъ лицо въ руки. Ея узкія плечи слегка дергались отъ внутренней дрожи.

— «Я не хочу оправдывать Николая Васильевича, — продолжала Ольга Петровна, — онъ виноватъ передъ вами. Онъ не имѣлъ права, зная себя, ухватиться за васъ и потянуть васъ за собой въ пропасть. Но человѣкъ вѣдь неисправимъ. И на краю могилы его не покидаетъ надежда. Онъ думалъ, что черезъ васъ онъ переродится и начнетъ все сначала. Я сразу поняла, что это ужасная ошибка. Но что я могла сдѣлать? Ни вы, ни онъ не послушались бы меня. Но теперь, пока не поздно, бѣгите отсюда. У васъ есть родина, домъ, родители. Возвращайтесь къ нимъ».

Адины плечи вздрагивали отъ рыданій. Изъ за стиснутыхъ пальцевъ, закрывавшихъ ея лицо, раздался прерывистый голосъ:

— «Но я вѣдь люблю его, я не могу уйти отъ него».

Ольга Петровна встала и, подойдя къ дѣвушкѣ, ласково отняла ея руки отъ лица. Свѣтлые Адины глаза потемнѣли. Щеки были мокры отъ слезъ. Пожилая женщина провела рукой по склоненной головѣ.

— «Дѣвочка, не плачьте такъ, не надо отчаиваться. Хотите, я поговорю съ нимъ. Вы увидите, все еще будетъ хорошо. Не надо плакать. Глаза распухнутъ, некрасивой будете».

Прижавшись къ мягкому, какъ голубокъ, оренбургскому платку, Ада, тихо всхлипывая, слушала

Ольгу Петровну. Передъ ея горящими отъ слезъ глазами плыли красные и зеленые круги. Теплыя материнскія слова утѣшенія баюкали ея тоску. Она растворялась, таяла, переходила въ сладостную усталость.

XXX.

Профессоръ Брауншвейгъ осторожно вынулъ портсигаръ пальцами, запачканными масляными красками, и закурилъ. Черезъ широкое, выпуклое окно ателье входило зимнее вечерѣющее небо. Подъ нимъ темнѣли гребни крышъ. Профессоръ взглянулъ на изящные часы изъ саксонскаго фарфора, стоящіе на низкомъ столикѣ; было четверть шестого. Черезъ четверть часа долженъ придти вызванный имъ Колобовъ. Брауншвейгъ добросовѣстно исполнилъ обѣщаніе, данное женѣ. Утромъ позвонилъ Николаю Васильевичу въ контору и просилъ его зайти послѣ службы къ нему въ ателье, такъ какъ ему надо съ нимъ кое о чемъ побесѣдовать. Колобовъ какъ будто нисколько не удивился и отвѣтилъ, что въ половинѣ шестого будетъ у него. Профессоръ бережно повернулъ полотно съ начатымъ натюрмортомъ къ стѣнѣ, снялъ халатъ и прошелъ въ маленькую уборную мыть руки. Пока онъ теръ ихъ скипидаромъ и мягкой щеткой, мысли его вертѣлись вокругъ предстоящаго разговора. Онъ не зналъ, съ чего начать. Ему было неловко вмѣшиваться въ личныя дѣла почти чужого ему человѣка. Но дѣло идетъ о счастьи маленькой сестры его Тиціи, и поэтому онъ обязанъ говорить съ Колобовымъ.

Когда Николай Васильевичъ поднялся на пятый этажъ громаднаго дома, было уже совсѣмъ темно. Въ ателье широкое окно было задернуто бархатной портьерой табачнаго цвѣта. Въ углу, между повер-

нутыми къ стѣнѣ полотнами, мягко свѣтилась лампа подъ золотѣющимъ шелкомъ. Профессоръ встрѣтилъ своего гостя очень радушно. Пожалъ ему руку обѣими своими и, освѣдомившись о дѣлахъ и здоровьи, усадилъ его въ низкое, удобное кресло и поставилъ передъ нимъ бутылку виски и сифонъ. Отъ виски Колобовъ отказался, но выпилъ залпомъ стаканъ содовой воды. Онъ казался озабоченнымъ. Профессоръ мелькомъ подумалъ: «онъ постарѣлъ и осунулся», и ему вдругъ стало жаль этого, такого чуждаго ему, человѣка. Поговоривъ о погодѣ, о своей послѣдней картинѣ и о выборахъ въ Англіи, художникъ рѣшилъ приступить къ дѣлу. Онъ налилъ себѣ въ рюмку виски, выпилъ и, смущенно кашлянувъ, сказалъ:

— «Слушайте, Колобовъ, я васъ просилъ придти сюда, а не домой, потому что хочу говорить съ вами съ глазу на глазъ. Меня объ этомъ просила моя жена. Вы, вѣрно, догадываетесь, въ чемъ дѣло?»

Такъ какъ Колобовъ ему на это ничего не отвѣтилъ и дальше курилъ молча, профессоръ неувѣренно продолжалъ:

— «Видите ли, Тиціа очень безпокоится, что ея сестра Ада что-то скрываетъ, что она несчастна, однимъ словомъ, что между нею и вами что-то произошло, о чемъ она боится разсказать старшей. Я ее успокаивалъ, говорилъ, что въ недомолвки между женихомъ и невѣстой лучше не вмѣшиваться, сами разберутся и сами помирятся. Но она ничего слышать не хочетъ. Все свое твердитъ: я знаю мою Аду, она несчастна, и ей надо помочь. Вотъ я и предложилъ ей поговорить съ вами».

Николай Васильевичъ нервно раздавилъ папиросу о свѣтло-зеленое дно пепельницы.

— «Вы говорите — Ада несчастна? Да, возможно, что вы правы. Мы оба несчастны».

Его голосъ звучалъ неубѣдительно. Онъ глядѣлъ мимо Брауншвейга.

— «Профессоръ, вы человѣкъ умный, вы поймете меня. Ада несчастна, потому что мы не подходимъ другъ къ другу. Мы люди двухъ совершенно различныхъ міровъ. Россія и Голландія, хаосъ и порядокъ, тьма и свѣтъ. Мы не можемъ понять другъ друга, насъ раздѣляетъ вѣковая стѣна. Вы скажете, что объ этомъ я долженъ былъ подумать раньше. Вы правы. Но я въ ней увидѣлъ спасеніе. Скажите, какой человѣкъ, падающій въ бездну, оттолкнетъ протянутую ему на помощь руку?»

Наступило молчаніе. Колобовъ тяжело дышалъ. Профессоръ два раза кашлянулъ и налилъ себѣ еще виски въ стаканъ.

— «Имѣйте хоть мужество сознаться прямо, что вы Аду разлюбили и придумали всю эту лирическую галлиматью съ двумя мірами, чтобы не жениться на ней, не такъ ли, господинъ Колобовъ?»

Въ голосѣ профессора зазвучала презрительная иронія. Николай Васильевичъ поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Брауншвейгъ холодно выдержалъ его взглядъ и пожалъ плечами.

— «Гордымъ молчаніемъ вы меня не удивите. Ваша знаменитая русская душа для меня ничто иное, какъ очень удобное покрывало, за которымъ скрываются всевозможныя гнусныя продѣлки».

Колобовъ спокойно всталъ съ кресла и спокойно отвѣтилъ:

— «Вы взволнованы, господинъ профессоръ. Это такъ понятно. Я на васъ не обижаюсь. Я точно такъ же поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ. А теперь разрѣшите мнѣ откланяться. Мы можемъ, если вамъ угодно, возобновить этотъ разговоръ въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ, хотя бы у меня въ конторѣ».

Профессоръ уже сожалѣлъ о своей поспѣшности и, неловко улыбнувшись, протянулъ Колобову руку.

— «Вы правы, я погорячился. Со мной это рѣд-

ко бываетъ. Простите меня и останьтесь. Намъ съ вами надо еще о многомъ поговорить. Обѣщаю вамъ быть спокойнѣе впредь».

Николай Васильевичъ равнодушно пожалъ протянутую ему руку и снова опустился въ кресло. Теплый золотистый свѣтъ лампы падалъ прямо на него, подчеркивая осунутость его лица. Онъ заложилъ ногу на ногу и безразличнымъ голосомъ, точно рѣчь шла о совершенно неинтересующемъ его вопросѣ, заговорилъ:

— «Вы спрашиваете меня, профессоръ, разлюбилъ ли я Аду. Нѣтъ, я не разлюбилъ ее, я ошибся въ ней или, вѣрнѣе, я ошибся въ себѣ...»

Тутъ онъ самъ себя перебилъ усталымъ движеніемъ руки.

— «Къ чему я все это говорю вамъ? Вы все равно не поймете меня. Вы скажете, что я ненормаленъ. Можетъ быть, вы будете правы. Я не думаю, не чувствую, не живу, какъ думаетъ, чувствуетъ, живетъ большинство людей здѣсь въ Берлинѣ, въ Германіи, въ Европѣ — слѣдовательно, я не нормаленъ. Я — одной ногой въ прошломъ, другой — въ будущемъ; для настоящаго во мнѣ нѣтъ мѣста. Настоящее только мостъ надъ пропастью, соединяющей два берега: прошлое съ будущимъ. На этомъ мосту я встрѣтилъ дѣвушку съ протянутой рукой. Я думалъ, что она поможетъ мнѣ перейти на одну или другую сторону. Оказалось, что она такъ крѣпко схватила меня своими двумя руками, что я не могу шагнуть ни впередъ, ни назадъ. А мостъ трещитъ подъ нами, онъ не перенесетъ этой двойной тяжести, и мы оба полетимъ внизъ въ неизвѣстное».

Профессоръ въ раздумьи покачалъ головой.

— «Какіе вы, русскіе, всѣ фантазеры. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на жизнь трезво, брать ее такой, какая она есть — хорошая, удобная, простая — вы дѣлаете изъ нея заколдованную красавицу и устраиваете цѣлые крестовые походы для ея осво-

божденія. Вы считаете себя альтруистами, говорите, что у васъ широкое сердце, открытое для всѣхъ, а если попадется на вашемъ пути человѣческая душа, вы, не оглядываясь, затопчете ее ногами. Будто бы для ея блага, чтобы она въ слѣдующій разъ не загромождала вашего пути, а шла ровно рядомъ, какъ полагается».

Николай Васильевичъ сухо разсмѣялся.

— «Хорошаго вы мнѣнія о насъ, профессоръ. А если бы даже и такъ. Развѣ вы, европейцы, по своему, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ гвоздикой въ петлицѣ, не такіе же эгоисты, какъ и мы? Можетъ быть, даже большіе. Пусть мы фантазеры, искатели приключеній, мечтатели, неспособные трезво смотрѣть на голую жизнь, но въ насъ есть то, чего въ васъ нѣтъ и никогда не будетъ — уваженіе къ женщинѣ. Для насъ женщина самый близкій другъ и совѣтчикъ. Мы безконечно благодарны ей за все, что она даритъ намъ, за ласки, за дружбу, одинаково. А вы, — вы смотрите на женщину, какъ на самку, рожденную либо для размноженія, либо для удовлетворенія вашихъ низкихъ потребностей».

Колобовъ былъ блѣденъ, зрачки его глазъ сузились въ темныя щели. Профессоръ вынулъ папиросу изъ стоящей на столѣ серебряной шкатулки и закурилъ.

— «Теперь моя очередь сказать вамъ, — вы взволнованы, господинъ Колобовъ. Но я не принимаю всерьезъ вашихъ словъ. Вы раздражены, это такъ понятно».

Явная иронія въ словахъ профессора задѣла Николая Васильевича. Онъ хотѣлъ отвѣтить рѣзко, но во-время удержался и сказалъ примирительно:

— «Оставимъ это, профессоръ, не мы первые, не мы послѣдніе заспорили о противоположностяхъ въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Оставимъ это и вернемся къ интересующему насъ вопросу. Помогите мнѣ найти выходъ. Укажите мнѣ путь. Я охотно ис-

лолню все то, что вы мнѣ скажете, чтобы сдѣлать Аду счастливой».

Брауншвейгъ затянулся папиросой и сказалъ послѣ короткаго молчанія.

— «Чтобы сдѣлать Аду счастливой, вы должны жениться на ней и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы не дать ей никогда почувствовать той «вѣковой стѣны, раздѣляющей два міра», которую вы мнѣ только что такъ краснорѣчиво описали».

Колобовъ быстро взглянулъ на своего собесѣдника.

— «Жениться на ней? Но вы забываете, что она женщина и что она любитъ. Другими словами, чувствуетъ и понимаетъ то, что мнѣ самому, можетъ быть, еще не ясно. Даже если я задушу въ себѣ всѣ собственныя переживанія и стремленія, она все-таки пойметъ мою неискренность и къ горечи поруганнаго чувства къ ней еще прибавится горечь обманутаго довѣрія».

Профессоръ въ раздумьи наморщилъ лобъ.

— «Можетъ быть, вы и правы. Но я другого выхода не вижу. Не можете же вы послѣ всего того, что было (хотя вы мнѣ ничего не говорили, но я предполагаю, что между вами кое-что произошло), не можете же вы разсказать ей то, что разсказали мнѣ сегодня вечеромъ, и просто уйти, какъ уходятъ изъ кафэ, допивъ свою порцію кофе. Это было бы ничѣмъ не оправдываемымъ преступленіемъ по отношенію къ этому бѣдному маленькому существу. Я, какъ ея шуринъ, единственный родственникъ здѣсь въ Берлинѣ, не могу этого допустить».

Профессоръ волновался. Жила на его широкомъ лбу надулась, и стало похоже, будто кто-то провелъ синимъ карандашомъ густую черту надъ его лѣвымъ глазомъ. Колобовъ былъ спокоенъ, почти безразличенъ. Онъ криво усмѣхнулся.

— «Повторяю, профессоръ, вамъ нечего волноваться. Я сдѣлаю то, что вы найдете нужнымъ для

Адинаго благополучія. Только я сомнѣваюсь, чтобы она, будучи моей женой, была бы счастлива. Я слишкомъ хорошо знаю ее и себя, чтобы этому повѣрить».

Профессоръ коротко пожалъ плечами.

— «Другого выхода нѣтъ. Вы обязаны глубоко запрятать всѣ свои собственныя чувства и хотя бы внѣшне дать ей иллюзію счастливой семейной жизни. Вѣроятнѣе всего, вы потерпите фіаско. Но можетъ случиться и обратное: привычка сдѣлаетъ свое, и получится изъ васъ обоихъ примѣрная супружеская чета. Вы не вѣрите? Хорошо, возьмемъ первый случай. Предположимъ, что ваша жизнь съ Адой будетъ и ей и вамъ въ тягость; но тогда вы черезъ нѣкоторое время разойдетесь — будутъ говорить, что вы не сошлись характерами или что-нибудь подобное, поговорятъ и перестанутъ. Ада будетъ замужняя женщина, а вы сами не сумѣете себя упрекать въ томъ, что не приложили всѣхъ усилій, чтобы сдѣлать ее счастливой. А этотъ послѣдній аргументъ, насколько мнѣ извѣстно, необходимъ для вашей русской чувствительной совѣсти».

Колобовъ оставилъ иронію профессора безъ вниманія; послѣ короткаго молчанія онъ отвѣтилъ не совсѣмъ твердо:

— «Вы, можетъ быть, правы. Да, безъ сомнѣнія, я обязанъ дать ей иллюзію счастья. Я попробую сдѣлать все, что въ моихъ силахъ...» внезапно рѣшившись, онъ всталъ и протянулъ профессору руку: «Обѣщаю вамъ, профессоръ, сдѣлать все то, что отъ меня зависитъ, чтобы Ада была довольна мною».

Брауншвейгъ крѣпко стиснулъ протянутую ему руку; въ своемъ добродушіи онъ уже сожалѣлъ, что говорилъ съ Колобовымъ такъ рѣзко, по его лицу расплылась привѣтливая улыбка.

— «Я радъ, я очень радъ, Колобовъ, что намъ удалось сговориться. Я вѣрю вашему обѣщанію. Простите меня, если я немного погорячился, немного попреувеличилъ. Все-таки я васъ очень цѣню и

не такъ уже плохо отношусь къ русскимъ вообще, какъ вамъ могло показаться. Вы, русскіе, — по своему молодцы. Ваше искусство, ваша музыка могутъ намъ всѣмъ дать десять очковъ впередъ!»

Колобовъ разсмѣялся и дружески простился съ профессоромъ.

На улицѣ была легкая изморозь. Николай Васильевичъ шелъ быстро. Ему хотѣлось скорѣе вернуться домой, скорѣе увидѣть Аду, обнять ее, сказать ей, чтобы она готовилась къ отъѣзду въ Голландію, такъ какъ онъ на будущей недѣлѣ получаетъ рождественскій отпускъ. Какъ она обрадуется, бѣдная, маленькая! Какой онъ негодяй, что заставилъ ее такъ страдать. Профессоръ правъ, онъ еще мало бранилъ его, онъ заслужилъ гораздо большаго. Жалко, что магазины закрыты, онъ купилъ бы ей цвѣты. Бѣлыя гвоздики, которыя она такъ любитъ. Можетъ быть, можно ихъ получить въ вокзальномъ кіоскѣ. Николай Васильевичъ зашагалъ еще быстрѣе. Морозный воздухъ пріятно щекоталъ брови и уши. Сердце билось ровно и сильно.

Профессоръ Брауншвейгъ послѣ ухода своего посѣтителя расхаживалъ съ довольной улыбкой взадъ и впередъ по ателье. Какъ хорошо, что ему удалось все уладить безъ скандала. Онъ ужасно не любитъ скандаловъ. Все-таки, Колобовъ порядочный человѣкъ. Напрасно онъ наговорилъ ему столько непріятныхъ вещей. Надо скорѣе сообщить Тиціи результатъ разговора. Она будетъ такъ рада. Слишкомъ долго ждать, пока онъ вернется домой. Онъ позвонитъ ей по телефону. Профессоръ подошелъ къ аппарату, стоящему на низкомъ темно-зеленомъ столикѣ, и снялъ трубку.

XXXI.

Поѣздъ уходилъ; только красный глазъ послѣдняго вагона еще дырявилъ темноту. Холодный, густой паръ клубился подъ сводами вокзала. Люди спѣшили: пріѣзжали, уѣзжали, провожали. Въ обычной вокзальной суматохѣ чувствовалось приближеніе Рождества. Въ витринѣ фруктово-шоколаднаго кіоска, ярко освѣщеннаго и разукрашеннаго еловыми вѣтвями, красовались сахарные, точно сдѣланные изъ жесткаго снѣга, дѣды-морозы съ крошечными елочками въ кулачкахъ. Сырая гниль затянувшейся оттепели со всѣхъ сторонъ проникала въ вокзальную галлерею. Колобовъ зябко повелъ плечами, повернулся и медленно пошелъ къ выходу. Странное чувство облегченія и одиночества, овладѣвшее имъ, когда поѣздъ, уносившій Аду и Тиціу съ мужемъ, исчезъ въ темнотѣ, все усиливалось. Ему казалось, будто наступило то, чего онъ все время нетерпѣливо ждалъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, фактъ, что Ады нѣтъ, что Ада уѣхала отъ него, былъ ему непріятенъ. Мысли невольно возвращались къ событіямъ послѣднихъ дней.

Адина радость, когда онъ сказалъ ей о томъ, что рѣшилъ на Рождество ѣхать съ ней въ Голландію и тамъ повѣнчаться, яснѣе всего вставала въ памяти. И вдругъ вчера, разбираясь въ ненужныхъ бумагахъ, онъ нашелъ старый русскій календарь, на которомъ рукою его покойной матери было написано нѣсколько словъ: число — двадцать первое декабря; имена: Марія, Александръ, Павелъ и крестъ.

И онъ вспомнилъ, что двадцать первое декабря день гибели его сестры съ мужемъ и ребенкомъ. Двадцать первое декабря завтра, а наканунѣ вечеромъ онъ долженъ уѣхать въ Голландію съ невѣстой и ея сестрой. Билеты куплены, все готово къ отъѣзду. Годовщина смерти Маши. Онъ всегда старался проводить этотъ день въ одиночествѣ, въ воспоминаніяхъ, а тутъ будутъ чужіе люди кругомъ, особенно чужіе въ такой день. Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ не поѣдетъ съ ними. Онъ поѣдетъ днемъ позже, билетъ, вѣдь, дѣйствителенъ шестьдесятъ дней. Адинъ взглядъ, когда онъ подѣлился съ ней своимъ намѣреніемъ, преслѣдуетъ его, но онъ не могъ поступить иначе. Онъ остался. Завтрашній день всецѣло принадлежитъ памяти сестры. Ничто постороннее не должно помѣшать ему. Профессоръ съ женой очень холодно простились съ нимъ. Они весьма недовѣрчиво приняли эту его очередную ненормальность, какъ выразилась Тиціа за его спиной. На вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда Ада вдругъ захотѣла остаться. Но Николай Васильевичъ ее успокоилъ, обѣщалъ выѣхать завтра же вечернимъ поѣздомъ. Условились, что она будетъ ждать его у вокзала въ новой маленькой машинѣ, которую Тиціа подарила родителямъ. Въ послѣдній разъ протягивая Колобову руку черезъ вагонное окно, Ада довѣрчиво улыбнулась ему и шепнула: «Итакъ, до послѣзавтра утромъ». Онъ прижался щекой къ ея холодной ладони и повторилъ: «До послѣзавтра утромъ». Поѣздъ ушелъ, и онъ остался одинъ на темной платформѣ. Чувство пустоты или чувство облегченія? Которое сильнѣе? На улицѣ было сыро и дымно. На перекресткахъ пахло мокрой елью. Вереницы автомобильныхъ огней казались рождественскими шарами, катящимися внизъ по темной улицѣ. Надъ крышами вспыхивала мелкими огоньками бутылка; изъ ея горлышка лилась свѣтовая струя въ быстро наполняющійся бокалъ, въ которомъ булькали пузырьки

— всѣмъ надоѣвшая, никѣмъ, кромѣ провинціаловъ, больше не замѣчаемая реклама шампанскаго. Колобовъ шелъ по теченію. Было еще рано. Широкая улица вынесла его на большую площадь. Онъ пересѣкъ ее и взялъ вправо, наугадъ. Мысли несли его впередъ. Улица, на которой онъ очутился, оказалась пустынной. Поперекъ нея на протянутой проволокѣ маячилъ фонарь. Мысли Колобова старались продѣлать трудный акробатическій фокусъ. Верхнія лѣзли внизъ, нижнія тянулись наверхъ. Чувство одиночества стало преобладать надъ чувствомъ облегченія. Все кругомъ вдругъ показалось ему вымершимъ, пустыннымъ. Только онъ одинъ еще живъ и обреченъ на вѣчное одиночество. Холодный потъ выступилъ на его лбу. Ему почудился длинный, темный путь въ неизвѣстное и на этомъ пути маленькая черная точка — человѣкъ, онъ самъ. Зачѣмъ ждать, зачѣмъ мучиться невѣдѣніемъ, сомнѣніемъ и тоской, если можно сразу, однимъ движеніемъ положить конецъ всему. Странно, почему эта мысль никогда не приходила къ нему раньше? Или, можетъ быть, она всегда была съ нимъ, только подъ всевозможными масками, и онъ не узнавалъ ея. Теперь же она вошла къ нему властно. Сразу почувствовала себя дома и стала раскладывать свои инструменты. Онъ заинтересовался ими, какъ ребенокъ новыми игрушками. Разглядывая ихъ, онъ почти забылъ объ ихъ цѣли. Самое простое, самое чистое — пуля въ лобъ; нажать курокъ, сухой щелчокъ, и все. Револьверъ у него есть, но заряда нѣтъ. Зайти въ магазинъ купить пули; нѣтъ, этого сдѣлать онъ не можетъ. Отбросивъ первое, его умъ спокойно взялся за второе. Газъ? Но у него въ комнатѣ электричество, а въ кухню могутъ зайти. Запахъ можетъ проникнуть въ комнаты. Нѣтъ, и это не годится. Перерѣзать вену острой бритвой, какъ древніе римляне, жаждавшіе красивой смерти? Онъ криво усмѣхнулся въ темноту представившейся ему картины. Онъ увидалъ себя

въ своей комнатѣ, въ низкомъ креслѣ; изъ повисшей плетью лѣвой руки течетъ красная струя въ круглый тазъ, который всегда стоитъ на умывальникѣ. Эта картина была слишкомъ неестественно жутка, слишкомъ не соотвѣтствовала его понятіямъ о смерти. Но ловкій приказчикъ снова предлагалъ свой товаръ. Крѣпкая веревка, тугой узелъ и крюкъ отъ лампы. Николай Васильевичъ почувствовалъ, какъ у него вдругъ заныли ноги при мысли о томъ мгновеніи, когда все будетъ готово и надо будетъ отодвинуть стулъ. Холодный потъ, какъ лягушечьи лапы, поползъ по его спинѣ. Онъ пошелъ скорѣе. Передъ нимъ въ сырой темнотѣ двигалась человѣческая фигура. Ветхое пальто съ отвислыми карманами на усталой спинѣ. Ему вдругъ вспомнился Маріо Лоренци, итальянскій бродяга, которому онъ когда-то помогъ увидѣть родину. И всталъ вопросъ, почему тотъ бездомный, несчастный, не ушелъ добровольно отъ цѣпи нескончаемыхъ лишеній и скитаній, которою была для него жизнь. Неужели такъ цѣпки ея щупальцы, такъ неумолима жажда по ней? Мысли Колобова гуськомъ старались протиснуться сквозь узкую щель. Но безголосая тупая темнота толпила ихъ на порогѣ. Въ воздухѣ висѣлъ сырой туманъ. Гудокъ автомобиля издалека казался крикомъ ночной птицы. Пустынная улица вынесла Николая Васильевича къ каналу. Онъ пересѣкъ набережную и облокотился на холодное желѣзо перилъ. Внизу слабо билась густая, черная вода. Ему вдругъ стало ясно и легко. Одинъ прыжокъ, ледяной спазмъ — и конецъ. Онъ оглянулся. Набережная была пуста. Тускло изъ тумана смотрѣли рѣдкіе фонари. Онъ почему-то снялъ шляпу и положилъ ее бережно на каменный выступъ перилъ. Его руки судорожно прыгали, но онъ этого не замѣчалъ. Назойливая струя скользкаго вѣтра окружила его. Онъ поднялъ воротникъ пальто. Это машинальное движеніе вдругъ ясно выдѣлило чувство отчаяннаго холода. Быстро, чтобы

не дать этому чувству времени развернуться, онъ занесъ правую ногу надъ перилами. Внизу вода насторожилась. Увидавъ подъ собою колыхающуюся поверхность, точно спину гигантскаго моржа, Колобовъ снова почувствовалъ, какъ холодный потъ поползъ по его спинѣ. Онъ отдернулъ ногу. Сердце мучительно билось въ самомъ горлѣ. И онъ понялъ, что не можетъ, никогда не сможетъ кинуться, такъ же, какъ не сможетъ приставить дуло револьвера къ виску, открыть газовый рожокъ или перерѣзать вену. Жизнь его, какъ и Маріо Лоренци, какъ и многихъ другихъ, отпустить не хочетъ. На человѣческомъ языкѣ это называется трусостью. Онъ трусъ. Мысли, какъ бы обрадовавшись новому слову, нахлынули со всѣхъ сторонъ. Тутъ была и Адина послѣдняя улыбка, ея шопотомъ сказанная фраза: «итакъ, до послѣзавтра утромъ» — когда она это сказала? Неужели нынче вечеромъ? Кажется, будто вѣка пролетѣли съ тѣхъ поръ. Какіе-то обрывки картинъ толпились, готовые войти, какъ только теплая волна жизни вытѣснитъ клочья разлетающейся тьмы. Мало-по-малу въ немъ стало оживать новое чувство свободы. Давно неиспытанная легкость овладѣвала имъ. Ему казалось, что у него растутъ крылья, что онъ сейчасъ сорвется и полетитъ. Холодныя, скользкія перила набережной жгли ему пальцы. Онъ выпрямился почти самоувѣренно, засунулъ руки глубоко въ карманы и пошелъ прочь отъ воды. Вода отпускала его отъ себя нехотя. Онъ слышалъ, какъ она заплескалась о бортъ баржи и глухо заворчала, какъ отогнанная собака. Онъ шелъ медленно. Вѣтеръ, налетая, ерошилъ волосы. Шляпу онъ оставилъ на каменномъ выступѣ набережной. Въ мысляхъ, какъ птица въ клѣткѣ, билось слово «трусъ». Онъ повторялъ его про себя почти съ радостью. Какъ будто въ немъ нашелъ оправданіе всѣмъ своимъ поступкамъ. Какъ будто подъ этимъ новымъ ярлыкомъ онъ могъ безнаказанно скрывать всѣ свои слабости. Мало-по-малу

борьба въ немъ утихала. Сердце забилось ровно, и онъ почувствовалъ сильную усталость. Вѣтеръ налеталъ все сильнѣе, гоняя передъ собою отдѣльныя плоскія снѣжинки. Колобовъ пошелъ быстро. Мысль объ Адѣ ясно выступала впередъ. Онъ обѣщалъ тутъ же на завтра пріѣхать къ ней. Она ждетъ его. Развѣ онъ сможетъ посмотрѣть ей въ глаза послѣ всего того, что онъ пережилъ за эту ночь? Онъ трусъ, искавшій смерти, убѣжища отъ ея любви, и не имѣвшій мужества даже и на этотъ шагъ. Онъ не имѣетъ права принять отъ нея прекрасный даръ ея молодости. Онъ старъ, онъ боленъ. Онъ трусъ и, можетъ быть, убійца. Онъ долженъ уйти. Она будетъ страдать. Она любитъ его. Но лучше сразу все кончить, чѣмъ завлечь ее въ сѣти недостойной ихъ обоихъ комедіи счастливаго брака. Вдругъ ему показалось, что кто-то слѣдитъ за нимъ изъ сырой темноты, хитро подмигивая. Онъ остановился, оглядываясь. Набережная была попрежнему пуста. Большія снѣжныя звѣзды мягко кружились вокругъ фонарныхъ столбовъ и покорно таяли, еле коснувшись земли. Никого не было. Это онъ самъ надъ собою усмѣхался, надъ своей попыткой объяснить заботой объ Адиномъ благополучіи свою эгоистическую жажду свободы. И тогда онъ понялъ ясно, разъ навсегда, что никогда не вернется къ Адѣ, что съ этимъ онъ такъ же покончилъ, какъ съ мыслью о самоубійствѣ. Его толкалъ какой-то безпрекословный законъ. И онъ былъ радъ, что могъ отдаться въ его власть. Снѣжинки, тающія на его лбу, заставили его вспомнить о шляпѣ. Онъ оглянулся. Мѣстность оказалась совершенно незнакомой. Усталость ползла вверхъ по его ногамъ. Онъ почувствовалъ, что продрогъ и голоденъ. Онъ подошелъ къ фонарю и взглянулъ на свои часы. Было половина третьяго утра. Гдѣ-то прогрохоталъ грузовикъ. Въ одной изъ темныхъ поперечныхъ улицъ залаяла собака. Николай Васильевичъ рѣшилъ идти дальше по набережной канала. Куда-нибудь она

его должна вывести. Онъ шелъ довольно долго. Ноги повиновались плохо. Ровная сѣтка снѣга однообразно висѣла передъ нимъ. Когда онъ вышелъ на центральную площадь къ знакомой станціи подземной желѣзной дороги, часы на темномъ фасадѣ большого торговаго дома показывали десять минутъ четвертаго. Ихъ циферблатъ былъ освѣщенъ изнутри и казался полнымъ дискомъ луны. Площадь была совершенно пуста. Только нѣсколько таксомоторовъ зябко жались другъ къ другу въ одномъ углу. Ихъ верхи были покрыты тонкимъ слоемъ рыхлаго снѣга.

Осторожно пройдя корридоръ, Николай Васильевичъ вошелъ въ свою комнату. Прежде чѣмъ зажечь свѣтъ, онъ торопливо смахнулъ снѣгъ съ непокрытой головы. Мокрая свѣжесть пріятно прильнула къ его горячимъ ладонямъ. Бросивъ сырое пальто на стулъ, онъ повернулъ выключатель и подошелъ къ зеркальному шкафу. На него глянуло усталое, но спокойное лицо. Глаза свѣтились ровно, даже увѣренно. Капли тающаго снѣга дрожали на вискахъ, точно холодный потъ. Онъ поспѣшно отвернулся отъ зеркала. Онъ стыдился своего спокойствія.

Колобовъ почувствовалъ усталость только когда онъ опустился на стулъ передъ письменнымъ столомъ. Ему захотѣлось вытянуться на постели, закрыть глаза и заснуть надолго, ни о чемъ не думать, ничего не видѣть. Но этого сейчасъ нельзя было дѣлать, это потомъ. Сейчасъ же надо написать Адѣ, пока не поздно, пока къ нему не вернулась жалость и не заставила его снова возвратиться къ ней, теперь уже навсегда. Онъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать просто, какъ думалъ.

«Ты не поймешь, Ада, поэтому и не простишь меня. Я не прошу у тебя прощенія, я просто хочу быть откровеннымъ съ тобой. Я ухожу. Я не могу сдѣлать тебя счастливой. Я старъ, измученъ, несчастенъ. Я не достоинъ твоей молодости. Я виноватъ

передъ тобой. Для меня прощенія нѣтъ и быть не можетъ. Я оставляю тебя, любящую, преданную, чистую; тебя, отдавшую мнѣ все, ни разу не пожалѣвшую ни о чемъ. Я ухожу, какъ воръ изъ опустѣвшаго дома, захвативъ съ собой все цѣнное и оставивъ однѣ только пустыя стѣны. Я поступаю подло. Я ухожу потому, что не люблю тебя такъ, какъ ты этого заслуживаешь, потому, что не способенъ играть комедію, недостойную насъ обоихъ. Поймешь ли ты или назовешь меня вмѣстѣ со всѣми ненормальнымъ? Пусть, называй, какъ хочешь. Только не страдай. Я не хочу, чтобы ты изъ-за меня страдала. Маленькая Ада, я не достоинъ твоихъ слезъ. Это звучитъ мелодраматично. Видишь, я даже могу еще шутить. Вотъ до чего я очерствѣлъ. Маленькая Ада, я не подхожу къ тебѣ. Пойми, ты — покой; въ тебѣ и вокругъ тебя равномѣрно разворачивается гармонія жизни безъ всякихъ неожиданностей; тебѣ разстояніе между добромъ и зломъ кажется безконечнымъ. А я выброшенъ сюда, на твой берегъ, хаосомъ возмутившейся стихіи. Во мнѣ происходитъ постоянная борьба тьмы со свѣтомъ. Иногда одерживаетъ верхъ первая, иногда послѣдній. Во мнѣ понятія о добрѣ и злѣ перемѣшались, точно разноцвѣтные ликеры моднаго коктейля. Ихъ не стоитъ больше распутывать. Къ чему? Свой вѣкъ я и такъ проживу. Все, что мнѣ было близко и дорого, чѣмъ я жилъ, для чего страдалъ и боролся, — погибло окончательно и безповоротно, увлекая за собой часть моей души. Остатокъ ея кое-какъ болтается между прошлымъ и будущимъ, стараясь зацѣпиться за настоящее. Но настоящее, очевидно, недостаточно сильно, чтобы удержать его, и онъ все снова отрывается, все снова маячитъ взадъ и впередъ. Ты, Адушка, дольше всего сумѣла удержать въ настоящемъ выцвѣтшій клокъ моей души. Я благодаренъ, безконечно благодаренъ тебѣ за все. Теперь я ухожу, совсѣмъ ухожу, куда глаза глядятъ.

Мы съ тобою, Ада, никогда больше не встрѣтимся. Такъ лучше. Ты сама это поймешь, когда время затянетъ густой паутиной обнаженную боль перваго мгновенія. Я еще разъ благодарю тебя за все; за молодость, за покой. Я въ послѣдній разъ цѣлую твои ласковыя маленькія руки. Я хотѣлъ бы благословить тебя, но ты, вѣдь, не примешь моего благословенія.

Прощенія я не прошу у тебя. Ты меня сама простишь.

Николай Колобовъ».

Кончивъ, онъ, не перечитывая, вложилъ исписанные листки въ конвертъ. Твердой рукой надписалъ адресъ, наклеилъ марку и облегченно вздохнулъ. Все готово. Теперь онъ свободенъ. Онъ всталъ изъ-за письменнаго стола и подошелъ къ окну. Въ головѣ было пусто и легко. Глаза горѣли отъ безсонницы. Онъ немного отдернулъ портьеру. Въ комнату заглянулъ зимній разсвѣтъ. Снѣжинки попрежнему безшумно рѣяли въ воздухѣ. Колобовъ вдругъ почувствовалъ себя уже далеко. Комната въ пансіонѣ Науманъ, служба, улицы Берлина, — все было позади. Онъ глубоко вздохнулъ и прислонился лбомъ къ синѣющему стеклу. За нимъ на письменномъ столѣ въ предутреннемъ свѣтѣ сѣрѣлъ четырехугольникъ письма.
